Открывая номер

РЕНЕССАНС СТАЛИНСКИХ ПРОЕКТОВ

Ещё вчера у нас было модно всё советское охаивать. Никто не спорит: дурости и тогда хватало партократия не терпела никакого инакомыслия. Многие свободы подавлялись.

Но у советской системы было и чему поучиться. Вектор-то развития Сталин во многом задал ведь правильный. Вспомним, из-за чего вождь постоянно в тридцатые годы менял всё военное руководство Дальнего Востока. Понятно, что никаким шпионом Блюхер не был. Он просто оказался никудышным стратегом. Что это за военачальник, который не думал об инфраструктуре крупнейшего военного округа?! Случись война, и все наши армии в первый же день завязли бы в дремучей тайге. Дорог-то не существовало.

Советскому Союзу позарез ещё до войны нужен был БАМ. Наши учёные имели великолепную выучку, отличные знания и стратегическое мышление. Они смотрели на много десятилетий вперёд. По их мнению, новая трасса не просто должна была выходить на океан. Они предлагали построить в Татарском заливе тоннель и соединить материковую часть Охотского побережья с Сахалином, подразумевая в перспективе мостовой переход в Японию.

Согласен: выход на Японию в довоенную пору был не реален. Но сам БАМ и тоннель под водами Татарского залива следовало строить немедленно. Мы же то начинали стройки века, то прекращали, не научившись даже правильно консервировать сделанное. И сами таким образом подкашивали свою же экономику. Совершённые глупости страна осознала сейчас. Сталин раньше других понял, что будущее России и всего мира во многом будет определять Север. Он предвидел обострение борьбы мировых держав за Арктику, а потому всячески поддержал идею строительства высокоширотной железной дороги из Салехарда в Игарку. Другой вопрос: кому следовало строить? Надо было не заключённых бросать на Север, а, видимо, развивать железнодорожные войска.

Но Сталин умер, и 501-я и 503-я стройки были прекращены. Преемникам Сталине не хватило стратегического мышления. Они упустили несколько десятилетий, тем самым обрекая экономику России на длительную стагнацию. К этим проектам страна вернулась только сейчас.

Россия должна теперь сделать мощный рывок. БАМ, строительство тоннеля под водами Татарского залива, железная дорога Салехард – Игарка – всё это должно стать нашим приоритетом. Иначе страна будет обречена на прозябания и окажется на задворках мировой истории.

Вячеслав ОГРЫЗКО

МИР СЕВЕРА

№ 4 (92), 2014

Этнополитический и литературно-художественный журнал

Учредитель:
редакция газеты «Литературная Россия»

Главный редактор
Вячеслав ОГРЫЗКО

Заместитель главного редактора
Роман СЕНЧИН

Исполнительный директор
Александр ДОРОФЕЕВ

Редакционный совет:
Еремей АЙПИН (Ханты-Мансийск),
Михаил АНДРЕЕВ (Томск),
Евгений БОГАЧКОВ (Москва),
Андрей БОРИСОВ (Якутск),
Галина БУТЫРЕВА (Сыктывкар),
Людмила ЕФРЕМОВА (Надым),
Николай КУРИЛОВ (Якутск),
Татьяна МОЛДАНОВА (Ханты-Мансийск),
Анатолий ОМЕЛЬЧУК (Тюмень)

Компьютерный набор
Татьяна ЕГОРОВА
Дизайн/Вёрстка
Ольга ПЕЛЕНКОВА

Обложка 1,2,3 стр. - автор фото- Олег Химаныч

Подписано в печать
25 июля 2014 года.

Выпуск издания осуществлён при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати. Свидетельство о регистрации № 015849 от 14 марта 1997 года.

Тираж 1200 экз.

Адрес редакции:
127051, Москва,
Цветной бульвар, 32, строение 3.

Телефоны: 8 (495) 694-23-24,
8 (495) 694-03-65,
Факс: 8 (495) 694-50-10

E-mail: litrossia@litrossia.ru

Отпечатано
в ГУП Академиздатцентр «Наука» РАН,
ОП ПИК «ВИНИТИ»-«Наука»,
140014, Московская обл., г. Люберцы,
Октябрьский пр-т, д. 403.
Тел./факс: 554-21-86, 554-25-97,
974-69-76.

Заказ 518

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна,
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.

И снится ей всё, что в пустыне далёкой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утёсе горючем
Прекрасная пальма растёт.

Михаил Лермонтов

СОДЕРЖАНИЕ

1 Открывая номер
Вячеслав ОГРЫЗКО. Ренессанс Сталинских проектов

3 Прогноз
Александр ПИЛЯСОВ. Что будет с Арктикой

8 Ядерный щит
Олег ХИМАНЫЧ.Новоземельская твердыня

35 Начало поиска
Анатолий ПОПОВ. Воркутинская находка

40 Защитники Отечества
Юлия НАКОВА. Видело небо и слышали воды Пор-авата и Невы

46 Параллели
Игорь ШУМЕЙКО. Два континента - две судьбы

54 Советский литературный генералитет
Вячеслав ОГРЫЗКО. Адмирал, проигравший битву за русскую литературу

72 Золотая Колыма
Сергей СУЩАНСКИЙ. Поэт пошёл в старатели

78 Путешествия
Георгий СИДОРОВ. В поисках древних цивилизаций

Читайте новые книги о Севере
издательства «Литературная Россия»

Александр ПИЛЯСОВ

ЧТО БУДЕТ С АРКТИКОЙ

Александр Пилясов – профессор кафедры экономической географии России географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор географических наук. Он возглавляет Центр экономики Севера и Арктики Совета по изучению производительных сил Минэкономразвития России и РАН. За его плечами многочисленные экспедиции и международные конференции, сейчас он, выиграв с коллегами государственный конкурс, разрабатывает стратегии развитию северных регионов. Поэтому о том, в каком направление будет развиваться русский Север и что будет с Арктикой, мы узнали из первых уст.

– Вы участвовали в многочисленных научных экспедициях на Север. Расскажите, что это были за экспедиции, какая стала самой запоминающейся?

– Действительно, в последние годы мы делали стратегии и программы по городам и регионам Севера. В основном, мы были в городах на юге Ямала, выигрывая конкурсы на разработку стратегий развития городов на десять-пятнадцать лет вперёд. Результаты этих исследований легли в основу книги «Россия, которую мы только что обрели: исследуя пространство на микроуровне». Подготовка городских и региональных прогнозных документов (стратегий и программ) требует исследований, и экспедиционных, и аналитических. Каждый такой документ проходит общественные слушания. Мы защищали основные положения работ в Муравленко, в Губкинском, в Ноябрьске.

– По Ноябрьску уже принят документ?

– Пока не принят, разработка Стратегии в последней стадии. Мы учитываем замечания общественных слушаний, чтобы доработать документ. Кроме того, он должен быть одобрен на уровне окружной власти, а потом городская муниципальная власть реализует его мероприятия. Северные города, регионы сейчас на переломе. Была одна модель индустриальная, теперь формируется другая. И на нас лежит ответственность в том, чтобы показать, куда идти. Ни власть, ни общественность не могут здесь обойтись без науки.

– Это уникальный опыт, когда власть советуется с наукой, чтоб выработать дальнейший путь?

– В 90-е годы такой потребности не было: все занимались выживанием. А с нулевых годов возник интерес к таким документам. Власть ощутила, что она не вполне компетентна, и те вызовы, которые возникают, требуют долгосрочного видения. И надо знать, на чём эту стратегию строить. Так возродился интерес к этим документам. В советское время такой интерес был: были монографии, называвшиеся предплановыми исследованиями подготовки комплексных программ. Но тогда было проще, развитие было более инерционным. В те годы не было таких уязвимостей, рисков в связи с открытостью северных городов и регионов мировому рынку, ввиду неустойчивос-

ти мировых рынков. Кроме того, власть сегодня не имеет тех рычагов, которые она имела раньше. Сейчас значительный потенциал в корпорациях, в бизнесе, а бюджетных ресурсов недостаточно для крупных инвестиций. Никакой бюджет не сможет заменить крупных частных инвесторов.

– Какие ключевые моменты в развитии Севера?

– Вызов и вопрос у всех регионов Севера один: как сделать более устойчивой экономику, которая очень зависима от мировых рынков, цен и небольшой номенклатуры добываемых ресурсов, к тому же весьма истощённых. Получается: риски истощения, риски глобальной нестабильности мировых ресурсных рынков – это надо учитывать и искать страховку для того, чтобы эти риски уменьшить.

На Западе в посёлках численность населения меньше: и в Канаде, и на Аляске, и на Скандинавском севере население меньше, поэтому в случае каких-то кризисных ситуаций эти люди могут собраться и уехать с меньшими издержками для государства. У нас же это должна быть государственная программа по поддержке отъезда. У нас всё сложнее: люди у нас менее мобильные, города больше. Нужно искать направления по страховке от рисков. Есть западные схемы, но они не работают у нас. Например, создать постоянный финансовый фонд на отчисления от ресурсов, чтоб регионы имели такую страховку в виде накопленных средств – не получается, потому что это противоречит законодательству РФ. Такие фонды может создавать только федеральный центр в виде стабилизационного фонда и так далее. Когда я работал в Ханты-Мансийском автономном округе, они жаловались: «Сейчас есть возможность и ресурсы, но мы не можем создать фонд поколений или фонд наследия». Они пытались. Как говорил их губернатор: мы строим те объекты, которые центр потом будет неизбежно поддерживать.

Получается, что у нас сложнее масштаб проблемы, связанной с изменением экономики Севера: уход от одного ресурса, выход на компактное по численности население, но приличное по уровню жизни проживание. На такую схему выйти выдаётся в отдельных анклавах. Сегодняшний Север очень поляризован. Например, Эвенкия – это Африка, там люди живут на подножном корме, на Ямале и в Хантах люди живут на уровне Северо-Западных территорий Канады, Аляски, Юкона. Таких сумасшедших контрастов раньше не было: развитие было более ровным. Были государственные льготы, институты бронирования, была защищённость и масса прямых и косвенных льгот. А сейчас, если ты родился в Норильске – ты везунчик, если в Эвенкии – лузер, тебе сложнее выбраться из бедности.

Могу сказать три истины, чтобы не было иллюзий. Первое: Север России ещё долго будет регионом с падающей численностью населения. Надеяться на то, что мы выйдем на ту численность, что была в советские годы, очень наивно. Эта тенденция к уменьшению будет продолжаться, хотя не так обвально, как в девяностые годы. Второе: это развитие на многих опорах и очень специфичное, с учётом контекста конкретного места. Третье: перспектива в интеллектуализации Севера, увеличении роли науки.

Раньше всё держалось на энергоресурсах, на минеральном сырье, сегодня развитие может идти от географического положения

или от уникального преимущества, возникшего от лидерства. Например, мы были в Губкинском, там конкурентное преимущество возникло от личности – главы города. Двадцать лет там старательно выращивался малый бизнес, поощряемый главой. И есть результаты: город живёт культурно разнообразно, с большой сферой услуг, удивительной для тридцатитысячного поселения.

Подобные тенденции можно найти иногда и в облике города: ты видишь театр оперы в Якутске, и это уже совершенно другое, не застройка 1930-х годов, это уже новые материалы, дизайн-проекты. Преимущество Салехарда в том, что он с нуля строился современно. В канадских городах в центре есть трущобность, в Салехарде такого нет. В чём разница между нами и Канадой? У них настолько эффективная южная, городская экономика, что её не надо подпитывать северными ресурсами. У нас экономика в обрабатывающих сферах недостаточно эффективна. Если в странах Запада помимо севера, есть южные драйверы, то у нас север кормит и перемалывает неэффективность центра.

Когда мы первые годы стали ездить на Аляску, наших генералов от цветной металлургии, нефтяных генералов поражало одно и то же. Они задавали очень простой вопрос: «Сколько добывает эта старательская артель? Тонну в год? А сколько занято человек?» И когда эти директора горно-обогатительных комбинатов слышали, что тридцать человек, они были в шоке. На нашу тонну должно быть триста-четыреста человек. Предельно компактно, предельно эффективно. Это всё банальные вещи, но на этом строятся основы северной экономики. Ты приходишь в библиотеку в Анкоридже, там вообще нет библиотекарей, там стоят компьютеры и каждый работает сам и с базами данных.

– У нас что-то есть подобное?

– В Ноябрьске есть интеллектуальный центр, там, конечно, больше людей. Я бывал на угольном предприятии на Аляске, там добыча идёт абсолютно безлюдно. Мы зашли на склад, а там робот, который шарит по ящикам и из ящиков вынимает нужную деталь. Огромный склад и нет людей, только робот, который ездит по рельсам. И это было в начале 90-х.

Развитие науки должно пронизывать все сферы: оно должно взламывать и коммунальную систему, и производственную, и услуги. Будущее Севера в его интеллектуализации, причём не высокопарном, а очень прикладном.

– То есть на Север будут отправлять учёных? Откуда набирать эти кадры?

– Решение в партнёрстве: усилия корпораций, которые проводят переобучение своих сотрудников, затем местная власть, которая проводит переобучение чиновников и управленцев, и, конечно, молодое поколение. По всем этим линиям должно идти обучение.

– А как быть с коренными народами? Приобщать их к новой экономике или сохранять идентичность?

– С одной стороны, нельзя консервировать архаику – это просто негуманно по отношению к этим народам. С другой стороны, звать их в современное общество с зачёркиванием своих корней и традиций тоже неправильно. Идеальная схема – это сочетание традиционных навыков оленеводства, рыболовства, языка, и вхождение в экономику. Денежный доход из нового, а оленеводство как то, что

поддерживает связь с предками. В Канаде, например, рабочий график адаптируют под то, чтобы они могли заниматься своими традиционными промыслами. Нужна безболезненная интеграция. Сейчас у нас возникает другой феномен: северные диаспоры аборигенов уже находятся в Москве, Петербурге. Эти люди, обладая навыками традиционной культуры, адаптируются к условиям городской культуры. Это новый феномен.

Какая история у арктического вопроса?

– В советское время была карта: гусеницами обозначена граница к северному полюсу – от крайней западной точки до восточной, от Мыса Дежнёва до Калининградской косы, от которых две руки шли к Арктике. Потом мы подписали конвенцию ООН по морскому праву, и нам сказали: «это не ваше, ваше только то, что двести миль от шельфа, от побережья». Образовалась ничейная зона. Мы заполошились и стали собирать базу, что там тоже наша территория, так как 200 миль считают от материковой коры, которая принадлежит стране. А у нас она вытягивается в океан, и там мелководье, но надо создать доказательную базу, что дно шельфа является продолжением нашей суши, единая геологическая структура. Когда мы шли в 2000 году по Северному морскому пути на корабле «Михаил Сомов» – от Архангельска до Тикси – нас обогнало судно «Академик Фёдоров». Уже тогда Россия занималась сбором доказательной базы, что дно шельфа и береговая суша – одна структура. Эти доказательства уже предъявлены. Министерство природных ресурсов закладывало ежегодно сотни миллионов рублей на сбор доказательной базы. В этой области мы были расточительно щедры на исследования. Важно, чтобы эти аргументы были представлены в формате, который требует Комиссия ООН.

– Какие перспективы у России в Арктике? Добьются ли признания нашей собственности?

– Та спорная зона, которая за хребтом Менделеева и Ломоносова, точно перейдёт к России – это вопрос времени. Я читал американских учёных, не симпатизирующих России, которые голословно утверждают, например, что Дальний Восток нам нужно Китаю отдать, но все они признают, что арктические права России бесспорны. И есть доказательная база. Убеждён, миллионы квадратных километров акватории будут признаны собственностью России.

Очень большие ожидания связаны с освоением шельфовой зоны Арктики. Освоение нефте-газовых ресурсов, разведка месторождений, геофизические работы, сейсморазведка, усилия по подтверждению российской собственности – на этом будут в ближайшее время сосредоточены усилия. Но тут, кроме собственности, нужны ещё технологии, знания, компетенции, важно, насколько собственник обучаем, эффективен, какие у него технологии.

– А у вас какие прогнозы? Обучаемы мы?

– Мы обучаемы, но, конечно, инертны. Имея преимущества в виде территорий, мы инертны в плане инициатив, медлительны. Другие страны, которые не имели ни таких территорий, ни многолетнего опыта, выходят вперёд. Например, Норвегия начала освоение в 90-е годы, тогда они стали строить северные университеты, но сейчас

они уже вышли на передовые позиции. Или Китай – удивительно, что ещё двадцать лет назад такого арктического игрока вообще не было. Но двадцать лет нарабатывался опыт, использовалось знание экспедиций в Антарктиду, был куплен у Украины ледокол, он стал ходить в Арктику. Потом дружба с экономически слабыми арктическими странами, как, например, Исландия, Гренландия, которым Китай предлагал масштабные инвестиции. В период мирового финансового кризиса 2007–2008 годов это было очень существенно. Китайские инвесторы практически спасли Исландию. Китайцы получили полигоны в Исландии и Гренландии, на которых разместили свои исследовательские станции, и сейчас Китай – арктический игрок.

– Арктика представляет стратегический военный интерес? Или интересы сосредоточены в её ресурсах?

– Конечно, в период холодной войны эта была зона противостояния. Вся арктическая тематика была секретна. Я помню, как хотелось её изучать, но мне было сказано, что если вы будете писать кандидатскую по Арктике, вам её некому будет докладывать. Нужен был доступ к секретности. Однако сегодняшние войны ведутся иначе, нежели тридцать лет назад. Тридцать лет назад нужно было массированно захватывать территории, сегодня же захватывают критические инфраструктурные объекты, телекоммуникационные центры, пункты управления, и фактически это разваливает инфраструктуру противника, лишая его координации. Более актуальным становится контроль ключевых точек и ресурсных, в том числе. Происходит воздействие на условия освоения через контроль ресурсов нефти и газа.

– Кто будет развивать месторождения в Арктике в случае позитивного сценария? Наши компании к этому готовы?

– Если мы не спешим, то когда-нибудь у наших компаний возникнут компетенции, которые позволят им вести работы на шельфе. Надо признать, что пока они это не вполне умеют. Если мы хотим быстрее, что лучше, то тогда нужна помощь норвежцев, которые этим занимаются с 70-х годов. Надо у них учиться. Наша индустриализация 30-х годов тоже вся проходила на обучении, не с нуля мы создавали, мы приглашали «белоэмигрантских» военспецов, приглашали иностранцев. Скорее всего, мы будем ориентироваться на сотрудничество и передачу компетенции и технологий. Это снизит риски, когда никто не знает, к чему приведёт бурение в арктическом шельфе. Мы беседовали с академиком РАН (уже ушедшим от нас) И.С. Грамбергом, он говорил, что чем идти в Восточную Сибирь, лучше идти в Арктику, там месторождения более понятные по геологической структуре. Я был удивлён.

Также могу сказать, что от нас ждут, что мы будем предлагать идеи по освоению Севера, так как у нас неоспоримое преимущество в виде обширных северных территорий. Запад следит за нашей северной темой, например, мы подписали в феврале 2014 года свою арктическую стратегии, а США – в мае свою. Календарно видно, что они смотрят, перенимают опыт и подражают. Я общался с людьми, которые писали стратегии, они впитывали наши позиции, соображения, принципы федеральной политики в Арктике, как губка.

Беседу вела Наталья ГОРБУНОВА

Олег ХИМАНЫЧ

Новоземельская

Люди и судьбы дальнего русского архипелага

На юбилейном знаке Центрального полигона России – купели советского ядерного оружия – 60 лет. Точка отсчёта его истории – 17 сентября 1954-го. В этот день флотский главкомат застолбил своим приказом штатную структуру полигона. Объект 700 – так поначалу он назывался. Пионеры-первопроходцы – тринадцать батальонов военных строителей высадились на скалисто-покатую твердь Новой Земли ещё раньше – летом. На раскачку времени не было. Ни по природному климату, ни по политическому: державы затевали схватку с ядерными дубинами и верили – у кого она больше – тому и власть!

Берега Новой Земли я долгое время видел только с корабельной палубы, когда ходил Карскими воротами в Дальнюю Арктику и обратно. Гражданские суда тамошние бухты посещали редко, поскольку архипелаг долгое время считался закрытым из-за расположенного на нём военного полигона, и это, признаться, создавало у массового обывателя некий ореол таинственности над островами.

Первый раз на сушу Новой Земли я ступил в 2009-м. Осенью здесь праздновали 55-летие полигона. Был в гарнизоне, как и положено, парад, состоялся праздник, хозяева и гости торжественно открыли закладной камень будущего монумента испытателям... Во вторую поездку, я отправился в прошлом году по приглашению начальника полигона полковника Андрея Анатольевича Синицына.

Для меня это была во всех смыслах необычная командировка. Во-первых, путь лежал на отдалённый, долго скрытый завесой секретности архипелаг. Мораторий на испытания ядерного оружия вовсе не «демобилизовал» Новую Землю: хотя полигон ныне «заморожен», всё его «хозяйство» исправно поддерживается в готовности, и это дело военных. Служба ответственная, тяжёлая, часто в экстремальных условиях, не всем по силам, а только настоящим мужчинам... и женщинам. Последнее заставляет удивиться.

Ещё одно диво – местная природа. Арктика, как красивая женщина – завораживает, но может быть и равнодушной, и бессердечной, даже очень жестокой. Вот и уделы Новой Земли – своеобразный, красивый, но зачастую и очень жестокий мир. Согласитесь, такое сочетание бытует далеко не везде.

В Белушьей губе – административном центре островов ныне возрождён поселковый Совет, живут и гражданские люди. Интересно же, как выглядит их быт после десятилетий безраздельной вотчины военных?

Наконец, мой вояж был туда, куда даже самолётом непросто долететь. В прямом смысле. Тому мешала не только погода, но и ведомственные препоны. В 2012 году гражданская авиация прекратила полёты на Новую Землю – летает сюда теперь только военно-транспортная. Для людей, которые как носят погоны, так и обходятся без них, связь с материком по воздуху возможна при многих оговорках, а морем отсутствует вообще. Вот и мне, чтобы попасть на острова пришлось воспользоваться самолётом Минобороны. Рейс был с пассажирами и грузом – экзотический рейс, так скажем. В общем, необычным было многое из того, что довелось увидеть, понять и осознать, побывав на остро-

твердыня

вах, беседуя с новоземельцами.

По бывшей оленьей тропе

Приземлились в Рогачёво. Это главная воздушная гавань Новой Земли. Место, выбранное для него, названо в память кондуктора флотских штурманов Г.С. Рогачёва, который работал здесь в 1838-39 годах. И это первое историческое поименование, с которым сталкивается всякий попавший на архипелаг по воздуху. Нас, прибывших уже ждали на аэродромной бетонке – подъехали сразу несколько автомашин. Тут же и вездесущие флегматичные полярные собаки. Они по своей инициативе встречают каждый борт. На полосе гулял пронизывающий ветер. Грузовая аппарель Ан-72 коснулась бетонки, и, значит, можно забирать свой багаж...

Всего 14 километров от Рогачёво до Белушки, но какой дороги?! УАЗик катился по бетонным плитам. На обе стороны – равнина, уже выцветшая, порыжевшая, местами побуревшая. Кое-где зеркальца серой и голубоватой воды – мелкие равнодушные озёра. Тундра стремительно растеряла свой августовский наряд. Виделось далеко – волны сопок на горизонте, низкие облака разбегались над ними, и

холмы несмело подсвечивались солнышком.

– В основном птица уже пошла в отлёт, остались самые стойкие – с некоторым сожалением сказал мне Алексей Давыденко, мой сопровождающий, капитан I ранга, заместитель начальника полигона, но сразу и обнадёжил, – Вы ещё их увидите.

Без птиц окрестности были полны покоя или даже безразличия.

С этой дорогой связана легенда. Впрочем, не совсем легенда, поскольку к фольклору она отношения не имеет, а скорее к обывательским разговорам. Достоверные факты в их основе или не очень, выяснить так и не удалось, но говорят, когда стал вопрос о прокладке дороги от Белушки в Рогачёво, не знали, по какому маршруту её вести – кругом болота. Местность неизведанная, на изыскания времени уже не было, а трасса требовалась срочно. Тогда один смышлёный, а скорее – многоопытный специалист якобы предложил проложить дорогу там, где проходила оленья тропа – вряд ли зверь будет стремиться в болотные хляби. Так и сделали. И не прогадали.

Подъехали к границе гарнизона. Она означена постом ВАИ: караулка, шлагбаум, наряд в зелёном камуфляже. Приехали, значит – посёлок Белушья губа. Или проще – Белушка – ласкательно от Белушьей губы. Не Белужьей, как порой приходилось слышать и даже читать, а Белушьей. Белуга – ценная рыба семейства осетровых, водится на юге. Здесь

же белуха – дельфин подотряда китов. Её промышляли в море охотники, они же и дали заливу такое название. Впервые губу нанёс на карту Ф.П. Литке в 1823 году.

Со стороны Белушка смотрится хаотично застроенной. Однако это впечатление исчезает, как только УАЗик вкатывается на улицу Советскую – она в посёлке центральная. Жизнь Белушки типична для гарнизонов материка: нет праздной публики, и многолюдно бывает лишь во время торжественных построений и народных увеселений. С ходу узнал я здание штаба на берегу залива, причал с недвижным портальным краном. По обе стороны – пятиэтажные жилые дома, стены некоторых защищены сайдингом. Такие же двух и трёхэтажные постройки, жёлтый «куб» главного магазина, светло-бежевый спорткомплекс «Арктика», зелёный корпус местной школы, и белый Дом офицеров. Напротив его – здание поликлиники и офицерской столовой... Вот пожалуй, и всё, что мелькнуло за стеклом УАЗика, как мы лихо подкатили к «пятёрке» – так называется в Белушке местная гостиница.

На голом камне и цветы не растут

История заселения служивыми людьми Новой Земли заставляет вспомнить эпизод из первых лет Русского централизованного государства. Была такая удивительная страна – «златокипящая Мангазея», где купцы якобы могли обогатиться за один сезон. Этот их вожделенный рынок лежал на севере Сибири, и морской путь туда вёл через Югорский Шар или Карские ворота. В Ев-

ропе об этом знали. И, чтобы англичанам, голландцам и всяким прочим «немцам» неповадно было беспошлинно торговать, царь Иван IV Грозный повелел поставить на берегу пролива стрелецкий острог-таможню. Однако недолго бытовали там люди – холод и болезни сделали своё чёрное дело.

Фактически Новая Земля не заселялась вплоть до конца XIX века – слишком уж была суровой природа в этой полярной области. В отдельных местах Южного острова архипелага высаживались добытчики, они ставили сезонные постройки, но жить в этих краях постоянно никто не отваживался. Только в 1877-м появилось, наконец, первое становище – Малые Кармакулы. Население – всего 24 человека. Общество спасения на водах отправило сюда экспедицию русского поручика штурмана Ефстафия Тягина. Её силами построили станцию, где семья штурмана зазимовала. Тогда же супруга Тягина родила девочку, которую с той поры считают первым русским человеком, родившимся на Новой Земле. И хотя в 1880-м были установлены более-менее регулярные рейсы пароходов сюда, а годом позже вышло Положение о колонизации островов, массового заселения не происходило. Посещали архипелаг экспедиции или же отдельные учёные и натуралисты, активность проявляли и священнослужители. Их направляла сюда епархия «для отправления треб и богослужений», а заодно и для уничтожения язычества, которое исповедовали ненцы.

В 1887-м становище появилось и в Маточкином шаре, а через год сам губернатор привёз в Малые Кармакулы срубленную на материке деревянную церковь, с иконостасом, утварью и колоколами. Тогда же отец Иона уничтожил несколько ненецких идо-

лов, олицетворявших бога-покровителя охоты. Прибавилось на Новой Земле и священников – Николо-Корельский монастырь основал в Малых Кармакулах крохотный монашеский скит.

В 1893-м поселенцев-ненцев насчитывалось уже 50 человек, а русских промысловиков значительно меньше. В целом активное заселение Новой Земли не складывалось – уж очень суровыми были условия жизни. К тому же, Малые Кармакулы и Маточкин Шар оказались всё же неудобными для промысла. После посещения Новой Земли губернатором А.П. Энгельгардом на полуострове Гусиная земля решили основать ещё одно поселение, вблизи которого, экспедиция Ф.Н. Чернышева обнаружила залежи «значительного количества каменного угля». Датой основания Белушьей губы считается 1897-й год. Тогда же перепись зарегистрировала всех проживающих в Маточкином Шаре и Малых Кармакулах: 16 ненецких семейств и четыре русских. В Белушке поселились 34 человека. Таким сложилось начало колонизации Новой Земли.

Неизвестный Русанов

У полярного исследователя Владимира Александровича Русанова особые заслуги в изучении Новой Земли. Мало кто знает сегодня, что за пять лет он побывал на архипелаге с пятью экспедициями! Вкратце: 1907 год. Прибыл в Поморскую губу, далее на карбасе и пешком изучал возможность плавания проливом Маточкин Шар. 1908 год. В составе французской экспедиции на судне «Жак Картье» высадился в Белушьей губе. Совершил пеший переход от побережья Баренцева моря на Карскую сторону острова и обратно, собрал ценные данные о местных ледниках. 1909 год. Теперь уже Малые Кармакулы. Отсюда Русанов совершил изыскательские походы на собачьих упряжках и плавание на карбасе вдоль значительной части побережья, собрал новые данные по топографии и гидрографии. В этой, как и в последующих экспедициях, спутником Русанова стал Илья Константинович Вылко. 1910 год. На парусно-моторном судне «Дмитрий Солунский» Русанов обогнул мыс Желания с запада на восток и вернулся в Маточкин Шар со стороны Карского моря. Научные наблюдения при этом он не прекращал ни на один день. 1911 год. На парусно-моторной лодке «Полярная» он обогнул Южный остров Новой Земли и в Крестовой губе познакомился с Г.Я. Седовым.

Итог только наземных походов Русанова впечатляет: в различных районах архипелага он обнаружил медный колчедан, белый мрамор, красную охру, диабаз, следы каменного угля и свинца. Об этих своих открытиях он говорил в ряде научных работ, но обобщил в труде «О полезных ископаемых Новой Земли». Есть и другие работы: «Возможно ли срочное судоходство между Архангельском и Сибирью через Ледовитый океан», «Экономическое значение Северного морского пути в Сибирь», «К вопросу о Северном морском пути в Сибирь». Можно сказать, с этих помыслов Русанова началась неизвестная и навсегда утраченная страница его биографии.

Если не считать обнаруженных на побережье Таймыра артефактов гибели экспедиции на «Геркулесе», то последний свой след Русанов оставил на Новой Земле, в Маточкином Шаре, ибо отсюда он предпринял свой поход. Последний, кто видел «Геркулес» и его команду, были служащие зимовья и местные охотники.

Именем Русанова на Новой Земле названы бухта (залив) и полуостров, а также гора, долина и пик. Упоминается и пролив Русанова, якобы названный по фамилии Владимира Александровича. Это не так. Пролив в 1833-м нанёс на карту Пётр Пахтусов в честь своего сослуживца – мичмана Иустина Рубанова. В 20-е годы прошлого

века редактор карт, посчитав неизвестную ему фамилию за опечатку, самовольно «исправил» её на более знакомую ему, тем более, рядом по карте значились залив и полуостров Русанова.

На краю империи

Разумеется, революционных событий в октябре 1917-го, сравнимых по своим масштабам с теми, что происходили на материке, на Новой Земле не могло быть. Гражданская война также не оставила сколько-нибудь заметных следов. В воспоминаниях Тыко Вылко сообщает: «Слышали новоземельские ненцы в 1920 году, что интервентов прогнали из Архангельска. Власть взяли большевики. Никто толком не знает – кто такие большевики. Никто не знает, за кем будет наша Новая Земля. Кто говорит, за норвежцами, кто – за большевиками».

15 июня 1920 года на пленуме Архангельского губисполкома заслушивался вопрос «Об управлении островным хозяйством Северного Ледовитого океана». Итоговое Постановление обязывало местные власти в короткие сроки установить на островах администрацию по образцу сельских и поселковых советов, затем создали Островхоз – управление островным хозяйством Северного Ледовитого океана.

Уже в навигацию 1920 года на Новую Землю прибыли первые два уполномоченных Советской власти – один в Малые Кармакулы, другой в Белушью губу. Однако оба они не пережили первой же суровой местной зимы, скончались. Сюда же направили 10 красноармейцев для организации трудовой коммуны, но она просуществовала лишь два года. Тогда и возникла идея наделить властными полномочиями местного жителя Илью Константиновича (Тыко) Вылку, назначив его председателем поселкового Совета Белушьей губы. К лету 1925 года в Малых Кармакулах проживало 64 человека (русских и ненцев), а в Белушьей губе – 49.

Начало советского периода в научном изучении островов связывают с промысловой экспедицией полярника Н.В. Розе (1920). Следом к берегам архипелага регулярно отправлялись учёные, гидрографы, геологи, полярники, но они составляли небольшой процент к общей численности оседлого населения.

Важное и специальное решение по Новой Земле принял ВЦИК и СНК РСФСР в июне 1924 года. Постановление называлось «О льготах населению островов Северного Ледовитого океана, подведомственных управлению по колонизации и эксплуатации промысловых хозяйств на островах». Тогда же в посёлке Белушья губа представителями населения председателем островного Совета единогласно был избран Тыко Вылко. А на следующий год один за одним появились новые становища – Красино, Русаново, Пахтусово, имени Смидовича, Крестовая, Архангельское, Адмиралтейства, Лагерное, Русская Гавань. К 1930 году на островах постоянно проживали 243 человека, а в 1935-м – уже порядка четырёхсот.

Пламя военного времени

Великая Отечественная пришла к Новой Земле позже, чем на Большую землю: в водах архипелага появились фашистские подлодки, а в небе – немецкие дальние самолёты-разведчики. В июле 1942 года к островам прибились

суда и корабли растерзанного союзного конвоя PQ-17, а спустя пару месяцев, по приказу командования была сформирована Новоземельская Военно-Морская база с центром в Белушьей губе. Тогда же началось и оборудование системы военных объектов на архипелаге. Она включала зенитные и артиллерийские батареи, посты наблюдения, аэродром в Рогачёво и гидроаэродром в бухте Самоед.

В современной Белушьей губе три памятных знака военному лихолетью: мемориальная доска, напоминающая о скитаниях судов конвоя PQ-17, корабельная пушка-сорокопятка на постаменте недалеко от ДОФа и памятник морякам минного тральщика Т-911, погибшим на подходах к Белушьей губе. Последний установлен прямо напротив штаба гарнизона, и он, пожалуй, самый, выразительный и значимый в посёлке.

Острова закрыты директивой

В послевоенный период значительного прироста населения отмечено не было, напротив, с ликвидацией Новоземельской ВМБ можно было говорить о его сокращении. Правда, уже через девять лет точку в гражданском статусе Новой Земли поставила директива Генштаба Вооружённых сил СССР от 7 сентября 1954 года. Она предполагала создание воинской части, подчинённой 6-му Управлению Главного штаба ВМФ СССР. Острова становились полигоном для испытаний ядерного оружия, и местное население естественно было эвакуировано. Так начался «закрытый» на несколько последующих десятилетий период в истории архипелага.

Федотов Павел Петрович – известный в Архангельске моряк, сразу уточним – военный моряк-гидрограф, капитан II ранга. Службе он отдал 28 лет. По окончании ВВМУ имени Фрунзе был направлен в Архангельск, и первый свой профессиональный опыт приобрёл в Арктике – экспедиция именовалась Северной гидрографической. После выхода в запас Федотов ещё шесть лет продолжал ходить в моря помощником капитана на судах пароходства. Он уже заканчивал трудовую биографию, а для меня Арктика тогда только начиналась. И был у нас долгий разговор с Павлом Петровичем о Новой Земле пятидесятых, о чём, кстати, и сейчас рассказывают скупо. Всего несколько фрагментов из той беседы...

– Для меня, выпускника гидрографического факультета Новая Земля была объектом мечтаний и морской романтики – сразу признался Федотов.

– И с будущим полигоном для испытаний мечты никак не связывались?

– Нет. Гидрографические исследования велись с 1951 года по правительственной программе изучения Новой Земли. Мы вели комплексные гидрографические работы, и планировали справиться за пять лет. Позже, в ходе их, не исключаю, программу стали корректировать с учётом появления полигона, но напрямую нам об этом не говорили...

Оборудованных мест, причалов для разгрузки не было, даже в Белушке. Мы становились на рейдах и выгружали оборудование, имущество. Дальше каждая партия шла своим ходом промерными ботами или катерами к местам своих исследований. Путь лежал вдоль берегов. Глядишь на сушу – скалы, ледники, безжизненная пустыня! В Костином Шаре – непуганые птицы, десятки тысяч птиц на воде сидят, не взлетают, неохотно уступают дорогу. Незабываемое зрелище! Наконец, мы высаживались, ставили палатки, рубили бани из брёвен плавника, иногда и камбузы строили. Так кочевали по Новой Земле с места на место... Становище Русаново, губа Башмачная, губа Строганова, губа Селезнёва, губа Гусиная, губа Чёрная...

– В Чёрной работали?

– Работали. Не думал, что окажусь на месте первого атомного взрыва!

– Что Вам запомнилось?

– Гора Тизенгаузена – по форме она напоминала гранитный пьедестал «Медного всадника» в Ленинграде... Ещё метрах в двухстах от линии входного створа была очень опасная отмель. Мы её ручным лотом «нащупали» – всего 3 метра. Это 1952 год. Позже, уже после испытаний, когда шли на «Сирене» домой, привернули в Чёрную – видели, как корабли взрывом разметало...

– Своих товарищей, с кем довелось работать, наверняка, вспоминаете...

– Люди, конечно, разные были, но в памяти остались, прежде всего, особенные... Геодезист, начальник партии Всеволод Васильевич Бухмейер, Сергей Алексеевич Арефьев – геодезист-астроном. Оба они из фронтовиков. Вообще, мне часто фронтовики вспоминаются – их ведь немало в тех экспедициях было. Как старшие, умудрённые жизнью, во многих наших партиях они задавали тон и темп в работе...

– Исследователям архипелага 50-х тоже в известном смысле повезло – оставили свои имена на картах...

– Я даже был свидетелем, как это делалось. К 1958 году Северная экспедиция выявила на Новой Земле множество «безымянных мест». Весной того же года в Архангельске собрали учёный совет Географического общества, чтобы известные, уважаемые люди обсудили, как быть дальше. Помню, присутствовали Ксения Петровна Гемп, Илья Константинович Вылко, Георгий Яковлевич Наливайко... От экспедиции пригласили Анатолия Казимировича Жилинского, Сергея Константиновича Немилова и меня. Мы составили «Представление названий по Новой Земле». Его затем утвердил областной Совет, и на картах архипелага появились: бухта «Нивелир», бухта «Сирена», залив «Мурман», мыс «Мигалка» – в честь наших кораблей, гора СГЭ – по аббревиатуре экспедиции, камень Курочкина и мыс Малышева – в честь гидрографов, мыс Зайцева – в память погибшего их коллеги...

– На архипелаге побывали многие путешественники. Вы, получается, шли по их следам. Случалось ли бывать в памятных местах?

– Некоторое время мы базировались в заливе Мелкий. Здесь в 1839-м зимовали матросы Артура Карловича Циволько. Циволько, к слову, там и похоронен. На тот час даже сохранился дом экспедиции, с крышей и рублеными стенами, памятная доска. Мы тогда подновили надпись на ней... Ещё проводили промеры и съёмку на островах Баренца – там была мемориальная плита Виллему Баренцу. Поклонились и его памяти... И в Крестовой губе я тоже побывал. Георгий Седов описывал её в 1910 году. Мы сравнили карту, которую он тогда составил со своей, 1954 года. Конфигурации и координаты Седова полностью подтвердились!

– Лишнее подтверждение профессионализма Георгия Яковлевича...

– Профессия наша изначально имеет особенность – нужно быть честным перед самим собой. Штурманское правило ещё с петровских времён: «Пишем то, что наблюдаем, а чего не наблюдаем – того не пишем». К тем, кто исследует неизвестные земли и воды правило это имеет прямое отношение. Все работы на берегах и в море нашей экспедицией велись планово, я бы сказал целеустремлённо. Учли уроки и наставление главного военного гидрографа СССР, тогда им являлся Владимир Филиппович Трибуц – адмирал, командующий Балтийским флотом в войну. Он говорил: «К любой операции, большая она или маленькая, надо подходить одинаково серъёзно. Война показала: девяносто процентов времени уходит на подготовку операции и только десять – на выполнение».

Доброе слово о Петре Фомине

Сегодня Белушья губа – административный центр Новой Земли. В посёлке

всего четыре улицы, и одна из них названа именем вице-адмирала Петра Фомина. В исторической летописи островов, ещё с дореволюционных времён, вы найдёте упоминания десятков, если не около сотни имён наших моряков, русских и советских, но чести дать название улице удостоился один – Пётр Фомич Фомин. Это заслуженно.

Похвальных слов в его аттестациях много, главным образом касаются они «отработки, испытания и обеспечения ядерным оружием кораблей и частей ВМФ». Но нигде, к сожалению, не указывается, что адмирал Пётр Фомин первым покончил с казарменным бытом Новой Земли. Активное создание полигона для атомных испытаний началось в 1954 году. Дело замышлялось масштабным, но секретным. Для этого в оборот взяли крупные соединения – флотские, сухопутные, авиационные, плюс – наука, тоже закрытая. Гражданских на архипелаге можно и не учитывать – было их от силы сотня-другая человек. Их в скором времени эвакуировали на Большую землю. Поэтому воплощал идею полигона, осваивал и строил его многотысячный воинский коллектив. Женщинам и детям места не было и не могло быть. Это был первопроходческий подвиг мужчин. Но не признавать, что

на островах существовало казарменное положение, тоже нельзя. Военный человек в известном смысле подневолен. Сколько же он может пребывать на краю света, в царстве полярной ночи, вне семьи, на большом отдалении от родных и близких?! Что скрывать – военнослужащие часто впадали в депрессию, на почве нервных срывов случалось пьянство, а то и суициды.

Адмирал Пётр Фомин обосновал, доказал и привёл в движение идею о том, что в Арктике возможно проживание военнослужащих со своими семьями по принципу военных городков, что и на материке. Поселение-гарнизон Белушья губа обязано своим появлением Петру Фомичу Фомину.

Под сенью Святителя Николая

Первый памятный знак на территории Белушьей губы – стела в виде символических парусов светло-рыжего цвета. Там же и надпись – «Основателям полигона, 1954–1984». Если же стоять пот его центру и посмотреть чуть влево, то ближе к берегу предстанет одноэтажное деревянное здание серо-зелёного цвета. Это самая старая постройка в посёлке – церковь Святителя Николая Чудотворца. Впрочем, здесь же располагалась долгое время и приходская школа. За прошлый век рядом появились другие здания и сооружения, выросли беспорядочные и внушительные завалы металлолома, но от стелы бывшую церковь-школу хорошо видно. Она, конечно, сильно обветшала – всё-таки ей целый век – потемнела, насупилась, но внешний контур её узнают те, кому знакомы фотографии становища первой трети прошлого столетия.

Я стоял перед старыми стенами с отодранной кое-где дощатой обшивкой, разглядывал пустые окна, что небрежно заколочены досками, слышал, как жалобно погромыхивают на ветру рваные куски кро-

вельной жести, и первая мысль: а ведь свежий сруб этой церкви-школы мог видеть Георгий Седов со своими спутниками... Они останавливались здесь в августе 1912-го прежде чем отправиться к Земле Франца-Иосифа, а затем и к Северному полюсу. Затем десятилетиями церковь-школа была самым приметным строением на берегу Белушьей губы...

С Алексеем Давыденко мы взошли на крыльцо в три ступени и потоптались сразу за порогом. Дверей уже давно нет, даже петель. Верно, здесь была передняя или, как мы говорим – предбанник, или что-то вроде того... Кругом, щепки, куски штукатурки, мусор. Под окошком ящик с сильно облупившейся красной краской, на крышке едва читается – «Песок», а дальше – даже не комнатушка, а подобие чуланчика.

– Скорее всего, здесь была оружейная – предположил Алексей Викторович и повёл меня по главному коридору.

Одно время – уже после войны, в школе-церкви квартировала воинская часть. Сейчас – полное разорение, и можно только предполагать, где были классы, подсобки, где жил священник и, как говорят, ещё кто-то из обслуги. Оконные проёмы очень широкие, точно – под тройные рамы. Наверняка надёжной была и кровля, и сложенные печи для обогрева, если говорят, что детишек Белушки взрослые именно здесь прятали от трескучих морозов.

В самом конце коридора мы упёрлись в три полуразрушенные перегородки – здесь когда-то располагался иконостас и алтарь. На одной из стен по центру – два букетика красных бумажных цветов, а между ними простенькие иконки на картоне – Богоматерь, Спаситель, Святой Николай. Вероятно, приходил сюда кто-то из местных. И не беда, что разруха – место, верно, намоленное...

Мы постояли, помолчали и двинулись на выход. Привернули в одно из разорённых помещений, по правую руку оно было. Там круто пол вздыбился, и не ясно – то ли это вековечная сырость, наконец, одолела шпунт, то ли мерзлота подкралась замысловатым вывертом под фундамент.

По придирчивому счёту жителя Большой земли современный посёлок Белушья губа чудом не назовёшь. Но всё-таки отдадим должное людям, создавшим в цитадели вечной мерзлоты и почти нескончаемых ветров, на пятачке совершенно обнажённой тундры уникальный городок гарнизонного типа

На улице ещё раз обошли здание. Выбеленные брёвна сруба выглядели крепкими, проложенный меж ними утеплитель (то ли мох, то ли пакля) тоже выцвел, и будто совсем вжался, слился со срубом, и за минувший век его так и не вырвали, не выщепили злые арктические ветры. Наверное, Святитель Николай оберегал-таки церковь-школу и сотворил с её срубом очередное своё чудо.

На юге остались деревья

По придирчивому счёту жителя Большой земли современный посёлок Белушья губа чудом не назовёшь. Но всё-таки отдадим должное людям, создавшим в цитадели вечной мерзлоты и почти нескончаемых ветров, на пятачке совершенно обнажённой тундры уникальный городок гарнизонного типа. В посёлке более десятка крупных жилых домов, несколько гостиниц, магазинов, кафе и столовых, школа на 560 мест, детские садики, поликлиника, госпиталь, Дом офицеров, спорткомплекс с 25-метровым плавательным бассейном, православный храм... Здания здесь – административные, общественные, жилые – сначала капитально ремонтируют, а затем обшивают сайдингом. Пока не все дома подверглись этой реставрационной процедуре, но те, что её прошли, радуют взор.

Что первым замечает глаз? Нет деревьев и кустарников, прочих искусственных насаждений. Нет и газонов с травами и цвета-

ми, столь привычными в городах. Нет и асфальта – покрытием служат бетонные плиты. А ещё и рокадные щиты, скреплённые между собой, и специально наколоченными планками, чтоб пеший не поскользнулся.

До заполярной идиллии, разумеется, далеко. Как и в любом поселении Севморпути, в Белушке имеются заброшенные здания, взор подмечает неухоженные теплотрассы и разбитые участки дорог, пугающе смотрятся руины и остовы коммуникаций, внушительные свалки металлолома... Но эти следы разрушений в посёлке и окрест, повторюсь, присутствуют наряду с ухоженным по арктическим меркам бытом.

А главным «погромщиком» всех рукотворных сооружений в Арктике является влага, которая так или иначе попадает в мельчайшие трещинки материала, будь то бетон, кирпич, дерево или металл, и затем творит пагубное дело. Исхлёстанное дождями и ветрами дерево выбеливается за год-два, калёный кирпич, цемент крошатся, рушатся стены, металл коррозирует. Стихийно. Дом без жилого тепла и надзора, природа терзает с удесятерённой яростью, и любая, даже интенсивная реанимация в виде капитального ремонта, становится порой более затратной, нежели строительство нового.

Наглядный пример в Белушке – улица Снежная. По правую сторону от дороги – три дома, каждый в три этажа. Не вспомню, кто первым из местных упомянул их общее прозвище – «Три тополя на Плющихе». Раньше здесь проживали семьи военнослужащих ПВО. Едва их расформировали, вывезли с островов, природа тотчас запустила механизм разрушения. Последнюю квартиру зенитчики «освободили» в девяносто восьмом, и уже тогда жилища багровели щербатыми отметинами, а часть окон зияли пустотой. Спустя пятнадцать лет, осенью я бродил серым полднем вдоль смертельно изувеченных стен Снежной, и под моими шагами хрустел битый кирпич, куски шлака, цемента и стекла. Зрелище брошенного жилья всегда нагоняет тоску. Вероятно оттого, что вид этот сродни разорённым птичьим гнездовьям. А тут ещё дальние бурые сопки, над которыми вяло дымились туманы, вдруг помрачнели и растворились, будто не было их вовсе. Обозлённый заряд ветра со снегом мчался с Карского моря к посёлку, чтобы, ворвавшись в него, отхлестать его стены. Арктика не знает жалости!

Едва их расформировали, вывезли с островов, природа тотчас запустила механизм разрушения.

Тайные радуги

В Белушьей губе два кладбища. Одно называют старым, оно на косе, в прибрежной полосе бухты. Другое – уже в тундре, к северу от посёлка. На первом давным-давно было ненецкое капище, и уж потом появился христианский погост. Туда мы сначала и поехали...

Вокруг кладбища – оградка, кому-то покажется, слишком простецкая, но она есть. Ни деревца, ни кустика – одна тщедушная травка. Сглаженные холмики могил – без памятников, на одном лишь обелиск, но каждое захоронение обозначено по контуру сварной рамкой из металла. Над всем высится деревянный православный крест. На единственном обелиске уже с трудом различимая надпись – похоронен кто-то из первых строителей полигона. Дороговато или обременительно было переправлять умерших на Большую землю в 1954-м, потому и хоронили здесь. На склоне кладбищенского островка, ближе к заливу и вне ограды – ряд старых цистерн ГСМ и старая сторожевая вышка. Будто осталось ещё на косе, что надлежит стеречь...

Второе кладбище, называемое иногда «историческим», лежит на плавном холме желтеющей тундры. Ограждение солиднее, чем

у старого, заметно, что по металлу недавно прошлись кисти маляров. Прямо от входа – высокий православный крест. За ним – два отдельных захоронения и могильные ряды, с «типовыми» памятниками. Часть могил перенесли сюда со старого кладбища, что на косе, когда море с годами стало подбираться к погосту. В том числе и могилу с водолазной трёхболтовкой на постаменте. Надпись: Старшина II статьи Збиглей М.М. Погиб при исполнении служебных обязанностей. 1939–1959... Двадцать лет тому старшине было. И рвались ещё тогда над Новой Землёй и Баренцевым морем атомные бомбы...

На горизонте Карской стороны – дальние и ломкие отроги. В них не слежался прошлогодний снег – лето выдалось необычайно тёплым. Тихо, почти безмятежно. Загадочные радуги время от времени нежданно расцвечивают дальние дали.

Мыс Морозова

На Новой Земле многое названо именами открывателей, а такими, как правило, были военные гидрографы. Окрест посёлка сразу несколько таких пунктов. Вот и мыс Морозова назван в честь русского офицера – Николая Васильевича Морозова – достаточно известной личности в истории Русского Севера начала XX века.

Мы выехали во всеоружии. В самом прямом смысле. В этом году прибрежье осадили белые медведи – дня не проходит, чтобы по местному телевидению не предупреждали – там-то и там-то они замечены... Угроза явная, и мой провожатый Алексей Давыденко при охотничьей экипировке, а на заднее сиденье УАЗика положил ружьё. Мало ли...

Ехали недолго, если иметь в виду, что дороги на мыс как таковой нет. Часто её заменяли широкие галечные косы «намытые» прибоем. Море беспокоилось в тот день – отзывалось на ветер до 16 метров в секунду. Пенистые гребни накатывались и распадались на косах – на всём их протяжении оставались жёлтые полосы мокрых водорослей.

Приехали. УАЗик остановился у деревянного геодезического знака. Сразу же бросились в глаза по соседству с ним два простеньких обелиска под металлическими звёздами. Обе трагедии связаны с высокими обрывистыми скалами – ими мыс входит в море. Неосторожность здесь дорого обошлась – люди сорвались вниз.

Атакуемый пронзительными ветрами, мыс Морозова был когда-то обитаем – в войну здесь стерегли вход в Белушью губу с моря, а заодно и небо бойцы подвижной батареи № 570. Их уже нет, но к удивлению, сохранились бревенчатые срубы их поста наблюдения. А ещё местная легенда гласит – во время войны именно с мыса Морозова Тыко Вылка якобы «подстрелил» немецкого летуна-разведчика.

Городок ПВО на тундровом выступе когда-то защищал пространство над полигоном. Он и появился почти одновременно с ним. Ныне он в кругу запустения. В руинах казармы, гаражи, котельная и постройки технической обслуги. На фасаде бывшей жилой двухэтажки истёртые цифры: 1963 – год постройки. Строение солдатской столовой с крыльцом и даже вывеской, небольшая спортплощадка и те уцелели. Но нет уже жизни в городке.

С востока в спину мысу Морозова упирался ветер. Налетал он с предгорий Карской стороны, без передышки приглаживал скудную тундровую травку, и встрёпанные белые бараш-

ки бежали по заливу. А внизу, в защищённых утёсами бухточках, умиротворённо стояла вода цвета южного ультрамарина. По вёснам на чёрных уступах здешних скал царит пронзительный птичий базар, осенью на травянистых покрывалах гуси-лебеди делают последние остановки. На узком галечном пляже с западной, наиболее защищённой от ветра стороны – небольшая лёжка моржей. Слева и справа – рыжие полосы дальних берегов залива и точки крохотных островков. А устремлён мыс Морозова в море Баренца.

Есть даль небесная и даль морская. В Арктике они, как нигде на белом свете, сходятся. Дело не в том, что море по обыкновению заимствует у неба его цвет и даже не в том, что линия горизонта зачастую растворяется далёкими туманами или вьюгами. Есть осознание бесконечности неба и почти не представляемая безбрежность океана. В этом две таинственные стихии роднятся и дарят человеку бездну воображения.

В «царстве смерти» глубокое небо

Русский художник Александр Борисов – ученик Шишкина и Куинджи. Его считают первым арктическим живописцем. В том смысле, что никто до него не пытался писать Арктику с натуры. А он это делал, как раз на Новой Земле. Не самое лучшее место для этюдов, надо сказать. Мороз схватывал краски так, что скипидар не помогал делать их жидкими. Когда же Борисов вернулся из своей, правильнее сказать – творческой зимовки, то выставил работы.

Русский художник Александр Борисов – ученик Шишкина и Куинджи. Его считают первым арктическим живописцем.

И Европа была потрясена! В частности, его полотном «В царстве смерти». На первом плане её – крупные заматерелые глыбы льда, отражённые в воде, а на дальнем – болезненно алая полоска зари, которая рассекает почти чёрное небо, даже не чёрное, а скорее густое фиолетовое. И льды у Борисова, к слову, вовсе не белые, а грязно-зелёных тонов. Критики, искусствоведы ахали – они впервые видели такую Арктику, и она разительно «не отвечала» общепринятым представлениям обывателя. Кто-то ощущал в полотне художника состояние тревоги, для кого-то оно звучало скорбным реквиемом, были и те, кто находил «особую философию в красках». Но сходились все в одном – таких красок в Арктике не может быть. И они ошибались – может!

С Ильёй Константиновичем Вылка – легендарным «президентом Новой Земли» – главой местных поселенцев, охотником-промысловиком и, к тому же, известным живописцем-самородком примерно такая же история. Вылка писал своеобразно, давал искусствоведам богатую пищу для споров. Одни называли его работы примитивными, даже детскими, другие, напротив, сравнивали их с картинами художников ранних эпох и даже усматривали сходство с великим Пиросмани в стремлении раскрыть суть и чувства окружающего мира простым, но образным языком. И тоже были критики, говорившие, что цветовой спектр, цветовая гамма у Вылки, совершенно немыслима для восприятия обывателями на материке. Так в том-то и дело, что в Арктике она от природы иная, нежели на Большой земле! Здесь всё иное – и вода, и суша, а в особенности – небо. По высказываниям искусствоведов, у Вылки оно «иногда открытое глубокое, порой градуированное в тончайшей колористической гамме, порой нарядное, феерическое, оно всегда огромно и прозрачно, всегда содержит ключ к постижению целого»... Именно такое небо видел я на Новой Земле.

Объявлен мораторий

Сегодня у России есть ядерный щит, с которым

приходится считаться её недругам. Это заслуга тысяч испытателей, которые десятилетиями «холодной войны» в экстремальных условиях Арктики создавали экстремальное оружие. Теперь атомные испытания не проводятся – действует мораторий, и это правильно: войну надо похоронить. Однако не всем эта затея по душе. Поэтому продолжает стоять на Новой Земле воинский гарнизон и работает научный контингент российских ядерных центров, чтобы угрозы и шантаж не застали страну врасплох.

На стене гарнизонного ДОФа Белушки – мемориальная доска в память моряков конвоя PQ-17. Шагах в двухстах от неё на небольшом возвышении – корабельная пушка-»сорокопятка». Ствол её нацелен на запад, откуда ждали беды в Отечественную. К сожалению, и сегодня потенциальную угрозу вторжения Россия ждёт с той же стороны.

27 февраля 1992 года Президент РФ подписал Указ № 194 «О полигоне на Новой Земле». Основные задачи Центрального полигона сформулированы так: «Поддержание в постоянной готовности сил и средств к проведению полномасштабных подземных ядерных испытаний и иных испытаний. Подготовка и проведение испытаний перспективных образцов вооружения и техники, военных объектов экономики страны на стойкость к поражающим факторам ядерного взрыва. Подготовка и проведение неядерно-взрывных экспериментов, опытов с использованием взрывчатых веществ в интересах поддержания существующего уровня развития ядерного оружия, повышения его надёжности и безопасности».

Что такое «неядерно-взрывные эксперименты»? Их порой ещё называют докритическими. Это особый подрыв ядерных боеголовок с изотопами плутония и урана, но без выделения ядерной энергии. Производится подрыв химического взрывчатого вещества, которое взрывной волной обжимает образцы делящихся материалов с различным сроком хранения и фрагментов ядерных зарядов. Такие испытания позволяют исследовать физические процессы, происходящие в момент взрыва. Работа ведётся специалистами из Сарова и Снежинска. Причём, даже в дни праздников её никто не отменяет, ведь мораторий, к сожалению, не полный, а временный запрет. Не дай Бог, если одна из сторон перешагнёт договорённости – ядерные испытания возобновятся. А для этого горные штольни должны содержаться в постоянной готовности, и это ещё одна забота арктического полигона.

Теперь атомные испытания не проводятся – действует мораторий, и это правильно: войну надо похоронить. Однако не всем эта затея по душе. Поэтому продолжает стоять на Новой Земле воинский гарнизон и работает научный контингент российских ядерных центров, чтобы угрозы и шантаж не застали страну врасплох.

Север человека затягивает

Андрей Анатольевич Синицын, полковник, начальник Центрального полигона Российской Федерации. Его судьба, как и путь офицера, поначалу складывалась далеко от арктических островов. Родился в Кургане, окончил восьмилетку и поступил в Свердловское суворовское училище, затем Ташкентское высшее общевойсковое командное, которое окончил с отличием. Синицын начинал лейтенантом в Центральной группе войск, в Чехословакии, командиром разведывательного взвода мотострелкового полка. Дальше было много переездов и назначений. Белорусский военный округ, Прибалтика – командир комендантской роты, начальник штаба батальона, командир радиотехнической батареи, зам начальника штаба полка, командир стартового дивизиона. На Новой Земле начинал начальником службы ракетно-артиллерийского вооружения полигона.

– Вас перевели или Вы сами изъявили желание отправиться в Арктику?

– Генерал-майор Сергей Дмитриевич Астапов позвал. У меня было уже восемнадцать лет выслуги, оставалось немного «добрать», чтобы уволиться. Но Север, он, знаете ли, затягивает. Был заместителем начальника штаба полигона, с отличием окончил заочно академию Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого, факультет ядерного обеспечения, и по выпуску получил назначение начальником штаба полигона. С июля 2011 года – начальник полигона.

– Вы не обошлись без фразы, которую часто слышу от полярников – «Север затягивает»...

– Так оно и есть. Вообще, неожиданный в жизни случился поворот. Я ведь в юности в Ташкенте решил учиться потому, что... замёрз. Снега в детстве, в роде бы, не боялся, на Урале даже лыжами занимался, но всё что-то холодно мне было, вот и решил тогда «погреться». Кстати, и служба потом проходила по «южным округам» – Чехословакия, Белоруссия, Прибалтика – холода там держатся месяц, не больше. В Арктику, тоже ехал ненадолго, и зимнюю шапку впервые купил, когда собирался на Новую Землю...

– Президент поставил задачу по формированию Арктической группы войск. Однако слышал, звучали голоса отказаться от идеи адмирала Фомина, создавшего первое в мире военно-арктическое поселение. Правда ли?

Однако взять за основу всё же решили уникальный опыт новоземельского гарнизона. Более того, сейчас предстоит его совершенствовать, поскольку интерес крупных держав к Российской Арктике только усиливается.

– Большой тайны не открою, если скажу, когда обсуждали перспективы службы в Арктике, рассматривались различные предложения, вплоть до внедрения вахтового принципа несения службы на архипелаге. Однако взять за основу всё же решили уникальный опыт новоземельского гарнизона. Более того, сейчас предстоит его совершенствовать, поскольку интерес крупных держав к Российской Арктике только усиливается.

– Тогда какие перспективы конкретно у полигона и у Белушьей губы?

– Решаются не только военные задачи. Значительное внимание уделяется социальной структуре полигона. Нормальные дороги, жильё, быт, досуг людей – всё должно быть, если Арктику мы собрались осваивать её всерьёз.

– Тогда, как бы Вы оценили сегодняшнюю систему энергообеспечения полигона, ведь от неё напрямую зависит жизнь людей.

– Как стабильную. Когда мы передавали свои объекты в ведение «Оборонэнерго», ожидали худшего. Но убедились – система работает, предпосылок для аварий нет, тем более для таких ЧП, как разморозка теплотрасс или обрывы кабеля в условиях низких температур. Котельные к зиме готовы, запасы топлива есть, ТО проводятся своевременно. Идеализировать тоже не стану – есть и то, что беспокоит, но вопросы решаемые.

– А в перспективе? Оборудование, коммуникации в Арктике изнашиваются с кратной быстротой...

– В планах Минобороны полная реконструкция энергетической системы островов. Будут строиться новые станции, в том числе и блочного типа, новые теплотрассы, коммуникации. Однозначно – новые дороги будут, а старые ремонтироваться.

– Социальную сферу тоже ждут новшества?

– В планах новые жилые дома, культурно-досуговый центр. Школу ждёт не только капитальный ремонт, но и многое из того, что позволит занять наших детей. Особый вопрос – расширение возможностей госпиталя...

– В Вашей библиотеке солидные издания об Арктике, монографии, например – о дрейфующих станциях, о лагерях НКВД на Севморпути. Понятно, та-

кие книги вовсе не дань моде...

– Арктика мне интересна многим, но более всего – как живёт, трудится, как ведёт себя человек в экстремальной природе, независимо, кто он – выдающийся учёный или рядовой полярник, моряк или землепроходец, свободный или заключённый?! С этого вопроса, по сути, началось моё увлечение Арктикой. Книги Петра Боярского, других учёных перечёл. Личность Тыко Вылки вообще меня захватила... И потом, к нам приезжают участники самых первых испытаний, вспоминают – разве не интересно?!

– Живёт ли в Белушке кто-либо из самых первых испытателей?

– Тех, кто застал самые первые взрывы, то есть до запрета испытаний на земле, в воздухе и под водой, таких нет. Живут и работают участники более позднего периода. Например, Игорь Николаевич Костюкович. Ему 62 года. Он старший сотрудник научно-исследовательского отдела, участник многих экспериментов, мужественный человек, ликвидатор последствий Чернобыля, награждён орденом Красной Звезды... Сергей Николаевич Чернышов, Михаил Владимирович Дьяченко, Юрий Валерьевич Перов, Виталий Васильевич Ходов. Сегодня они ветераны подразделений особого риска, но остаются в строю, передают свои знания и умение молодым коллегам.

– В Белушке свой музей, сохранились, без преувеличения, исторические здания. В связи с 60-летием полигона, наверняка, есть задумки?

– Расширить музей замышляли давно. Пока настроились переместить экспозиции Дома офицеров в более просторные помещения, например, в школу... Школа-церковь? Вы видели её состояние, к сожалению, она уже списана по ветхости. Но есть и объекты более позднего времени, сохранить которые, как памятники, реально. Котельную № 6, например. Это же первое каменное здание на Новой Земле! Какие ещё задумки? На мысе Морозова и мысе Лилье установить поморские кресты – какие наши предки веками устанавливали. Они большие – 8-9 метров высотой, чтоб издалека глаз примечал. Эскизы их уже есть. Хорошо бы успеть с установкой к юбилею полигона. Хочется свой след на полярной российской твердыне оставить, да и забывать народных традиций не надо, тем более – святынь. Даже не говорю о том, что веру у человека нельзя отобрать.

С жизнями в кармане

Отдельная рота охраны полигона считается образцовым подразделением. Роте поставлены две задачи. Первая – охрана и оборона объектов полигона при организации и проведении ядерных и прочих испытаний. Вторая – противодействие террористам. Вторая, как нетрудно догадаться, исходит из реальных угроз нашего времени.

Организация службы в роте такова, что боевой составляющей здесь уделяется значительно больше внимания, чем в остальных подразделениях полигона. Всем, кто служит на Новой Земле, выдавать оружие положено, условно говоря, в военное время, а ребята из роты охраны заступают в караулы с оружием и боезапасом ежедневно, сменяя друг друга, круглые сутки. Ответственность! Отсюда высокие требования при отборе. К призывникам, например, начинают «присматриваться» ещё в военкомате. Большое значение имеют результаты особого тестирования, фактор образованности, и, конечно, наличие желание. Если в два слова, то отдельная рота охраны полигона – местная элита.

Командир роты капитан Сергей Александрович Рыженков. Он из Владивостока, воспитанник Суворовского училища. Его заполярный стаж к моменту нашей беседы насчитывал восемь месяцев – по местным понятиям совсем немного. Любопытно было

услышать от капитана первые впечатления, тем более, что прибыл он на острова вместе с семьёй.

– Честно говоря, я ожидал худшего. Служить здесь не страшно. По-моему, нормальное лето и нормальная зима. Жене и дочери нравится, Архангельск понравился меньше... – признался Сергей Александрович, хотя и оговорился – Военнослужащим по призыву служить, действительно тяжело. После Большой земли всё кажется новым, главное – требуется значительно большая физическая подготовка. Призывники приходят сюда слабенькие. Первое время – досаждают частые простуды, насморк, бывает, дают знать хронические заболевания. Месяца два уходит на акклиматизацию, после всё входит в норму. Никакой разницы между северянами и южанами нет. Не мёрзнет тот, кто лучше, теплее одевается...

Осмотрели помещения казармы. В ней кубриковая система проживания. Особую роскошь в ней вряд ли отыщешь, но это уже не та казарма, где главным служит общее помещение с койками в несколько ярусов. Военнослужащие живут по несколько человек, если сказать упрощённо, как в комнатах рядовых общежитий или гостиниц: у каждого своя кровать, тумбочка, место в шкафу. Для хранения личных вещей оборудована ещё и отдельная комната. Умывальник, душевые и сушилка для одежды. По-

мывка под душем – дважды в неделю. Медпункт, в роте свой, штатный медик. Есть комната психологической разгрузки, небольшой спортивный зал с тренажёрами. Помещения оборудованы камерами видеонаблюдения... Остальное, пожалуй, как и везде – пост дежурного, рабочие комнаты офицеров, отдельная оружейная – арсенал, аудитории для учебных занятий...

Задержались в тренажёрной. Там экспозиция из множества призов и кубков.

– Сергей Александрович, физическая подготовка, прежде всего?

– Всё имеет значение. И физическая форма бойца, и то, как владеет он оружием, и тактическая подготовка, и психологическое состояние. Важно, если по-простому – научить его думать, чтобы умел быстро размышлять. Много значит, правильно поставить военнослужащему задачу...

– В таком случае, как бы вы сформулировали ему главную заповедь?

– Заступая в караул, шестьдесят жизней в кармане носишь.

Байки о подтузниках

Полигон в течение десятков лет определял течение жизни местного населения. Но не только. Для местной природы, а в целом – для экологии то, что происходило здесь, имело последствия. С 1955 и по 1962 год включительно на Новой Земле отрабатывали ядерные заряды – под водой, над водой и землёй, но больше в воздухе. Рвали мощно, но нестабильно – в одни годы больше, в другие меньше, а то и вовсе стопорили на срок мораториев. В общем и целом ухнули порядка 90 ядерных бомб, пока в 1963-м опасное экспериментальное дело не загнали в скважины и штольни. Однако обывательских страхов не стало меньше, и, в общем-то, понятно, почему репутация у Новой Земли бытовала в зловещих тонах.

Ядерные испытания на полигоне прекратили дав-

но, и сегодня пугающие байки про свинцовые подгузники, которые якобы выдают каждому прибывающему на острова, грамотными гражданами всерьёз не воспринимаются. Однако обывателям, далёким от науки, а тем более – активным потребителям тележвачек-сериалов, трудно уяснить, как после многочисленных атомных ударов, арктической природе удалось-таки раскрутить маховик регенерации на Новой Земле.

Объяснений несколько, они даны учёными не только из российских институтов, но и специалистами МАГАТЭ. В последние два десятка лет в западном секторе Арктики работали совместные исследовательские экспедиции. Результаты тех и других опубликованы, расхождений в их выводах, нет, как нет оснований для подозрений в необъективности или фальсификации. О чём же говорит наука? Начнём с того, что ещё в период самых первых ядерных экспериментов испытатели предусматривали определённые и строгие меры по обеспечению экологической безопасности. В частности, подводные и наземные взрывы проводились в таких погодных и ландшафтных условиях, чтобы «радиоактивные следы», если и ложились, то на территорию полигона, а не на весь архипелаг.

Академик РАН Виктор Никитович Михайлов подробно говорит о формировании радиационной обстановки после ядерных взрывов. Так, при подводном гамма-кванты и нейтроны, как и световое излучение, поглощаются водой, а радиоактивные продукты распределяются между воздушной средой и морской. Осадки быстро смешиваются, их концентрация снижается, основная доля продуктов деления и активации нейтронами остаётся в районе эпицентра взрыва. Воздушные подрывы над Новой Землёй осуществлялись на высотах от 700 метров до 10 километров. Ядерное пламя огненного шара не касалось земли, радиоактивные вещества «выбрасывались» в верхние слои атмосферы. При высотном же взрыве, радиоактивные продукты достигали земли спустя длительное время в виде выпадений, которые долго находились в стратосфере и только спустя 4-6 месяцев начинали выпадать в виде очень мелких частиц и на значительных расстояниях от полигона. Самым «грязным» в радиационном отношении считается наземный взрыв, когда в поток нейтронов вовлекается грунт...

Договор 1963 года запретил атомные взрывы в атмосфере, в космосе и под водой – испытания ядерного оружия, образно говоря, «ушли под землю». Первый подземный ядерный взрыв на Новой Земле датируется 19 сентября 1964 года, последний – 24 октября 1990-го. Всего же было 42 подрыва. Технология всех и каждого из них предполагала целую систему безопасности. Особые требования предъявлялись к выбору горного массива, где готовилась штольня: чтобы не было геологических разломов, сбросов, трещин в породах близ эпицентра взрыва, карбонатных или углесодержащих пород. И, напротив, ценилась малая газовость пород, значительная удалённость от мест предыдущих взрывов. Тщательно рассчитывалась глубина закладки заряда, кратно проверялась надёжность всего оборудования штольни. Даже погодные условия, и те учитывались, несмотря на то, что взрыв проводился под землёй.

О том, что «творит» взрыв в земной толще. Он рождает фантастическую температуру – в миллионы градусов. Часть горной породы либо, при этом, превращается в пар, либо приобретает жидкие формы. Остывая, эта масса стекает и остекляет непроницаемой коркой стенки зарядной камеры. Только в двух случаях из упомянутых 42 экспериментов парогазовая смесь радиоактивных инертных газов смогла всё же вырваться на поверхность по тектоническим трещинам в горных породах. Кстати, из обстоя-

тельств и первого, и второго ЧП, тайны никто не делал, а со временем даже многие их подробности были преданы огласке.

Развеем ещё один обывательский миф: радиоэкологические исследования в Арктике проводились всегда (!) и постоянно (!), со времени самых первых испытаний на Новой Земле. Ими занимались специалисты Минобороны, Академии наук, Госкомгидромета и Минздрава. Другой вопрос, что обобщённые данные, к сожалению, не становились достоянием общественности. Это порождало домыслы, а с началом «гласности», когда на обывателя хлынул поток ранее скрытой информации, она приобрела оттенок скандальности и даже радиофобийной истерии.

Секретов больше нет

Лишь в двух местах Новой Земли ядерные испытания прошлого столетия оставили свой заметный след. Первое – в бухте, чьё название по случайному совпадению звучит зловеще – губа Чёрная. Наземный взрыв датируется 7 сентября 1957 года. Мощность его – 32 килотонны. Заряд разместили на специальной вышке высотой 15 метров в 100 метрах от уреза воды. Это и сказалось негативным образом, поскольку в облако взрыва был вовлечён не только подстилающий грунт, но и большое количество воды. В эпицентре взрыва образовалась воронка диаметром 80 метров и глубиной 15 метров. В открытой печати опубликованы данные о мощности гамма-излучения, которое зарегистрировали приборы через час – 40 000 Р/час. В последующие годы этот уровень снижался. В 2012 году санитарная зона Чёрной губы определялась «площадью менее 0,5 квадратного километра с максимальным уровнем радиации 1 мР/час» (Ю.Г. Сыч, Л.В. Дубинко. Журнал «Арктика: экология и экономика» № 1, 2012 год). Процесс восстановления природной среды губы Чёрной продолжается, как на суше, так и на акватории.

Вторая санитарная зона ещё на большем отдалении от Белушьей губы, чем бухта Чёрная. Два ЧП произошли на площадках подземных испытаний в районе Маточкина Шара – 14 октября 1969 года и 2 августа 1987-го. Обстоятельства их подробно описаны в открытой печати. Уже в 90-е годы в районе этих аварий создали санитарную зону. Её площадь меньше, чем в губе Чёрной – всего 0,3 квадратного километра.

Уже в прошлом веке контроль за экологической обстановкой на Новой Земле и прилегающих акваториях, приобрёл международный статус. Был проведён и специальный проект МАГАТЭ по исследованию полярных морей, а к российским исследователям присоединились норвежские. О радиационной обстановке на Новой Земле и окрест её поведали сразу несколько фундаментальных изданий. Широко освещена тема в фундаментальных материалах под общей редакцией академика РАН В.Н. Михайлова – они опубликованы в открытой печати, доступны каждому в сети Интернета. Выделил бы и статью в первом номере журнала «Арктика: экология и экономика» за 2012 год. Её авторы – Ю.Г. Сыч, генерал-майор, руководитель 12-го Главного управления Минобороны и Л.В. Дубинко, доктор технических наук. Сказанное ими не только подтверждает, что закрытых вопросов вокруг экологии Новой Земли более не существует, но и пресекает попытки тех, кто желает спекулировать на эту тему...

Развеем ещё один обывательский миф: радиоэкологические исследования в Арктике проводились всегда (!) и постоянно (!), со времени самых первых испытаний на Новой Земле.

На мысе Морозова типичная полярная тундра. Однако на её покрывалах из

худосочной травки, сразу обращаешь внимание на вкрапления сизовато-зелёных растений с мелкими зеленовато-жёлтыми цветками. Это родиола розовая – травянистый многолетник, растущий на арктическом побережье Европы. В Красной книге Архангельской области родиола розовая указана, как сокращающийся в численности вид, который встречается лишь на Соловецких островах и побережье Белого моря, Новая Земля даже не упоминается. И вот реальность – родиола розовая на заполярном архипелаге – явление в пользу его экологического благополучия.

Спасти и сохранить

В Белушке не только «Три тополя на Плющихе» превратились в руины. Бывшие дома и постройки маячат и на противоположном берегу залива Гаврилова, и ближе к урезу морской бухты. Они сегодня, как напоминание, что был в истории Белушки особенно драматический период, когда главный военный полигон России «перестройщики» бросили на произвол. Как впоследствии заметил один российский публицист: «В припадке миролюбия они, видимо, хотели заняться разведением незабудок в мировом масштабе». Из затеи ничего путного не вышло. Начальники полигона с 1993 года – адмиралы Виктор Ярыгин и Виктор Шевченко, а за ними генерал Сергей Астапов – просто спасали детище своих предшественников. Либералы и «миротворцы» 90-х безнаказанно устроили катастрофу всей России, но арктическому полигону она аукнулась в особенности. В 1998 году на островах грянула череда аварий, даже стоял вопрос об эвакуации населения Новой Земли на материк. В этой череде техногенных ЧП, пусть и на бытовом поле брани, люди сражались за выживание – своё и полигона. И они выстояли! Вне сомнения, проявив профессиональное и гражданское мужество... А вообще, это счастье, что Россия всё же спохватилась...

Острова одиночества

Игорь Петрович Моренец, полковник, заместитель начальника полигона по воспитательной работе. Пять лет он служил на Новой Земле в этой должности – прибыл в 2004-м и был «выведен в распоряжение начальника полигона» в 2009-м. Если спроецировать этот период на историю, то невозможно не признать и его важности, и своеобразия, ведь полигон тогда фактически возрождался. Происходило это после долгих лет пребывания на задворках. Причём, «на задворках» не столько в смысле географическом, сколько по отношению к нему со стороны прежнего руководства Вооружённых Сил. Беседовать с Игорем Петровичем интересно уже потому, что по долгу службы ему доводилось общаться, если не со всеми, то с большинством новоземельцев. Моренец – размышляющий и способный к аналитике человек, к тому же умело подмечающий важные чёрточки человеческого характера. Историкам такой опыт особенно важен, когда речь заходит о людях уникального поселения на арктических островах.

– Ваш отдел называли воспитательным, и мне думается, не совсем точно, ведь, по сути, он являлся ещё и своего рода социологической службой. У Вас знания и большой опыт. Житейско-социальная среда Белушки – что бы вы о ней сказали сразу после того, как приехали?

– Особенности жизни на островах ощутимы везде. Новая Земля не исключение. Оторванность от больших городов, замкнутость проживания, природные, бытовые условия и многое прочее сказываются – на психике и поведении человека, на взаимоотношениях с другими, а в целом на микроклимате поселения. Одно самых из сильных моих впечатлений от Белушки того времени – очень много одиноких людей... Одинокими были и те, кто замкнулся в своей

работе, в мыслях, в себе, и просто одинокие в самом прямом – житейском смысле. Люди семейные приезжали редко. Бытовала практика – мужчинам ехать на Новую Землю без семьи. Здесь не было работы для жён, практически не было гражданских должностей, если были, то их занимали ушедшие в запас военные. Плюс природные, бытовые сложности, которые не всякой женщине по нраву. Даже среди очень малого числа женщин Белушки тех лет, многие являлись одинокими: одни овдовели, другие в разводе, да мало ли причин, когда женщина одна?! Много было одиночества на островах...

– Полигон возрождался, по сути, формировался новый его коллектив. Вы и участник, и тому свидетель.

– Сложное дело и не одного дня. Много оставалось тех, кто считал полигон задворками и 12-го Главка, и Северного флота, были уверены, что им должны постоянно говорить «спасибо» лишь за то, что они здесь находятся. И случайных, и временщиков хватало. Живучей оказалась и разобщённость, когда людей делили на флотских и 12-го Главка – у них и в самом деле и порядки, и привычки, и традиции разные... Мне со многими общаться доводилось и приходилось. Уверяю – у каждого свой взгляд на явление, событие, поступок. У руководителя высокого ранга он один, у офицера другой – даже офицер штаба и офицер-воспитатель на одно и то же смотрят поразному. И уж совсем по иному видит всё рядовой, матрос... Так что люди разные, и трудно, не сразу притирались. Случайные и временщики всё-таки стали уходить или же увольняться, пошла своего рода ротация, пока, наконец, не возник и не окреп костяк.

Много нового в те пять лет вошло в жизнь полигона... Казармы обновили основательно, взялись за отбор бойцов, работу с контрактниками и призывниками наладили... Был экстерриториальный принцип призыва, случалось, молодёжь призывали на Новую Землю, откуда ни попадя. Связались с военкоматами: направляйте парней из Архангельской области – они же молодцы, холода не боятся, добросовестные, ответственные... Комитет солдатских матерей новоземельцев впервые появился в области... Шефские связи установили с верфями Северодвинска. Парни отслужили – их на Севмаше и «Звёздочке» ждут – и работа с перспективой, и зарплата достойная и благоустроенное общежитие на первое время...

– У Вас, как заметил, на душе тёплое отношение к «холодному архипелагу»...

– Не только у меня, у многих, кому довелось на нём служить. Когда в один из юбилеев полигона прибывали гости, самые первые испытатели ядерного оружия, старички уже, они выходили из самолёта и... землю целовали! Значит, осталось в их душах хорошее, что затем они помнили всю жизнь, чему были благодарны.

– Каким представляется Вам будущий день Новой Земли?

– Убеждён: если руководители России видят перспективы в Арктике, то Новая Земля с её полигоном и поселениями должна стать тем, на что можно опереться. Есть наработанная практика службы и работы человека в жёстких условиях Ледовитого океана, есть система жизнеобеспечения, есть и социальная сфера. Новоземельский опыт должен стать основой.

Ход времени в лицах

Летописцы Новой Земли после 1954 года запечатлели многих известных стране военачальников, учёных, общественных деятелей. Их фото ценны уже тем, что сделаны в Арктике – то есть, в необычном месте, обстановке и окружении. Оценки делам государственных мужей, посетивших в разное время полигон, сегодня звучат неоднозначные, но одно не подлежит отрицанию – на снимках прошлого века

неординарные, преданные своему долгу личности.

Главком флота СССР Сергей Георгиевич Горшков – легендарный наш адмирал. Он прилетал на Новую Землю много раз, ведь полигон хотя и относился к отдалённому от Москвы «хозяйству», но всегда считался стратегически важным. В моём архиве есть фото визита Горшкова на полигон 1969 года. Пересматриваю их часто и всякий раз нахожу для себя что-то новое. Тем паче главкома всегда сопровождало адмиральское окружение, определявшее судьбу флота. А державный флот у Союза в ту пору был!

О славе воина, защитника Отечества размышляешь, когда глядишь на старые фото новоземельской хроники... Главком Сергей Горшков, адмиралы Павел Котов, Семён Лобов, Владимир Чернавин... В шестьдесят девятом их на Новой Земле принимали адмирал Василий Стешенко и капитан I ранга Пантелей Цаллагов – тоже участники Великой Отечественной. Воевали, кстати, и все те, кто командовал полигоном до них – от самого первого командира – Героя Советского Союза, подводника-североморца Валентина Старикова... Что объединяющего нахожу? Адмиралы той поры и старшие офицеры-новоземельцы в первые два десятка лет существования полигона, как правило, о войне знали не понаслышке. Они из того поколения, для которых служба Родине началась на фронтах, и с Победой не закончилась, а продолжалась на линиях обороны Мировой «холодной войны».

За время работы полигона министров на нём тоже побывало множество. В числе тех, кто заслужил доброго слова – Виктор Никитович Михайлов, министр России по атомной энергетике. Уже в период новейшей истории он принял эстафету от самых первых испытателей. Являясь главой атомной отрасли, Виктор Никитович почитался и как практикующий учёный-ядерщик, ученик Юрия Борисовича Харитона. Биографы подсчитали – на полигонах Семипалатинска и Новой Земли он провёл в общей сложности девять лет, организовал более ста испытаний. Но главный итог его работы в том, что во времена «приватизации по Чубайсу» Виктор Никитович доказал необходимость сохранения атомной энергетики под властью государства. Этим он защитил её от разграбления или скажем проще – спас для России!

В любой официальной хронике иногда можно отыскать снимки из неформального, житейского ряда. Обычно являются они из случайно схваченных кадров. Есть такие и в новоземельских собраниях: маршал Моисеев с рядовыми строительного батальона, главком Чернавин с моряками – на палубе сторожевика ОВРа, командующий Северным флотом Михайловский, тоже с моряками, но уже зимой, в Рогачёво, министр Михайлов со щенком новоземельской лайки...

Такие снимки редко подходят для репортажа, но часто находят почётное место в «дембельских» или же семейных альбомах. Но суть не меняется – фото прошлых лет, даже такого происхождения и свойства, позволяют видеть и чувствовать ход времени, а в случае с высокими гостями Новой Земли – осознать значение её испытательного полигона для всей страны.

С «лейкой» в Арктике

Впрочем, не только снимки профессиональных репортёров, художников, но и те, что сделаны людьми без должных навыков и вкуса, простенькими аппаратами, по прошествии лет имеют свойство становиться и документом, и предметом для размышлений. Хотя бы потому, что за каждым снимком из семейного альбома, чья-то судьба, а точнее остановленное её мгновение. А ведь это тоже история, пусть и не официальная...

Фотолетопись Новой Земли в значительной сте-

пени состоит из таких работ. Долгое время, даже в послевоенные годы, фотоаппарат в Арктике считался редкостью, а с момента появления на островах закрытого полигона съёмка здесь, понятное дело, не поощрялась. Поэтому почти любой кадр с Новой Земли пятидесятых представляет большой интерес. Не стали исключением и работы радиомеханика Владимира Белика.

Снимал Владимир Емельянович аппаратом ФЭД – «лейкой», как его именовали. Что же запечатлел? Виды посёлка Белушья губа, становищ Лагерное и Крестовая губа, их окрестности. Любопытно, на снимках прошлого века нынешняя Белушка, что ближе к заливу, угадываются – и холмы берега, и линия его, и часть строений на нём, и один из причалов... На рейде в разное время – и военные корабли, и гражданские, даже старые, ленд-лизовские пароходы, и те, что увезли с островов последних поселенцев.

На снимках Белика поселенцы тоже есть – и взрослые, и дети – обычно в бытовых сценах. Впрочем, исключения имеются. В их числе два фото, которые притягивают сюжетом и даже настраивают на предположение: на улице, у входа в деревянное здание штаба Новоземельской базы собрались несколько десятков человек – больше гражданских, но есть и военные – со стороны похоже на сход или собрание. А один из сидящих, с палочкой-тросточкой в руках, уж больно похож на Илью Константиновича Вылку... Уж не подсмотрел ли Белик тот самый исторический момент, когда людям зачитали список «мероприятий по отселению гражданского населения с островов»?! Не лишено вероятности, ведь на других снимках уже приметно, как в быт архипелага вторгаются военные строители. На одном – с полсотни моряков – различимы их бескозырки, спускаются из посёлка к бухте, на другом – армейский «козлик» (ГАЗ-69), не исключено, один из самых первых на архипелаге, катится холмами той, первой дороги на Рогачёво. Или вот – экскаватор, тоже, может быть, самый первый, роет траншею... Возможно, объект № 700 в те часы уже жил своим предназначением, и ход истории Новой Земли сверялся по военному хронометру.

Город летающих собак

Белушка – звучит ласково, но местная природа, как нигде в России, бессердечна. Под знаменем Мичурина её не одолеешь. По своду географических признаков здесь даже не тундра – арктическая пустыня. Полярная ночь – 70 дней, 212 дней в году лежит снег, среднее число штормовых дней – 84. Как и подводницкую Гремиху на Кольском полуострове, Белушку в шутку зовут городом летающих собак. Да что там собаки, если ветры играют в окрестностях Белушки отслужившими своё трёхтонными ёмкостями, катают их как пустые консервные банки!

О ветрах Арктики немало написано, и первые свидетельства их жестокой силы можно отыскать ещё в трудах римских авторов. Те же, кто первыми шёл морем Баренца на восток, окрестил Новую Землю «царством ветров». Безвольных в летнем штиле корабельных парусов моряки здесь не знали, а зимовать на суше никто не отваживался. Поэтому впервые репутацию экстремального места для жизни архипелаг получил только в XIX столетии.

Суровость климата по отношению к человеку в северном полушарии определяют по формуле Г.Бодмана. Шведский полярник вывел её в начале XX века, а позже за нею укрепилось название – «формула жестокости погоды». В основе её соотношение скорости ветра и низкой температуры, причём главным показателем служит именно скорость ветра.

На Евразийском континенте полюсом холода считается Оймякон. Зимой в междуречье Индигирки и

Яны «средний минус» держится около 50 градусов, тогда как средняя изотерма у тех же Малых Кармакул падает до минус 16,5. В то же время новоземельские ветровые нагрузки в той же степени превышают якутские.

Сток (всток) или бора – не природное бедствие, не катастрофа, а ураган, ставший естественной частью местного новоземельского бытия. Отмечено, скажем, что с ноября по март в районе Русской гавани такой ветер злобствует 10 процентов всего времени. Бора, случается, «высасывает» воду из тундровых озёр вместе со всем «ихтиологическим содержимым», отрывает от земли камни, а мелкие из них швыряет на сотни метров. Если они пронзают оконные стёкла, то оставляют отверстия, подобные пулевым. Да, что там стекло! Ветер вышибает оконные рамы и оставленные без запоров двери, крушит стены построек, срывает их печные трубы, разбрасывает брёвна плавника, уносит с берега в море лодки и карбасы, играючи катает по оледенелой суше двухсотлитровые бочки с горючим.

Когда речь заходит о местных снежных буранах, есть повод вспомнить Пушкина. Однако на Новой Земле они злее и страшнее, чем в «Капитанской дочке» или «Метели». Новоземельцы о «прелестях» арктической пурги Вам много чего расскажут. Причём, и трагического, и смешного. Последнее, как правило, связано с блужданиями в снежных круговертях, когда отдельные предметы или даже внушительные объекты неразличимы на расстоянии вытянутой руки. В каких-то случаях, выручают острые на нюх местные собаки, но чаще обыкновенное чудо.

Академик Дмитрий Наливкин – большой знаток ветров насчитывал в мире до тридцати их видов – ураганов, бурь и смерчей. Он был убеждён – арктическая бора – одна из самых разрушительных сил природы. Скорость её обычно превышает 20 метров в секунду, не редкость и 40 метров в секунду, а энергетический эквивалент равен взрыву сотен тысяч атомных бомб. «Белое небо. Белые снега. Ходит по ущельям девочка-пурга!» Это строки Варлама Шаламова. «Не розовощёкая девочка-резвушка, а белая девочка-убийца» – вносят трагическое уточнение полярники.

Вариант – по словарю С.И. Ожегова – видоизменение, разновидность. В переложении на новоземельскую действительность слово «вариант» имеет очень широкий и специфический смысл, а в чисто прикладном означает особые климатические или погодные условия, в которых приходится служить военным и бытовать гражданским. Есть «Инструкция по штормовым готовностям, предупреждению происшествий от воздействия опасных гидрометеорологических явлений». Явлений на Новой Земле предостаточно, но в основном исходят они от холода и ветра. Здесь у каждого из них своя ось ординат и свои обозначения. Скажем, если температура падает от 0 градусов до минус 20, то это «Холод-3». Если от минус 20 до 30 – «Холод-2», от минус 30 до 40 – «Холод-1». Ветер от 13 до 17 метров в секунду – «Ветер-3», от 17 до 25 – «Ветер-2», всё, что сильнее – Ветер-1». В зависимости от сочетания «холода» и «ветра» объявляются штормовые готовности, зимой, например, под наименованием «Вьюга». Самая жестокая – «Вьюга-1». Ну, представьте – мороз за 40 градусов, а ещё и дует за 25 метров в секунду...

Из конкретных погодных условий следуют всевозможные варианты новоземельского бытия. При одном, например, детей не отводят в ясли-сад или в школе учителя переходят на особый распорядок работы, а то и вовсе отменяют занятия. При другом вводятся ограничения на перемещения людей или даже транспорта. В общем, понятно, что

от «вариантов» островитянам ничего хорошего, как правило, ждать не приходится.

Даже сама смена полярного дня на полярную ночь и, наоборот, в широтах Новой Земли является испытанием для человека, как в психологическом плане, так и физическом. С полярной ночью картина ясна: полное отсутствие солнечного света, длительный холод, нескончаемые ветровые нагрузки, недостаток кислорода не только разрушают нервную систему, а то и вызывают болезни. Полярный день, как выясняется, тоже может нанести человеку опасные удары. Сказывается чрезмерный ультрафиолетовый фон, он ломает стереотипные реакции, выработанные во время длительной полярной ночи. Поначалу обилие солнечного света просто возбуждает, но вскоре начинают развиваться явления совершенно обратного порядка. Как следствие, поначалу эйфорические настроения у человека быстро сменяются тревогой различной степени, вплоть до невротической.

Такая она новоземельская жизнь по вариантам...

Мишки на Севере

Это ещё один «вариант» Новой Земли. Правда, напрямую не связанный с метеоусловиями, но постоянный. Белый медведь – самый крупный наземный хищник. Длина тела взрослой особи два-два с половиной метра, встречаются и больше. Вес – от 800 килограммов до тонны! Миграцию его во многом определяют дрейфующие льды, а также изменчивое состояние ледовых полей. В конце прошлого века учёные определяли карско-баренцевоморскую популяцию белого медведя числом от 20 до 40 тысяч особей.

Мнения о численности «хозяев Арктики» доводилось слышать разные. Звучало, что ныне зверь расплодился достаточно, чтобы исключить его из Красной книги и вести регламентированный отстрел. Есть и противники такого предложения. Они полагают, что в безлюдных районах Ледовитого океана медведь не столь уж опасен. В отношении Новой Земли это вряд ли так, поскольку заселена она несоизмеримо больше, чем иные острова Арктики и соседство с этим хищником здесь особенное. Скажем, поскольку зверь занесён в Красную книгу, то отстрел его производится в крайних случаях, когда он представляет реальную угрозу жизни человека.

Не верьте россказням, мол, мы, полярники с медведями запанибрата. Наблюдал в своё время и в нескольких портопунктах Севморпути такое – прихвастнуть перед арктическим новичком. Белые медведи не экзотика, а реальная опасность, и запрет на выход человека за пределы гарнизона Белушки, можно сказать, написан кровью, ведь в большинстве случаев хозяин Арктики с людьми не церемонится. Полярники немало расскажут не только о забавах с Мишками на Севере, но и о трагедиях, и с непременно леденящими душу подробностями.

В прошлом году лето выдалось аномально тёплым: припай оторвало и отнесло от берегов внезапно. Медвежья популяция не успела «отъехать» на льдинах в океан, как это обычно бывает, и многие особи остались на суше. Посещать окрестности Белушки, причём, целыми семьями, они не стеснялись. У медведей, между прочим, характер разный. Один будет часами ломиться в стальную дверь жилища и держать людей в осаде. Другой, напротив, пройдёт поперёк всего посёлка, демонстрируя полную индифферентность, мол, ничего-то ему не интересно. Только беспечным белый медведь никогда не бывает, всегда остаётся зверем.

Пути-тропы опасных мигрантов давно отсле-

жены. Алексей Давыденко, опытный охотник при каждом случае показывал их мне. По дороге на мыс Морозова, мы вертели головой по всем сторонам, ведь ехали через свалки, а это одно из медвежьих обиталищ. И ведь нарвались!

Трудно сказать, для чего служил тот огромный металлический цилиндр-ёмкость, но заканчивал он свой век на свалке бурым от ржавчины. В торцовой части имелся проём, два на полтора метра. Как в нём замаячила белая любопытствующая морда, Давыденко углядел первым.

– Медведь, – просто сказал он, и мы остановились.

До зверя было метров тридцать, ружьё пришлось расчехлить. Не только медведь наблюдал за нами – метрах в семи от него, спокойно восседали две... поселковые собаки, являя пример мирного соседства с хищником.

Между тем, вскоре в проёме «засветилась» ещё одна морда, и мы предположили, что первый зверь – скорее всего, медведица. Едва она шагнула из металлических «апартаментов», собак, как ветром сдуло!

Давыденко выстрелил в воздух, и прозвучало раскатисто. Медведица поднялась на задние лапы, и мы убедились – метра два с половиной роста в ней было точно. Такой мамаше смять металл УАЗика вполне по силе.

Потом появился... третий представитель семейства – ещё один трёхгодовалый пестун. Медведица решительно прошлась пару раз вдоль «парадного подъезда» своей гостиницы, и как только останавливалась, угольки глаз целила в нашу сторону.

– Нервничает, – заключил Давыденко, – Пора уезжать...

И мы благополучно уехали.

...Утром следующего дня мы узнали, что ночью один из постов полигона заявился медведь. Матросы забаррикадировались на втором этаже караулки, пока на первом гость наводил порядки. Потом он ушёл, оставив бедлам и пищу для спора на тему «кто в Арктике хозяин?». Ещё через сутки кабельный канал местного телевещания передал: «В районе «площадки № 2» замечены три медведя»... Не исключено, это были наши знакомые, постояльцы из цистерны. А, может, и нет. Медведей окрест Белушки много...

Их собачье дело

Классическая фраза – «Собака – друг человека» в Арктике приобретает ещё больший и правдивый смысл. Без собачьего племени жизнь на Севере невозможно представить. И везде, куда выводила меня кривая полярного странника, собаки поражали своей степенностью и дружелюбием.

Предки новоземельских лаек происходят от материковых, но они более крупные, широкогрудые, сильные, с густой шерстью. Они из ездовых трудяг – по сугробам, рыхлому снегу нарты будут тянуть, пока есть силы, до полного изнеможения, а если по наледи – изрежут в кровь лапы, заплачут-заскулят, но и тащить не перестанут. От ошкуя – белого медведя – надёжные, свирепые охранники! А с виду порой столь флегматичны, что, кажется, и к человеку-то относятся снисходительно. Нет у них злобы на нас – очень ласковые. В Арктике у человека преданней друга нет!

Собак на Новой Земле неисчислимое множество – в буквальном смысле их никто не считал. Одни уверены, что они очень далёкие потомки ненецких лаек, другие утверждают, что четвероногое племя завезли в посёлок относительно недавно. Впрочем, это уже не та чистая порода, о которой говорилось выше, поскольку «всё перемешалось» на северном краю света. Справедливо ли называть их бродячими, ведь конкретных хозяев у них нет, и существуют-то они по тому «кошачьему прин-

ципу» – гуляют сами по себе? Нет, неверно: не сами по себе, а как прежде, служат человеку – если не защитят от медведя в схватке, так всегда предупредят о его появлении. Кстати, и приближение убийственной боры первыми чувствуют именно они – уходят, залегают в своих простецких убежищах, и эта их «подсказка», как правило, точнее показаний метеоприборов. И ещё. Особая черта новоземельских собак – они никогда не бросают своё потомство, выхаживают его, порой даже жертвуя собой. Иным «особям» из людского роду-племени не мешало бы у них поучиться.

Вековать собакам на островах, в самом деле, тяжело. Зимой в жестокие морозы и многодневные метели они хоронятся под домами или там, что принято называть подвальной их частью. Или же пригреваются в заброшенных постройках где-нибудь вблизи поселковых теплотрасс, а уж кому из них очень повезёт, то и в «сенцах» человеческих жилищ. Летом собакам, казалось бы, раздолье. Нет, раздолье относительное. Потому что тепло на Новой Земле, тоже относительное.

Жить единой коммуной у полярных собак, как, впрочем, и у людей, не получается. Поэтому у каждой стаи своя территория, и каждая из них контролирует свой «микрорайон» – за него они могут и погрызться. В общем, тоже, как у людей, точнее – у городских хулиганов.

Жизнь собачья несытая. Свалки всех не прокормят. Поэтому бывает, белушкинские стаи... охотятся. Например, на оленей в окрестностях посёлка. Разом срабатывает инстинкт, заложенный природой тысячелетия назад. Как уж там они договариваются, но вспыхивает распределение обязанностей: одни бегут загонщиками, другие караулят в засаде, ну а самые сильные и ловкие, вроде Акелы из киплинговского «Маугли», наносят решающий удар.

А прошлым летом собачье племя Новой Земли много охотилось на перелётных... гусей. Те большим числом «подсаживались» на территорию посёлка и даже прогуливались гогочущими косяками по пустырям и тротуарам Белушьей губы...

Проверенное братство

Кого-то из поселян обилие собак раздражает, а у кого-то, напротив, рождает сочувствие... Ещё в первый приезд в Белушью губу моё внимание привлёк человек, который всегда передвигался по посёлку в окружении лохматой гвардии – собак. Признаюсь, забавное зрелище: стайка молча следовала за ним, терпеливо сидела у крыльца, ждала, пока он отоварится в магазине или же выйдет из какого-либо другого дома, куда зашёл по делам. Собаки ждали его для того, чтобы затем сопровождать той же разношёрстной и молчаливой вереницей. Мне шепнули:

– Дядя Миша. Он собак кормит. Каждый день варит вёдра каши и похлёбки...

Михаил Григорьевич Шабунин – новоземелец со стажем в 29 лет. В молодости срочную проходил на североморском крейсере «Мурманск» радиометристом БИП, ходил в средиземки, остался на сверхсрочную, когда «Мурманск» стал на ремонт в Севастополе. Оттуда мичман Шабунин и перевёлся служить на Новую Землю, точнее к себе на полигон его позвал начальник – Валентин Кузьмич Чиров, бывший старпом крейсера.

– Когда я ещё начинал здесь, было несколько случаев к ряду, когда медведи нападали на людей – рассказал Михаил Григорьевич – Поэтому Чиров и решил завезти собак. Собаки особые – характером смирные, с людьми ладили, лаяли, лишь когда приближались медведи... С медведями у меня было три опасных встречи, и в последней чудом спасся...

Выручила собака: непонятно откуда выскочила, залаяла, медведь замешкался, а я бегом к ближайшему жилью – на пекарню. Потом узнал, медведь туда уже наведался, в дверь ломился... По сути, собака мне жизнь спасла. С той поры у меня особое отношение: их, бездомных кормил и буду кормить. Они защитники...

– Михаил Григорьевич, на Ваших глазах сменилось не одно поколение островитян. Общее и особенное в них подметили?

– Жизнь здесь жестокая, но воспитывает в людях порядочность и стремление к сплочённости. Если вы на материке случайно встретите новоземельца, или он узнает, что вы с Новой Земли, то первым вопросом обязательно будет: как дела и не надо ли чем помочь? Проверенное временем и суровой природой братство!

– За своё долгое новоземельское бытие не пожалели, что столько годков и всё на краю земли?

– Я, так сказать, пенсионер со стажем. Мои бывшие подчинённые тоже уже стали пенсионерами. Встречу очередной юбилей полигона – 60 лет, тогда и на материк. Там внук, учится в САФУ, нам с женой есть, кому помогать... Жизнь вспоминаю, и ощущение, будто прошла она здесь, как один день. Многие сетуют на замкнутость гарнизона – есть такое. А я не пожалел ни разу! И жена тоже.

– Слышал, у Вас с ней имеется одна медаль на двоих. Расскажите...

– Моя супруга – Мария – южанка, из Сумской области. Медик-провизор, работает до сих пор здесь, в Белушке... Восьмого июля 2012 года в день Петра и Февронии пятьдесят семей Архангельской области были удостоены медали «За любовь и верность». Мы с ней оказались среди них. Награду нам вручал губернатор. Медаль стала нашей семейной реликвией. Передадим её внуку – пусть равняется на дедушку с бабушкой, и сам проживёт такую семейную жизнь...

Олег Химаныч

***

Кажется, они никогда не кончаются – ветры с безлюдной Карской стороны. Даже присмирелыми часами утра синяя гладь морского залива и тундровых озёр чаще подёрнута боязливой рябью. Однако в сентябре ветры эти, если даже если набирают разбег, пока не тревожат тишины. Время лютой борьбы и нескончаемых метелей ещё не приспело. Открыт океан и открыто над Арктикой неоглядное, бездонное небо. Молчит под ним новоземельская твердь. Зиму на островах в молчаливой тревоге ждёт всё – и природа, и люди. Зима здесь самое жестокое время. В нём сходятся против всего живого холод и снег, мгла полярной ночи и сокрушительные ветры.

Полярные скалы – базальт с вкраплениями известняка и мёрзлой глины. И кругом – лёд, лёд, лёд! Трудно вообразить, что здесь может вырасти. Но вот камнеломка – во всех смыслах трепетное существо – тонкий стебелёк, лепесточки цветка длиной в полногтя. Корешками своими, они у неё с ниточку, она настойчиво упирается в камень, вживается в, казалось бы, немыслимую твердь, крушит её. И выживает!

Стойкости и терпения тебе, Белушья губа! Второго такого арктического форта в мире не сыскать: ты и ратная крепость, и стольный посад далёких русских островов.

СЕВЕРОДВИНСК – НОВАЯ ЗЕМЛЯ – СЕВЕРОДВИНСК

ВОРКУТИНСКАЯ НАХОДКА

Недавно в Национальном музее Республики Коми открылась выставка, посвящённая 100-летию начала Первой мировой войны. Это, в основном, фотографии, выполненные в окопах и ныне хранящиеся в Музее. Казалось бы, сто лет – это пропасть «между прошлым и будущим», но это так близко и живо, так ранит и влечёт… Одна из сыктывкарок, пришедших на открытие выставки в Музее, принесла с собой фотографию своего деда, участника той войны, о дедах и прадедах говорили и другие присутствовавшие. И вот, о такой же близости того времени к нам сказала и рукопись, о которой пойдёт речь. Что ж, всё логично: это наша история и если мы её уважаем, она останется с нами, она нас не отпустит.

Апрель 1999 года. Я уже в Воркуту приезжаю как гость из Сыктывкара: меня не отпускает мой город и сорокалетием моей жизни в нём, и своей историей. И в этот приезд у меня огромные планы поработать в бывшем архиве мест заключений, встречи, встречи, встречи…

Телефонный звонок. Друг и в то же время руководитель небольшой фирмы Андрей Аносов приглашает на новоселье: их офис переезжает в бывшую чью-то квартиру. Тон довольно-таки необычный для друга, который приглашает – возникают подозрения в каком-то подвохе. Но Андрей рассеивает подозрения, лишь просит не забыть, что их непьющий коллектив порожняком меня не впустит.

Пришёл. Стол накрыт. Условия я тоже выполнил. Сажусь возле ещё не растерзанного стола, но меня вежливо просят встать. Затем один из сотрудников фирмы достаёт некую папку и по кругу, минуя меня через все руки передают Андрею. Речь его была короткой, но ог-

лушительной для меня.

– Приступая в этой бывшей квартире к уборке, мы на антресолях обнаружили эту папку, все ознакомились с её содержанием и единогласно решили, что это – по твоей части, – с этими словами он передал папку мне.

Сказать, что на моём лице появилось удивление – это не так: я был ошарашен! В моих руках находилась рукопись начала исторического исследования или романа из времён Первой мировой войны! Именно рукопись! Именно авторская!

На папке рисунок военного корабля и надпись: «Линкор «Императрица Мария». 1915 г. Первенец русских дредноутов типа «Севастополь». Потоплен иностранной агентурой на рейде Севастополя. М. Уляшев. 1996 г.» А сверху крупно выведено «Операция «Дарданеллы»

А в папке 27 исписанных карандашом страниц. Почерк старательный и понятный. Тем не менее, здесь же несколько экземпляров машинописного текста этого самого карандашного отрывка. «Операция «Дарданеллы» именуется в рукописи повестью. Эпиграф: «Воинам павшим и живым в знак примирения посвящаю. Автор».

И ещё в этой папке присутствует другой замах автора – две страницы его труда «Зловещая тень Порт-Артура над Черноморским флотом»... Или эта «зловещая тень...» как набросок к повести, или это некая следующая задумка автора, теперь не узнать.

Об авторе, М.Уляшеве, дарители мне ничего сказать не могли, ибо, по их справкам, эта квартира несколько раз перепродавалась и отыскать в этой купле-продаже автора и хозяина папки не предоставлялось возможным.

Начинается повесть со встречи в Севастополе Нового года – это вступал в свои права 1917-ый. Автор знакомит нас с командующим Черноморским флотом России вице-адмиралом А.В. Колчаком. Затем автор бегло вводит нас в курс тех событий, которые витали над Россией в 1916 году и затем подводит к разговору о линкоре «Императрица Мария». Вот как представлены автором события в начале его повести:

«Дело в том, что к началу 1-ой мировой войны русский Черноморский флот был намного сильнее турецкого флота и во взаимодействии с Кавказской армией мог захватить Константинополь с прилегающими к нему проливами. Чтобы предотвратить катастрофу, нависшую над Турцией, Германия послала на Чёрное море крейсер «Бреслау» и тяжёлый крейсер «Гебен». Эти два корабля усилили турецкий флот по мощи огня в 2.5 раза, а скорость линейного крейсера «Гебен» превышала скорость русских броненосцев в 2,3 раза. Таким образом, один только быстроходный линейный крейсер с его пушками большой мощности мог противостоять русской эскадре и обеспечивал Турции на море господство...»

Русский линейные крейсеры ещё не были спущены на воду. И полтора года немецкий крейсер терроризировал весь Черноморский флот, потопив за это время 15 русских кораблей, плюс несколько по-

вреждённых и, главное, русская эскадра не могла приступить к выполнению поставленной перед ней задаче – походу на Константинополь.

И вот, в мае 1915 году в Николаеве на воду спускается линкор «Императрица Мария» – первенец мощнейших русских линкоров. Автор повести сравнивает по значению этот линкор с танком Т-34, вошедшим в историю, как лучший танк Второй мировой войны. Так вот, этот линкор вошёл в историю как лучший линейный корабль времён Первой мировой войны! Вот как свой восторг этим линкором преподносит нам автор:

«Его трёхорудийные башни калибром 305 мм имели круговое вращение и могли стрелять в любом направлении по обеим бортам. 12 стволов такого калибра было вполне достаточно, чтобы разделаться со всеми турецкими кораблями вместе с «Гебеном» за считанные часы. Управление огнём башен было централизовано и производилось с главного командного пункта. На линкоре имелся «ПУС» – приборы управления стрельбой, позволяющие вычислять прицел и цели автоматически. Синхронно-следящие системы переводили стрелки приборов в башни на нужное деление и орудия то поднимались ввысь, то опускались ниже, в зависимости от дистанции до противника, его курсового угла и скорости хода. Башни также были оснащены прибора-

ми, позволяющими вести огонь автономно, вне зависимости от связи с центральным постом. Это был прообраз современной ЭВМ. Все достижения науки и техники XX века вмещались в этом бронированном каземате и мир ещё не знал этих секретов. Приоритет и слава в изготовлении такой махины принадлежат русским учёным и корабельному инженеру академику Крылову...»

И сразу на Чёрном море многое поменялось. Правда, вначале турецкий флот решил провести разведку боем и прощупать незнакомый им доселе линкор «Императрица Мария». Бежали они от такой разведки боем аж до самых стен Стамбула, теряя в этом сплошном бегстве боевые корабли, ибо скорость у русского линкора была выше, мощь орудий и дальность тоже не снились туркам, а уж умения и злости русским морякам было не занимать уже несколько веков.

После такого знакомства турецкая эскадра и её «телохранитель» линкор «Гебен» старались не попадаться на глаза русским морякам, ну а при виде дымка российской эскадры торопились уйти из Чёрного моря. Русская эскадра начала готовиться к походу и взятию проливов Босфор и Дарданеллы.

Последний свой удачный поход (как и все предыдущие) линкор «Императрица Мария» закончил 6 октября 1916 года, потопив несколько вражеских судов. Вернулся и встал в Севастопольской бухте. Утро следующего дня потрясло всю Россию.

В 6 часов утра 7 октября 1916 года на линкоре сыграли побудку для экипажа. Через 15 минут была объявлена пожарная тре-

вога, ибо в каземате № 4 услышали какое-то шипение, затем повалил белый дым, и уже через две минуты сильнейший взрыв взметнул столб пламени, газов и дыма на высоту до 300 метров. За последующие 45 минут произошло ещё 18 взрывав. Команда, пытаясь потушить пожар, открыла кингстоны, но неравномерное поступление воды в трюмы наклонило линкор, а взрывы настойчиво, хотя и медленно, погружали гордость российского флота в морскую пучину. Корабль затонул на глубине 18 метров. Из команды в 1220 матросов и офицеров пострадало 488 человек, в том числе 225 погибло.

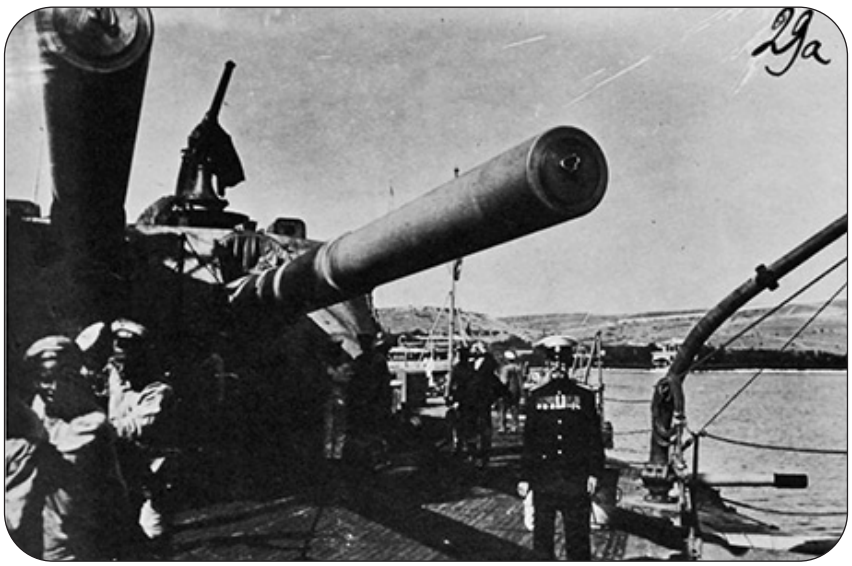
Гибель самого современного российского линкора в условиях войны, но не в сражении, явилась национальной катастрофой. Экономисты тогда ещё подсчитали, что строительство «Императрицы Марии» обошлось российской казне в 28 тонн золота, что было равноценно продаже за границу пол- миллиона тонн зерна. Сразу же была создана государственная комиссия, в которую был включён и один из авторов идеи строительства подобного линкора академик Крылов, который причиной гибели линкора назвал *«пожар, возникший в носовой крюйт-камере 12-дюймовых зарядов, повлёкший за собой взрыв пороха..., а затем взрывы боевых запасов...»* При обследовании водолазами затопленного линкора отмечено высочайшее качество постройки и живучести, ибо не было обнаружено ни одной (!) пробоины в днище и в обшивке бортов. В принципе, комиссия признала, что линкор потопили не взрывы, а сама команда, борясь с огнём.

Рассматривались три версии гибели линкора: самовозгорание пороха, небрежность в обращении с огнём и злой умысел. Комиссия, в общем-то, остановилась на второй версии, хотя самым тщательным образом исследовалась тема «злой умысел», в пользу которой говорило то, что после каждого выхода в море на линкор направлялись рабочие, списки которых никто не проверял, но которые что-то доделывали и так до конца и не закончили доделывать.

Сама мысль об успешной операции немецкой разведки отвергалась безоговорочно, хотя сам факт гибели царского линкора волновал и Советскую власть, которая, арестовав в 1933 году немецких шпионов в Николаеве (где и спускался на воду в 1915 году линкор) всесторонне изучала вопрос участия этих шпионов в диверсии. Почти основным козырем в руках тех, кто отвергал диверсию, был тот факт, что о трагедии на линкоре немецкий и турецкие ВМС узнали месяц спустя со слов военнопленных.

И всё-таки эта версия остаётся основной и в документальном фильме о гибели линкора «Императрица Мария», и в новейших исторических исследованиях.

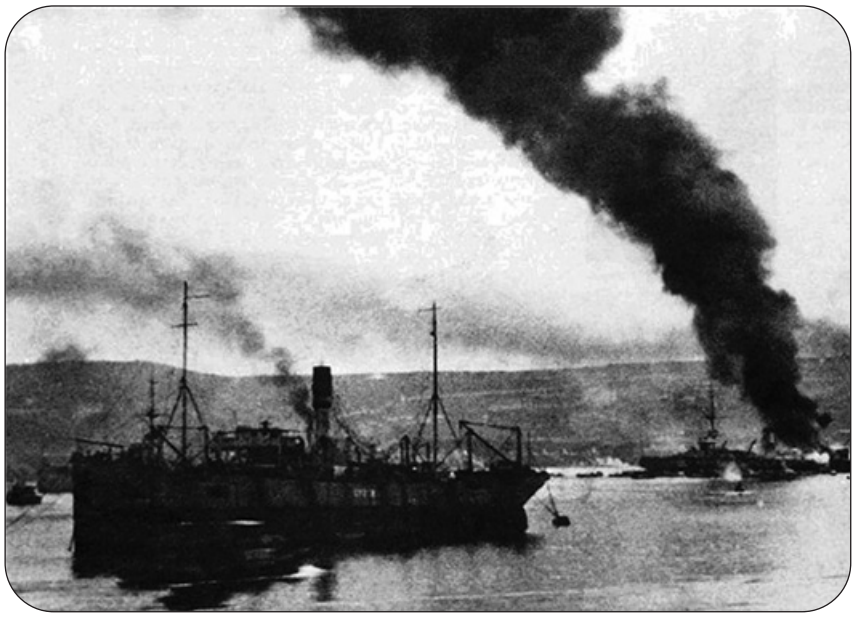
Тяжело переживал гибель линкора командующий Черноморским флотом А.В. Колчак, получивший всестороннюю



поддержку и от соратников по службе, и от церковной власти. Император Николай Второй прислал телеграмму: *«Скорблю о тяжёлой потере, но твёрдо уверен, что Вы и доблестный Черноморский флот мужественно перенесёте это испытание»*. Пожалуй, всеобщую скорбь высказал архиепископ Таврический Дмитрий в письме к Колчаку, в талант которого поверили, благодаря победам на Чёрном море: *«Вы наш мужественный вождь, Вас полюбила Россия; Отечество стало верить в Ваши силы, в Ваше знание и возлагает на Вас все свои надежды на Чёрном море. Проявите же и ныне присущие Вам славное мужество и непоколебимую твёрдость...»*.

Колчак был поддержан Морским министром в том, чтобы официальное сообщение о катастрофе было придержано – он хотел, чтобы противник узнал о случившемся как можно позднее. За ситуацию на Чёрном море он был спокоен, ибо каждый из оставшихся линкоров способен был в одиночку разобраться с турецкой эскадрой (и с примкнувшим к ней линкором «Гебен»).

На допросе в Иркутске в 1920 году следователи тоже задавали адмиралу вопрос о гибели линкора «Императрица Мария». Ответ был такой же, как и



в 1916 году: *«...Я считал, что злого умысла не было. Я приписывал это тем совершенно не предусмотренным процессам в массах пороха, которые заготовлялись во время войны...»*

Официальное сообщение о гибели линкора «Императрица Мария» было опубликовано 26 октября 1916 года в газете «Русский инвалид».

Тайна осталась. В 2010 году было опубликовано самое подробнейшее исследование рождения и жизни линкора (автор Борис Айзенберг) «Линкор «Императрица Мария». Главная тайна Российского флота» (М., 2010,128 с.)

Вот о чём поведать хотела рукопись, если бы была закончена автором.

Будучи библиофилом, не могу себе отказать в том, чтобы напомнить о жизни и гибели линкора «Императрица Мария» в художественной литературе.

Прежде всего, давно любимая в нашей стране повесть Анатолия Рыбакова «Кортик», ибо сам главный «герой» повести, кортик, принадлежал офицеру с линкора «Императрица Мария». Кстати, кортик, который «подсказал» Рыбакову сюжет одноимённой повести, хранится ныне в музее В.К. Арсеньева во Владивостоке...

В 1951 году С.Н. Сергеев-Ценский написал повесть «Утренний взрыв».

В 1970 году журнал «Техника-молодёжи» опубликовал повесть Анатолия Ёлкина «Тайна «Императрицы Марии»... Она названа документальной, но достаточно уязвима для историков.

Нет только в этом небольшом (и явно неполном) списке имени воркутинского автора М.Уляшева, потому что о нём так пока и ничего не удалось узнать.

Анатолий ПОПОВ
г.СЫКТЫВКАР

Юлия НАКОВА

ВИДЕЛО НЕБО И СЛЫШАЛИ ВОДЫ ПОР-АВАТА И НЕВЫ

«Великий маршал Победы» – так называют в народе Георгия Константиновича Жукова, выдающегося военачальника, четырежды Героя, Маршала Советского Союза. Он говорил: «Время не имеет власти над величием всего, что мы пережили в войну. А народ, переживший однажды большие испытания, будет и впредь черпать силы в этой победе».

Многие, мирные вёсны прошли с той поры, как были сказаны эти мудрые слова, которые глубоко трогают память и наводят на размышления о ценности мира на земле, и о том, как война жива, жива в нашей общей человеческой жизни. У одной из моих прабабушек фамилия была Нева. Природа была к ней благосклонна и щедро одарила. У неё рождались не раз дети-двойни. Из-за чего в народе её называли Еманг ими, что метафорично с ханты языка можно перевести, как Мощью силы деторождения, наделённая женщина.

Когда я была маленькой, думала, что она с берегов Невы, раз у неё такая легендарная фамилия. А после я сама, оказалась в этом городе-герое Ленинграде, в Санкт-Петербурге и у священной Невы. Когда я смотрела в её воды, у меня было чувство, что и моя прабабушка здесь, раз она и есть Нева. Теперь у моей семьи есть традиция, бывая в этом городе-герое, в эти святые воды мы бросаем монеты в знак приветствия и с Рекой, и с моей прастарицей, а ещё в знак памяти тех людей, кто защищал нашу Родину и навсегда остался, погребённым в этих землях и на Пискарёвском кладбище. Из рассказов своих родственников знала, что этот город защищали от войны многие мои соплеменники-ханты, а среди них прадед моих детей Лазарь Антонович Наков, который, как многие защитники, защищал блокадный Ленинград и выстоял средь голода и войны. Его нет в живых, но память о нём жива в его родовом селении Пор-ават и его жизнь продолжается в его внуках и правнуках.

...Мирный майский салехардский вечер... Отец и сын рассматривают пожелтевшие от времени фотографии. Светло-русый мальчуган, с зеленью в глазах, пухлым пальчиком тычет в одно фото и спрашивает:

– А это кто в гимнастёрке военной?

Отец, присмотревшись, отвечает

– Это твой прадед Лазарь. Его душа по нашим ханты поверьям поселилась в тебе, когда ты пришёл на эту землю.

– А это, как и почему он так одет, он на войне был?

– Да, конечно, он защищал нашу родину от фашистов...

Малыш никак не мог угомониться со своими «почему», а в это время Великая Обь, как и много лет назад, после ледохода расправила свои воды по шикарному телу предлетней земли. Если б она могла говорить, то рассказала удивительную историю, полную счастья, трагизма и большой Любви, и в это время ей вторили бы торжественно-белые дальние горы Полярного Урала, потому что они тоже свидетели тех событий...

Давно-давно Творец этого мира определил в предгорьях Урала, вдоль Оби и её притокам каждому ханты роду свою территорию. И вот при слиянии Большой и Малой Оби, на крутом изгибе, издревле расположилось красивейшее селение с дивным названием-именем Пор-ават. Это земли трёх родовых братьев: Ямру, Наковых, Родямовых. Имя родной земли навечно вписалось памятью времени в их общеродовое имя ПораватЁх, что значит Люди Пор-авта, Мужчины

Пор-авата. До сих пор на возвышенности селения стоит их мощный и непоколебимый временем охранитель территории, покровитель хозяев этих земель – ЕмангНангк-Священная Лиственница. Отсюда родовые братья каслали со своими оленьими стадами по весенним снегам к горным кочевьям, а когда земля надевала новый, снежный наряд возвращались. Среди братьев рос светло-русый, с зеленью в глазах, крепкого сложения мальчуган Лазарь.

Не раз вешние воды омывали его лучистое селение талыми снегами. Отсюда с Пор-аватских холмов маленький Лазарь вглядывался в тёплые дали, где просыпалось великое, северное солнце. Его тепло вбирала дикая малина, которую он собирал с бабушкой на светлых склонах селения. Отсюда он наблюдал, как его дядья, дед и братья перегоняют вереницы оленьих обозов в сторону, где засыпает северное солнце весной. Тогда он ещё не знал, что в будущем он станет лучшим знатоком этих долгих горных и речных путей и будет главным управителем оленного мира своего рода ПораватЁх, а ещё и большого колхозного оленьего стада.

Годы белокрылой птицей пролетели над осенями, зимами, вёснами, летами детства... время ещё более добавило зелени в глазах, силы в мышцах и теперь он уже сам заменял старших во время кочевий. Как-то весной, по просьбе отца Лазарь заехал в селение Кельчи Ас, что значит Река рода Кельчиных. Когда его оленья упряжка поднималась в гору, то навстречу попала кареглазая девушка. Улыбаясь ему, а может быть дню, она шла по весеннему насту. Кисти большого платка развевались при ходьбе, а украшения на косах издавали звуки в так её шагам, а может быть в такт биения её сердца. Это тайна... Её улыбающийся взгляд Лазарь запомнил навсегда и после пронёс через всю жизнь. Он вошёл в его сердце и тронул самую главную струну в душе. Так вместе с первой весенней капелью в жизнь молодых людей пришла Любовь, высокая, как Небо и чистая, как роса. Настя, Настасья, Настёна, Анастасия так звали главную тайну-весну его жизни. Прежде, Он никогда её не видел, но был наслышан о красоте её сердца, ума и глаз. Слышал о её умении орнаментировать жизнь вокруг добром, её рукам всё подчинялось и поэтому ладилось. Отсюда с земель рода Кельчиных он забрал её в свои урманы Пор-авата и там перед святостью родовой Лиственницы они скажут друг другу самые важные и главные слова в жизни.

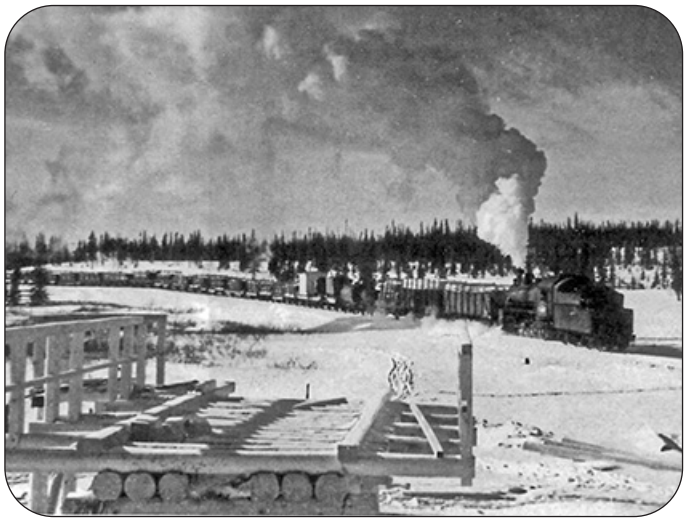
Пройдёт время и придёт новый, ясный день июня, и однажды при кочевье через ущелье, в унисон с летним щебетом птиц, горы услышат голос ребёнка. Светлоглазого первенца назовут Юхур, что значит Егор по-русски. Это было время большого, земного Счастья этой семьи. Оно смущённо радовалось в их берестяном летнем чуме, оно нежилось в детской колыбельке, оно вшивалось в орнамент одежды, обуви, Счастье жило с ними: в дыхании оленьего стада, в ранних россах и первых снегах. Счастье топало шагами их первенца Юхура, улыбалось нежностью рассветов и перед сном целовало переливами красок горных закатов. Цветочные лета сменялись рябиновыми осенями, звёздные зимы – лебедиными вёснами. У молодой пары родился ещё сынишка с цветом глаз озёр.

А после – война как дикий зверь ворвалась в жизнь семьи, в жизнь их стойбища, в жизнь большой страны. И вот они все вместе стоят перед Священной Лиственницей, она видит всё, хочет скрыть и защитить под своей сенью, но ветер военных перемен времени ждёт Лазаря на берегу Пор-авата, потому что он вместе с родовыми братьями должен ехать защищать свой дом, свой мир семьи, мир своей земли от войны.

Перед тем как оттолкнуть лодку-колданку, Лазарь крепко обнял сыновей-несмышлёнышей, тронул губами их носики и взглянул на Настасью. По ханты обычаю на её лице не было предательски выкатившихся слёз, они глубоко внутри. В её умных, самых прекрасных глазах в этом мире, он прочёл затаившуюся боль расставания и большую надежду на встречу. Он смотрел в эти любимые глаза и молча пообещал, что вернётся, обязательно вернётся, потому что его ждут. Это прощание слышали осенние воды Пор-авата, они тоже были печальны, это прощание видело бесконечно Великое Небо... Тогда они ещё не знали, что не война так страшна, которую они бояться, а людская подлая молва имеет страшную силу разрушения.

Война, испытания, горе

ярко проявляют и чётко высвечивают в людях слабые и сильные стороны. Многие оленеводы и охотники во время войны были хорошими стрелками, и Лазарь тоже. Их умения использовались и в снайперском деле. Терпеливо выжидать противника, как зверя, умение обращаться с оружием, природное внимание к изменениям в природе и в окружающем мире, их тактические навыки очень пригодились во время войны и порой были делом спасения жизни многих. Лазарь, как и многие его однополчане и жители Ленинграда, оборонял город, спасал из разрушенных войной домов детей и взрослых, собирал замёрзшие на улице трупы людей, хоронил умерших от голода и бомбёжек. Ночами и днями ужас войны присутствовал. Сквозь боли и мучения людей, слёзы умирающих от голода детей Лазарь видел разрушенный мир его страны и поэтому, как и многие его однополчане беспощадно бил врага, приближая Великую Победу. В одном из боёв немецкий снайпер попал ему в палец руки и раздробил оружие, после госпиталя Лазарь долго искал его в прицеле своей винтовки и всё-таки нашёл и стали квиты...



И однажды ярким днём золотой осени, он вернулся победителем к родным берегам Пор-авата. Шинель он нёс в руках, потому что на груди у него была медаль «За отвагу». Он всё выше и выше поднимался в лиственничную гору селения. Время ещё было военное, все работали на войну, и его Настасья тоже. Мужчины ещё не все вернулись, потому женщины заменяли их в оленеводстве. После радостных объятий встречи с родственниками, после поклонения Священной Лиственнице были долгие разговоры о самом главном, вожделенном, о жизни после войны. Лазарю было непривычно слышать тишину мира, слушать плеск речной волны Пор-аватаи, шелест листьев. Ему для полного ощущения счастья хотелось видеть милые глаза Настасьи и сыновей. Он собрался ехать за ними в предгорья, был счастлив, предвкушая встречу. Наутро, заехав в посёлок, чтоб отметиться о прибытии, злые языки, задолго до войны завидовавшие их с Настасьей счастью, поспешили донести, что его солдата-победителя никто не ждал с войны и что его второй сын с озёрным цветом глаз умер по легкомысленному недосмотру матери.

Что в этот миг испытал солдат? Солдат, который выстоял вместе с городом, который хотели стереть с лица земли, который видел земной ад, солдат, который из ужаса войны спасал детей, женщин и стариков, он научился быть беспощадным к врагу, но в душе даже война не разрушила нежность чувств, которые он испытывал к Настасье.

Вот он идёт по родной земле, которую он любит самыми сокровенными, святыми чувствами, а над ним смеются. Вскипела в нём кровь и обида, и боль предательства переполнили сердце и затуманили разум. Он не поехал за Настасьей, а передал через людей, чтоб

она возвращалась к себе домой. Так они расстались навсегда... Поэтесса Юлия Друнина пишет:

Мы порой чужих впускаем в душу.
В дом, построенный таким большим трудом...
Как легко чужим наш дом разрушить,
Как строить трудно новый дом.

После он забрал сына у Настасьи. Она не раз и не два за ним приезжала, но по ханты обычаю мальчика ставили за центральным шестом в чуме, который нельзя – табу – переходить женщинам, и она оставалась, жалкая, стоять у входа. Умоляющими глазами она смотрела на своего Лазаря, но это был уже другой, чужой человек, который слушал всех, но не хотел слышать её. Он разлучил её с сыном, и она, поверженная и согбенная этой болью предательства, уехала навсегда с этих земель. Это видело Бесконечное Небо и слышали снеги, они разделяли её боли, но в лабиринтах, в хитросплетениях человеческих отношений они не могли помочь

После расставания он был уверен, и его мужское самолюбие ожидало и надеялось, что Настасья ещё не раз приедет просить прощения в слезах. Он ждал белоснежными зимами, он ждал с первыми проталинами, он ждал её летними росами, он ждал её с улетающими на юг журавлиными песнями. Когда уставал ждать, то, перегоняя стадо через Обь, он не раз ехал за ней вновь и вновь к берегам Кельчи Ас. Наверное, унижения и позор, в которые он поверг её, выжгли в сердце Настасьи все добрые чувства к нему, может, боялась ещё предательства, а может, по совокупности всех обстоятельств не вернулась, как бы он её не умолял. Наверное, любимым людям можно и нужно прощать всё, даже самое подлое, гнусномерзкое предательство. Только любимыми они вновь уже не могут стать никогда... Так получилось и в жизни Лазаря.

После он стал бригадиром большого, колхозного оленьего стада, были хорошие жёны и очень хорошие, но такой как Настасья больше не было для него в этом мире. Он жаждал и искал с ней встречи. Лазарь часто видел её во сне, идущей по первому снегу, но не к нему, а от него уходящей. Память хранила и создавала вновь и вновь её улыбающийся образ, когда она баюкала их сыновей в их наполненном летним счастьем чуме. Тогда он понял, как хрупок этот мир и без войны и как зыбко Счастье.

Время – это лучший прожектор, лучший светильник в лабиринтах наших человеческих чувств и поступков. Оно ставит всё на свои места, а после оказалось, что Настасья была оговорена, оклеветана. Ребёнок, их второй сын, действительно умер, но умер он в горах от болезни, во время долгого-каслания, там нет врачей, и помочь ему было невозможно. Он, Лазарь, понял поздно, что не все люди одинаковы, что обычная людская зависть очень коварна и беспо-

щадна, как пуля на войне. Зависть не простила благополучия в его доме, завидовала уму, умениям, красоте Настасьи, и что её муж пришёл живым с войны, и многое другое. Настасья была виновата лишь в том, что всё это было в ней и у неё. Она была мудрой, терпеливой и проницательной женщиной, поэтому знала, что её сын обязательно, обязательно будет с ней и с отцом. Так оно и вышло. Юхур помнил свою Маму, он приезжал к ней, это были незабываемые встречи. Всю свою материнскую нежность любви она вшивала в орнаменты его одежды, а он привозил ей белые платки с кистями и без кистей, потому что именно такой белый платок когда-то с войны ей привёз его отец Лазарь, но так и не смог подарить.

Прошло время, вырос их общий единственный сын Юхур, который как и отец стал бригадиром большого оленьего стада, которое он перегонял через мамины земли. Когда выпадали новые снега Настасья знала, что её Юхур возвращается с гор на зимние земли, в ожидании сына она пекла ему круглые хлеба и клала ему в дорогу. Как-то Лазарь увидел один из таких хлебов, по запаху понял, что это хлеб его Настасьи, такие же она пекла ещё до войны. Держа его в руках, он будет мысленно просить прощения у сына, что осиротил его при живой матери. Он смотрел на этот круглый хлеб и чувствовал тепло её рук, которые умеют творить в этом мире святость. После он будет не раз и не раз говорить сыну и внукам, что не война страшна, а ещё страшнее людская подлая молва. Он позволил ей завладеть его сердцем, разрушить его дом, мир его любви, осиротить сына и этим сделал несчастной самую дорогую сердцу Настасью.

Очень часто с высоких холмов Пор-авата он смотрел вдаль, будто хотел увидеть земли Настасьи. Как она, с кем она? Весеннее небо, как хрустальный купол, в нём ясно слышен звонкий звук жизни, и вдруг этот звон превратился во внутренний рёв, потому что плакала земля, красавица Настасья её покинула...

Он тосковал по ней все оставшиеся годы. И перед смертью Лазарь вновь скажет сыну: «Не впускай в свой мир чужих, не предавай свои светлые чувства на растерзания своре сплетников, не позволяй растаптывать святость в тебе». Он уходил в Небо в ожидании, что он обязательно там высоко в этой голубой бездне встретится с ней, и уже никто, никто их не разлучит, потому что там всё святое...

...Мирный майский салехардский вечер... отец и сын рассматривают пожелтевшие от времени фотографии. Светло-русый мальчуган, с зеленью в глазах, пухлым пальчиками гладит фото и целует. Теперь малыш он знает, того, кто в гимнастёрке военной, и знает, что в нём сила жизни, энергия его прадеда-победителя – Лазаря Антоновича Накова, который защищал свою Родину, потому что любил.

Скоро, очень скоро человечество будет отмечать 70-ю весну Великой победы. Легендарное поколение победителей, которые добыло для нас Великою Победу уходит, а память остаётся, время бессильно пред ней. И прав «Великий Маршал Победы» Георгий Жуков, сказавший: «Время не имеет власти над величием всего, что мы пережили в войну. А народ, переживший однажды большие испытания, будет и впредь черпать силы в этой победе». И это живо и сегодня, потому что жива память...

г. САЛЕХАРД

Игорь ШУМЕЙКО

ДВА КОНТИНЕНТА

Пусть это и напомнит старый «агитпроп», но гигантская, занебесная разница двух исторических судеб выше, важнее любой пропаганды! В сравнении русского «завоевания» Сибири и Дальнего Востока и испано-португало-англо-голландского завоевания Америки соблюдено Равенство изначальных условий. В один и тот же 16-й век начались великие исторические движения. Там и там первопроходцы встретили «аборигенов», людей. К тому ж (равенство Начальных условий Задачи!) – аборигенов сходно выглядевших! Справьтесь у антропологов: ближайшие родственники американских индейцев – народы Сибири.

И… на одном из континентов случилось то, что историки несколько веков, вплоть до Карла Маркса и сегодняшнего Уарда Черчилля называют: «Величайшим Геноцидом в истории человечества»…

Первый ход. Христофор Колумб (если вникнуть в ФИО: «Несущий Христа»):

«Эти люди ни в чём не испытывали нужды. Заботились о своих растениях, были искусными рыбаками, пловцами. Строили привлекательные жилища и держали их в чистоте. Эстетически выражали себя в дереве. У них было свободное время, чтобы заниматься игрой в мяч, танцами и музыкой. Они жили в мире и дружбе. Эти люди ходят, в чём мать родила, но добродушны… Из них получатся хорошие и искусные слуги».

Это Первое Знакомство. У Христофора пока только три каравеллы, 90 человек изнурённого экипажа. Но в бортовом журнале запись 14 октября 1492 (пророческая): «50 солдат достаточно для того, чтобы покорить их всех и заставить делать всё, что мы хотим. Местные жители разрешают нам ходить, где мы хотим и отдают нам, всё, что мы у них просим».

В следующем 1493 году Колумб приплывает в Америку на 20 кораблях с 1500солдат. «Именно с этой экспедицией в Новый Свет была завезена большая партия мастифов и грейхаундов, обученных для нападения на людей. Применялись массовые повешения, организовывались карательные походы», – Ян Кэрью «Изнасилование Рая и Британский расизм в Америках» (Jan R. Carew. Rape of Paradise Columbus and the Birth of Racism in the Americas. Brooklyn, N.Y. A&B Books, 1994).

На южном побережье Кубы, наш Христофорушка …вооружённый аркебузами и боевыми собаками объезжал верхом индейские деревни с целью обмена золота. При сопротивлении испанцы забирали золото силой, людей обращали в рабство…

Колумб издал закон, который обязывал всех индейцев старше 14 лет раз в 3 месяца платить испанцам золотом или 25 фунтами хлопка (в районах, где золота не было). Уплатившим такой «налог» выдавался медный жетон с датой последней выплаты. Жетон продлевал право жить на три месяца. Если дата на жетоне была просрочена, то индейцам отрубали кисти обеих рук, вешали их на шею и отправляли умирать в свою деревню – Уард Черчилль (Ward Churchill. A Little Matter of Genocide. Holocaust and the Denial in the Americas 1492 to the Present. San Francisco: City Lights, 1997).

Поскольку индейцам нужно было бросить обрабатывать свои поля, охоту и заниматься добычей золота, начался голод. «В 1598, в ответ на убийство 11 испанских солдат, дон Хуан де Онате совершил карательную экспедицию, уничтожил 800 индейцев и приказал ампутировать левую ногу каждому мужчине племени старше 25 лет», – Ди Браун «Похороните моё сердце у Вундед-Ни» (Bury My Heart at Wounded Knee: An Indian History of the American West, Owl Books (1970).

«Когда я вернулся из Картахены, встретил португальца по имени Рохе Мартин. На крыльце его дома висели части разрубленных индейцев для кормёжки собак…» – Дэвид Стаднард «Американский холокост».

Это – вклад страстных испанцев. Правда потом из их среды вышел и благородный защитник индейцев, настоящий «Дон Кихот», тоже идальго, а затем монах-доминиканец: Лас Касас. Но всё же, 40 послеколумбовых лет те «деяния» не считались даже «геноцидом», так как… испанцы просто не признали новооткрытых существ собственно людьми, «потомками Адама». Признание наличия у индейцев души и разрешение их крестить получено не сразу, в 1550–51 годах, на известном Вальядолидском диспуте Хуан де Сепульведа настаивал на отсутствии у индейцев разу-

-ДВЕ СУДЬБЫ

ма, а предъявляемые оппонентами, как доказательства, города ацтеков и майя считал построенными по инстинкту, как у пчёл, муравьёв и термитов…

Вклад северной Европы, англичан, граждан США? – меньше страстности, больше методичности. В 1623 англичане отравили вином 200 человек племени Пауатан и добили ещё 50 холодным оружием. Вечером 26 мая 1637 года английские колонисты под командованием Джона Андерхилла атаковали деревню племени Пеквот (штат Коннектикут), сожгли заживо 700человек.

«Сотни миль речных берегов без признака человеческой жизни и некогда процветающих деревень, которые были опустошены и пусты» – свидетельство французского путешественника 1740 года приводится в (Heizer, Robert F., The Destruction of California Indians, University of Nebraska Press, Lincoln and London, 1993).

30 апреля 1774 – Бойня у Жёлтого Ручья близ современного Уэлсвилля (штат Огайо. Группа приграничных поселенцев, во главе с Дэниэлом Грейтхаузом, убила 21 человека племени минго… Убитая дочь вождя Тунай, была на последнем сроке беременности. Её пытали и выпотрошили внутренности, пока она была жива. Скальп сняли с неё и с плода, который вырезали из неё. С прочих минго также сняли скальпы.

8 марта 1782 года 96 крещёных индейцев были убиты американским народным ополчением из штата Пенсильвания во время Войны за независимость США. Инцидент произошёл в миссии моравских братьев!.. Помните, Лев Толстой умилялся «кроткими муравейными, моравскими братьями»? – Это и была, относительная кротость.

В 1825 г. Верховный суд США формулирует «Доктрину открытия», согласно которой право на земли «открытых» земель принадлежит тем, кто их «открыл». Коренное население сохраняет право проживания на них, но не собственности на землю. На основании данной доктрины в 1830 г. принят Закон о переселении индейцев.

26 февраля на острове Индиан-Айленд, у побережья северной Калифорнии шесть местных жителей, землевладельцев и бизнесменов устроили резню индейцев племени Вийот, убив по крайней мере 60, и более 200 женщин, детей и стариков… Колонизаторы вели настоящую охоту за скальпами индейцев. Законодательные собрания колоний Новой Англии назначали цену за каждый доставленный скальп, в том числе за скальпы индейских женщин и детей.

Известна широкомасштабная кампания американцев по уничтожению бизонов, чтобы ослабить племена прерий. По оценкам исследователей, в 1800 году численность бизонов составляла 30–40 миллионов животных, к концу века осталось менее одной тысячи. Американский генерал Шеридан: «Охотники за бизонами сделали больше для решения острой проблемы индейцев, чем вся регулярная армия за последние 30 лет. Они уничтожают материальную базу индейцев». Шеридан в конгрессе США предлагал учредить специальную медаль для охотников.

Немецкий этнолог Густав фон Кенигсвальд: «Антииндейская милиция отравила стрихнином питьевую воду деревни Кайнганг… вызвав смертельный исход приблизительно 2000 индейцев».

Муниципалитеты практиковали вознаграждения за убитых индейцев. В Шаста-сити, Северная Калифорния: 5 долларов за голову индейца (1855). Поселение близ Марисвилла: «вознаграждение из пожертвованных населением средств «за каждый скальп или другое убедительное подтверждение, что индеец был убит» (1859). «В округе Техама создан фонд оплаты за скальпы индейцев… жители Хани-Лейк выплачивали 25 центов за скальп индейца (1861)» – Indians of California: The Changing Image by James J. Rawls, University of Oklahoma Press, 1986.

По оценкам учёных численность индейцев в 1500–1900 гг. сократилась с 15 миллионов до 237 тысяч. Надеюсь, тенденция «исторических покаяний» (Президенты, Папы Римские уже извинялись перед африканцами за рабство) дойдёт и до индейского геноцида. Масса частных «пардонов» уже была высказана, факты (вышеприведённые) собраны, дело за глобальным обобщением. Сопоставить все картины освоения Америки, Африки и – Сибири. И вся разница Судеб – контраст, различимый даже из другой Солнечной системы, ещё заставит многих задуматься.

«Огненная вода» и освоение Сибири

Что после всего этого и сказать-то о другом Континенте, о Сибири? Сравнить только: казаки, посвойски рассевшиеся в яранге – и европейцы, даже предъявленные им города, брезгливо считавшие муравейниками, термитниками... Конечно, *«огненная вода»*, занесённая казаками-первопроходцами, вредила местным племенам. В XX веке учёные выяснили причину: у некоторых северных народов плохо вырабатываются ферменты, расщепляющие алкоголь. НО казаки приобщили местные племена к тому, чем и сами увлекались... Сможет ли кто представить Хабарова, Москвитина, Дежнёва – подсыпающими стрихнин в водку и протягивающих стакан якуту или чукче?! Методично травящими оленей, подобно генералу Шеридану? Ермака, торгующего скальпами?

Но для вящей справедливости сравнения судеб двух Континентов – «сибирскую» часть начнём с наиболее тяжкой страницы: алкоголь.

Начиная, даже не с Великих географических открытий, а ещё с эпохи Крестовых походов, фактом всемирной истории стали всемирные же – эпидемии. Ранее иммунитет жителей замкнутых общин, государств был выработан на «свои», локальные болезни, а эпоха массовой мобильности принесла много новых. Задумайтесь: мог ли чумной больной доползти из Индии (родина и эпицентр чумных и других эпидемий) до Европы? А в трюме корабля – вполне.

Семейство остяков-самоедов (селькупов) на фоне своего жилища. Худ. Павел Кошаров, 1891.

И тут неожиданно вступает на историческую арену алкоголь. Мне как автору книги «Русская Водка. 500 лет неразбавленной истории», участнику многих теледебатов приходилось слышать про *«спаивание народов Сибири, замену их некрепких напитков, пива – коварной водкой»*.

Всемирно известный специалист по этой теме, Вильям Похлёбкин:

– Пиво приготавливалось разными народами лишь раз в год, к 1 марта (отсюда «мартовское пиво» – лучшее по качеству, свежее и чистое). Пиво варили всей деревней. Борьба церкви с пивоварением, культовым языческим пьянством, приуроченным к определённым дням или неделям... говорит (и) о начале винокурения. Пиву противопоставляться могла только водка. Лёгкая делимость, равномерность качества (крепости) делали её обычным, не священным товаром, не связанным ни с каким определённым событием. Среди языческих народов Европы и Азии вплоть до XIV–XV веков опьянение совершалось всегда как традиционное религиозное или историко-праздничное действие в строго определённые моменты: на тризнах, праздниках урожая и т.п. Было заме-

чено, что именно *культовое пьянство и питьё пива усиливают эпидемии или способствуют их распространению, в то время как употребление водки сокращает эпидемические заболевания* (Курсив мой. – *И.Ш.*). Это вполне понятно, так как культовое пьянство осуществлялось коллективно, при больших скоплениях людей. Кроме того, дезинфицирующее воздействие хлебного спирта имело огромное гигиеническое значение, в то время как пиво, бражка, пивное сусло являлись питательной средой для роста различных грибковых культур и микробов. Особенно это касалось эпидемий гриппа, которые тогда не отличали от язвы, чумы и так же называли мором (…)

Племена, встречавшиеся русским варили по деревням бесчисленные разновидности пива и олов, не говоря о тунгусских племенах, где питейная традиция была такая: выбирали мужчину покрепче, кормили его ядовитыми грибами и пили его мочу. Тогдашнее совместное, общинное, «свальное» пивопитие не грозило эпидемиями – изолированным деревням и коммунам. Но в эпоху мобильности «эпидемический мост» заработал. И общины, племена России, Поволжья, Урала, Сибири, Дальнего Востока – сохранившие старую пивную, свальную традицию стали выкашиваться новыми болезнями. А новая Водка – парировала новые угрозы.

Самоедская стоянка. Рис. Зуйблада, 1896.

У всех народов есть в генной памяти что-то о первобытном рае, Золотом Веке. И водка, смягчая цивилизаторские стрессы, примиряла, помогая что-то вспомнить, что-то забыть. В пёстром собрании рас и религий особенно важны были общие традиции. В каком-то смысле вхождение в Российскую империю было сродни приглашению «к столу». «Это что? Пельмени, говоришь» – сибирскому татарину, – «ну давай – здорово!.. А это что, дымится ажно? Шур-па? Ну, будем здоровы! А это, брат-бурят, конская колбаса? Давай, садись! Руси веселие есть пити, но и закусити». (Ну может одного, что с фаршированой рыбой, чутка толкнули, уронили. Однако, тут же, и подняли, охлопали бока, отрясая пыль: «Извиняй мил-человек. Садись и ты»).

Добродушие как геополитический фактор

Сначала цитаты из книги Н.И. Никитина «Освоение Сибири в XVII веке» (начиная со стр. 128):

– *Причины этой уживчивости видят в особенностях русского национального характера. По мнению исследователей, одной из его отличительных черт является «отсутствие высокомерного презрения и вражды к населению колонизуемых стран и житейская уступчивость»… «духом нетерпимости по отношению к инородцам рус-*

ские переселенцы в Сибири ни когда не были проникнуты»... «они смотрят на вогула, самоеда, остяка и татарина прежде всего как на человека и только с этой стороны определяют к ним свои жизненные отношения».

Способность русских «находить почву для сближения с другими народами» поражала иностранных наблюдателей, обращавших внимание на отсутствие у русского человека чувства высокомерного превосходства по отношению к населению колонизуемых территорий, столь свойственного западноевропейским переселенцам.

«*Когда русский мужик с волжских равнин располагается среди финских племён или татар Оби и Енисея, они не принимают его за завоевателя, но как единокровного брата, вернувшегося на землю отцов... В этом секрет силы России на востоке*», – писал француз Ланойе в 1879 году.

Джордж Керзон, будущий министр иностранных дел Великобритании, проехав по среднеазиатским владениям России в конце XIX в., отмечал, что *«Россия бесспорно обладает замечательным даром добиваться верности и даже дружбы тех, кого она подчинила силой... Русский братается в полном смысле слова. Он совершенно свободен от того преднамеренного вида превосходства и мрачного высокомерия, который в большей степени воспламеняет злобу, чем сама жестокость»*.

Американский сенатор Бэверидж, проследовавший в 1901 году через всю Сибирь, также увидел главную причину прочности позиций России на Востоке в том, что она присутствует там «в виде русского крестьянина», т. е. «самого русского народа», отличающегося, по мнению сенатора, тем от других наций, что он не проявляет «никакого оскорбительного способа обращения с расами, с которыми превосходно уживается». Бэверидж подметил у русского солдата «свойственную всем русским» «поразительную характерность»: способность «дружиться с народом», которого «победил».

Историки отмечали «отсутствие резкого социального различия между местным объясаченным населением и угнетённым русским», и отсутствие между ними «той резкой пропасти, которая отделяет... человека европейской культуры от дикаря»...

В Москве стало известно, что в тех западносибирских городах, где издавна сложились татарские слободы, «всяких чинов жилецкие люди живут в татарских юртах... с татарами вместе... пьют и едят из одних сосудов». Сообщалось, что коренные жители указывают переселенцам соляные ключи и руды, предупреждают о вражеских нападениях. У торговых людей были среди аборигенов «старые други и знакомцы», предоставлявшие ночлег и помогавшие перевозить грузы в обход «государевых застав». Татарские и вогульские бедняки в XVII в. работали «для корму» не только у богатых соплеменников, но и у русских.

В Восточной Сибири у переселенцев быстро наладились деловые отношения с якутами. Отправляясь в поход, служилые люди часто отдавали свой скот на содержание «подгородным» (жившим поблизости от города) якутам.

Естественно, что у некоторых русских с сибирскими «иноземцами» складывались отношения крепкой и подлинной дружбы. Эпизод, рассказанный Владимиром Атласовым в 1700 г. в якутской «приказной избе». Изменившие рус-

ским во время камчатского похода юкагиры напали ночью на четырёх спящих казаков, но один из них – Яков Волокита остался в живых. Его прикрыл своим телом родственник напавших – Еремка Тугуланов: он «на Яшку Волокиту пал и убить не дал».

Отбившиеся по бедности от соплеменников или потерявшие скот «иноземцы» вовлекались в хозяйственную жизнь переселенцев особенно глубоко и разносторонне. Нередко лишь в работе у русских по найму они находили выход из тяжёлого положения. Некоторые из сибирских аборигенов став «новокрещёнами» отрывались от племенного быта и чаще всего определялись в служилые люди или крестьяне, получая во всём равные с русскими права(…)

Перекличка эпох

Душевная конституция, национальный характер (допускавший и печальные порой исключения) – это лишь одна, субъективная причина обеспечившая столь разительный контраст судьбы народов Сибири и обеих Америк. Второй же фактор, объективный ещё более значим, особенно в нынешнюю эпоху, когда на всех континентах, политики, правители, отложив (но недалеко, не надолго) оружие принялись отыскивать, порой выдумывать её – Легитимность.

Для конструируемого Евросоюза подбирают, и надо признать – без особых натяжек, все факты истории Римской империи: границы, «ценности», «римское право». Наши либералы так наивно пытались дотянуть и до Москвы – хоть клочок этого одеяла. Словно не видя смехотворный пример румын: «романцев», «настоящих римлян», которых Европа, хоть и принимает: все ж ветераны антироссийского «санитарного кордона», но скрывая (не всегда) усмешку – считает за полуцыган.

Евразийство – не шпилька Западу, а возвращение к матрице собственной Судьбы. Проявление её черт в совершенно казалось новых условиях, после десятков самых радикальных революций – наиболее величественное из явлений мировой истории. Удивительно, как нынешние границы РФ напоминают границы Улуса Джучиева, части чингисовой Империи, а вся она, включавшая хубилаевский Китай, просто подозрительно до чего напоминает контуры нынешней Шанхайской Организации.

«Выбор Александра Невского», (полководец, святой, победитель конкурса «Имя России»-2009): *«Оборона на Западе, союз на Востоке»*.

Лекции, телерадиопередачи требуют кратких формул, и в ответ на неверную формулу «свержение татаро-монгольского ига» я часто предлагаю: *«Русь освободилась от Орды с Ордою*

впридачу». Покажется парадоксом – вспомните «придачу»: Волга, Урал, кормилица Всея Руси – Сибирь.

Казаки Ермака силой, удалью подкрепили, «проиллюстрировали» сибирским татарам: столица Улуса Джучиева поменялась, теперь ясак отправлять в Москву, молиться за здравие – царя Ивана Васильевича.

Войны, особенно в Западной Сибири с кучумовичами были упорные, но то были войны внутренние, за старшинство среди семьи наследников – нескольких ханств Улуса Джучиева.

Даже обобщающее название всех зауральских жителей: «сибирские татары» означало как бы приписание их к знакомому, хорошо известному казакам разряду: татар поволжских, с которыми 350 лет жили в одном государстве. Это не исключало дальнейшее их изучение, различение: бурят, тунгусов, эвенков, чукоч... И если вдуматься, очень многозначительно это первое, непредумышленное обозначение незнакомцев: не «муравьи-термиты», а люди, почти земляки.

Центр силы перемещался – Легитимность оставалась. Военное лидерство, обязанность собирать и охранять – многие предшественники (монголы) изнемогли на этой совсем не «сахарной» службе.

«Брокгауз» и другие источники определяют: *«Ясак – на языке монгольских и тюркских племён обозначает дань, уплачиваемую обыкновенно натурой, главным образом пушниной. Перешло в русский язык со времени завоевания Сибири»*.

Самоеды. Рис. из книги "Illustrations de Les peuples de la Russie", 1848.

Неточно, примитивно («если передаются деньги, товар – то значит: дань, налог»), и отражает давнюю традицию невнимания к важнейшим подробностям евразийской жизни. Ясак – производное от Ясы (Чингисхана), фундаментального Закона, залиговавшего самую большую в истории общность людей. Ясак – обязательный дар сюзерену, важное значение которого: обозначить именно это вектор соподчинённости, иерархию. Почти забыли, но сюзерен, получивший ясак – отдаривался, иногда встречный дар имел большую цену, например, железные иголки, «сис» на языке камчадалов.

Да, Ермак разбил Кучума (даже не важно, наполовину узбека или более), но известно: фактически руководил ханской армией Махметкула (Маметкул), и что же? Через полгода после пленения Маметкул – воевода полка левой руки (третий по чину) в русской армии, сражающейся со шведами. А всю русскую армию Иван Грозный доверял бывшему Казанскому хану Шиг-Алею.

Шестьдесят лет прошло от взятия Казани до освобождения Москвы в 1612 году Ополчением Пожарского и Кузьмы Минича Анкундинова (если уж точно дать ФИО героя). Среди татар в Ополчении отбивавшем свою новую столицу был и мурза Искера-Тобольска. Вот гениальная тема для исторических писателей: какой-нибудь

воин, проживший 75 лет (редко, но случалось, мой предок казачий полковник Прокоп Шумейко погиб в Берестейской битве 80-ти лет от роду) – действительно мог поучаствовать и в обороне Казани и в походе Минина!

Вдобавок к сотням утвердившихся у нас ординских слов (казак, атаман, богатырь, сабля, боевой клич «УРА!», я бы добавил ещё одно очень ёмкое, важное – *«Кысмет»* (приблизительно – «Судьба», но имеет некоторые трудноопределимые оттенки, рождённые многими веками его произнесения). Если кысмет был Сибири – покориться Ермаку а Маметкулу стать русским полководцем, то это и значит... кысмет.

Самоед. "Всемирная иллюстрация", №50, 1882.

Именно в эти дни Украина напомнила о другой стороне: отказ от Судьбы – этническое самоубийство. Давний «галицайско-бандеровский» лозунг, постулат истории Грушевского: русские приняли многое из Орды, отатарились, а мы чистые. Хотя у самих в государственном гимне стоит: «що мы братья козацкого роду». Тюркское происхождение «козака» признаёт и Грушевский: сквозь зубы, один раз на всю свою синтезированную «Историю Украины». Но сегодняшние «дети из пробирки» (галицайской) – что б показать свою «неотатаренность» намекают, робко ссылаясь на польских историков Пясецкого и Коховского, что «козак» – происходит от «коз» («ловкие как козы»). Позорная точка, тут так и видится Тарас Бульба, горестно изумившийся: «Как, продать всё! Стать польским козлом?!»

А русские дворяне, на 60% ординского происхождения, Шереметевы, Юсуповы, Беклемишевы, Басмановы, Годуновы, Кочубеи, Батурины, Салтыковы, Ушаковы, Строгановы, Карамзины, Татищевы, Тургеневы, Тимирязевы, Бехтеревы, Бичурины, Аксаковы, Ахматовы, Рахманиновы, Корсаковы, Чаадаевы, Милюковы, Гучковы – никогда не стеснялись этого. Как и фразы «Поскреби русского – увидишь татарина».

Историческое значение покорения Сибири в этой альтернативе покорению Америк. Россия сможет предъявить сто сохранённых народностей даже... на Страшном суде, когда спросят «соседа»: «Где, АмериКаин, брат твой краснокожий, которому ты продавал отравленные одеяла?» Ведь при всей известной «повторяемости истории», такое глобальное, всепланетное действо – покорение Африки, Америк, Сибири, случилось один раз и тут уже ничего не переделать, не подправить. («Непокорённой» из континентов осталась разве что Антарктида – может и напоминает Америку после европейской «зачистки», но понятно, что не то.)

Как недавно сказал Президент Путин в беседе с Александром Прохановым: «Россия – это не проект, это судьба».

Вячеслав ОГРЫЗКО

АДМИРАЛ, ПРОИГРАВШИЙ БИТВУ ЗА РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ

Подхалимы в течение многих лет обращались к Леониду Соболеву не иначе как к адмиралу. Хотя последнее его воинское звание было капитан первого ранга. Да и получил он капранга не на флотской службе, а уже в отставке – и не за морские заслуги, а за литературные и общественные дела. Правда, в писательском сообществе Соболев занимал действительно должность, равнозначную адмиральской. Только вот ни одной крупной победы он так и не одержал. Битв при нём было не счесть, а побед, по сути, ноль.

Леонид Сергеевич Соболев родился 8 (по новому стилю 21) июля 1898 года в Иркутске. Он происходил из дворян. *«Отец,* – писал Соболев весной 1952 года, – *капитан артиллерии в отставке, участник балканской войны 1877–78 гг. был оставлен в Болгарии инспектором классов Софийского военного училища. В 90-х годах, когда правители Болгарии стали вести прогерманскую политику, отец подал в отставку и вернулся в Россию. В поисках службы уехал в Сибирь, где стал работать отводчиком площадей (землемером) в Горном департаменте. В русско-японскую войну был призван и командовал ополченской дружиной. По окончании войны ушёл в отставку в чине подполковника и вернулся в Горный департамент. Скончался в 1927 г. в Якутске пенсионером в возрасте 72 лет. Мать умерла там же в 1929 г.»* (РГАЛИ, ф. 631, оп. 40, д. 510, л. 37, об.). Боевые заслуги отца позволили Соболеву и его старшему брату получить образование за казённый счёт.

Оба брата в 1910 году отправились в Петроград. Старший поступил в Морской корпус, а младшего приняли во второй класс Александровского кадетского корпуса. Он потом вспоминал: *«С 1910 по 1916 г. я учился в корпусе, после чего перешёл в Морское училище. После февральской революции был избран там в училищный комитет. Летом 1917 года плавал рядовым матросом на кораблях Балтфлота – сперва сигнальщиком миноносца «Стройный», а после гибели его 2 августа в Рижском заливе – комендантом постового орудия миноносца «Забайкалец». Принимал участие в боях на Кассарском плёсе с Германским флотом в октябре 1917 г. Осенью вернулся в училище для продолжения занятий»* (РГАЛИ, ф. 631, оп. 40, д. 510, л. 37, об.).

После училища Соболев был направлен в Гельсингфорс. Там он 23 марта 1918 года добровольно вступил в красный флот, получив должность вахтенного начальника

эсминца «Орфей». На этом эсминце молодой офицер совершил ледовый поход в Кронштадт.

Осенью 1918 года Соболев продолжил образование в штурманском классе комсостава при военно-морской академии. Однако когда Петроград оказался под угрозой захвата белым генералом Юденичем, его вновь возвратили на флот. *«Я был назначен младшим штурманом линейного корабля «Андрей Первозванный», на котором принимал участие в бою с* [совершившим измену фортом] *Красной Горкой, – вспоминал впоследствии писатель. – В этом бою потерял брата: будучи старшим артиллеристом «Андрея Первозванного», он вёл огонь по восставшему форту в течение всего дня, в результате чего был разбит параличом, не оправившись от которого вскоре умер»* (РГАЛИ, ф. 631, оп. 40, д. 510, л. 38).

Леонид Соболев в молодости

После курсов весной 1920 года Соболев был оставлен на Балтфлоте. Его распределили в качестве штурмана на один из миноносцев. Видимо, тогда же он влюбился в молоденькую театралку Ольгу Михальцеву, которая была замужем за Евгением Михальцевым (он перед войной создал в Ленинградском институте инженеров транспорта кафедру экономики). Её ещё звали «костромской Рекамье». Михальцева, родившая в первом браке двух сыновей, ответила ему взаимностью. Но официально они оформили свои отношения намного позже.

Другая важная деталь: в 1921 году Соболев неожиданно оказался в тюрьме. В одной из анкет, датированной 1952 годом и предназначавшейся лишь кадровикам для служебного пользования, он скупо отметил: *«Был арестован в 1921 году ВЧК по ложному доносу, освобождён через полтора месяца, полностью реабилитирован»* (РГАЛИ, ф. 631, оп. 40, д. 50, л. 36, об.). Но кто донёс на него и в чём обвинил, это писатель в анкете не указал.

В 1922 году Соболев принял участие на учебном судне «Комсомолец» в своём первом заграничном походе. Позже его назначили флагманским штурманом в бригаду траления, а затем направили на линейный корабль «Октябрьская революция». Одно время он служил в погранчастях ОГПУ. А впоследствии его назначили первым помощником начальника оперативного отдела штаба Балтийского флота.

Интерес к слову у Соболева пробудился довольно-таки рано. Первый рассказ «Легенда о реке Ангара» он сочинил в десять лет. Потом в кадетском корпусе ему пришла идея выпускать рукописный журнал «Родина». Однако ничего путного у него не получилось.

Позже Соболева попытался от литературы отвадить Всеволод Иванов. Прочитав в редакции журнала «Красная новь» начальные главы романа «Капитальный ремонт», он заметил флотскому офицеру, что это «скучно, статично», и рукопись завернул. Но за собравшегося в отставку первого помощника начальника оперативного отдела штаба Балтфлота вступились комиссары из только что созданной новой литературной группы ЛОКАФ. Они быстро в 1932 году протолкнули соболевское сочинение в свой журнал «ЛОКАФ», который потом переименовали в «Знамя». А сам Соболев стал оргсекретарём Ленинградско-Балтийского отделе-

ния ЛОКАФа и секретарём журнала «Залп».

Похоже, первым в писательской среде роман «Капитальный ремонт» высоко оценил Федин. *«...Необыкновенно удачная спайка публицистики с художественной образностью, любовь к аллегории, символу, метафоре*, – отметил именитый писатель, – *всё это настолько великолепно и спорно, что от книги повеяло настоящим искусством»* («Литературный Ленинград», 1934, 11 августа).

Уже в «нулевые» годы «Капитальный ремонт» проанализировал историк и публицист Сергей Семанов. Он писал: *«Сюжет романа «Капитальный ремонт» очень прост. Летом 1914 года, перед самым началом Первой мировой войны, на линкор «Генералиссимус Суворов» приезжает гардемарин Юрий Левитин к своему старшему брату лейтенанту Николаю Левитину. Будничная жизнь военного корабля, вот и всё содержание романа. Получилась у начинающего писателя столь яркая и необычайно живописная картина морской жизни, что она и тогда, и по сей день является, безусловно, лучшей во всей русской литературе. Эта сторона книги будет подробно рассмотрена далее, а теперь скажем о втором слое романа – авторским отступлениям в глубь российской истории, и не только военной <...> Теперь нет уже никакой нужды поправлять размашистые оценки начинающего русского писателя Леонида Соболева, он вынужден был повторять очернительные оценки учебников Покровского. Так отзывались о России в ту пору многие писатели и публицисты. Неважно выглядит в романе Соболева и русский народ, застенчиво именуемый там «всероссийским обывателем», – тупой, жадный, завистливый, злобный. То ли дело в сравнении с ним культурные и благовоспитанные финны и шведы. Кстати тут о шведах. С раннего средневековья финские земли были колониальной окраиной Швеции, всё делопроизводство там до начала XIX века велось исключительно на шведском языке, преподавание тоже, лишь в составе России финны стали переходить на финский язык, получили некое самоуправление. Впрочем, об этом в исторических отступлениях «Капитального ремонта» не упомянуто. Зато добавлено не раз о дурных манерах русских, одетых в матросские бушлаты. Например, что русский человек «неприхотлив», потому спокойно станет хлебать щи из одной кастрюли с сифилитиком... И что русские флотские офицеры – за малыми исключениями – злобные существа, матросы их ненавидят. Образованный морской офицер Леонид Соболев не мог не знать, что на тогдашнем флоте «владычицы морей» Великобритании дисциплина на кораблях поддерживалась неизмеримо более строгими мерами, что английские матросы тоже хлебали суп из одного котла, а национальный герой британской морской истории адмирал Нельсон отличался необузданной жестокостью и вполне одобрил повешение провинившихся матросов в воскресный день, хотя это вопиюще противоречило всем законам и обычаям Соединённого королевства»* («Литературная Россия», 2007, 6 июля).

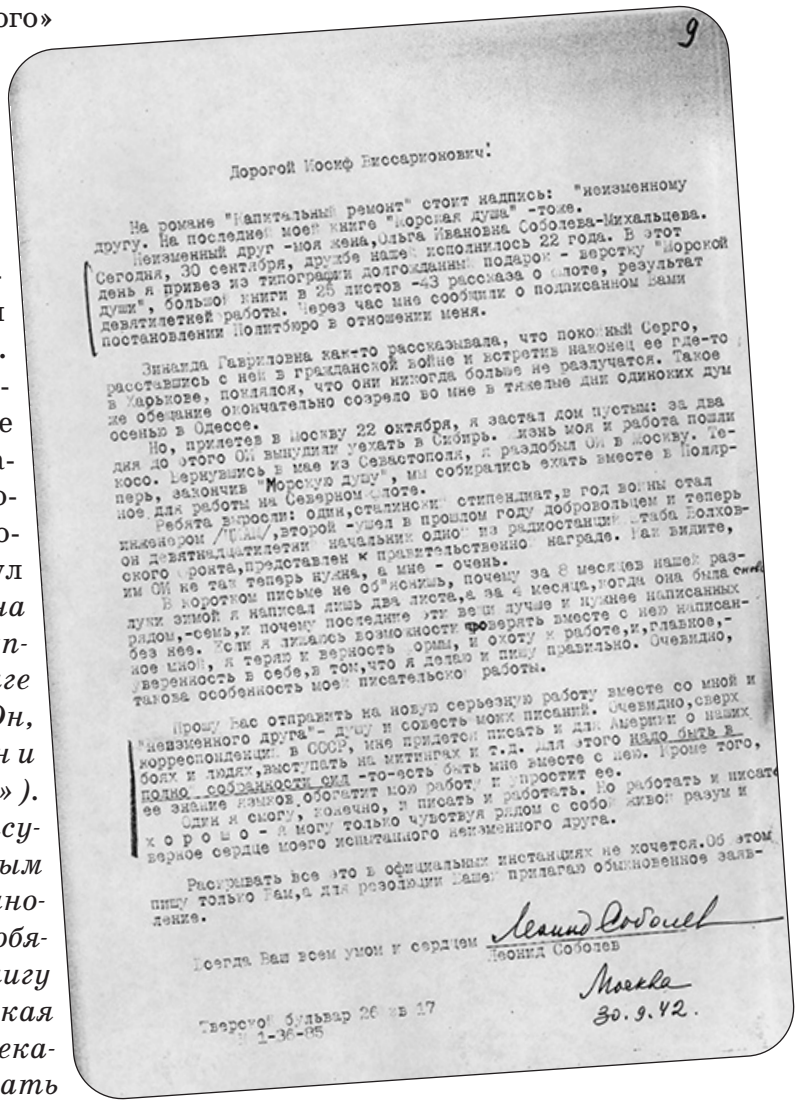
После выхода «Капитального ремонта» Соболев сумел покорить и власть. Выступая 22 августа 1934 года на первом съезде советских писателей, он заявил: *«Партия и правительство дали советскому писателю решительно всё. Они отняли у него только одно – право плохо писать»*. Не случайно в какой-то момент главным читателем Соболева стал сам Сталин.

Однако сразу после писательского съезда что-то пошло не так. Соболев вскоре вынужден был надолго из Центра исчезнуть. Благо нашёлся формальный предлог: его назначили руководителем бригады, призванной оказать помощь коллегам из Средней Азии.

В Казахстане судьба подарила Соболеву встречу с Мухтаром Ауэзовым. Он согласился помочь своему новому приятелю перевести его рассказы об Абае. К слову: рассказы Ауэзова потом вылились в эпопею, которая в 1957 году была удостоена Ленинской премии.

Но какие-то силы достали Соболева и в Средней Азии. Похоже, ему попытались «пришить» какие-то обвинения. Наверное,

что-то всплыло из его «огэпэушного» прошлого. Видимо, литературные начальники помочь писателю оказались не в силах. Они лишь требовали от него продолжения «Капитального ремонта».



9

Дорогой Иосиф Виссарионович!

На романе "Капитальный ремонт" стоит надпись: "неизменному другу. На последней моей книге "Морская душа" -тоже.
Неизменный друг -моя жена,Ольга Ивановна Соболева-Михальцева. Сегодня, 30 сентября, дружбе нашей исполнилось 22 года. В этот день я привез из типографии долгожданный подарок - верстку "Морской души", большой книги в 25 листов -43 рассказа о флоте, результат девятилетней работы. Через час мне сообщили о подписанном Вами постановлении Политбюро в отношении меня.

Зинаида Гавриловна как-то рассказывала, что покойный Серго, расставшись с ней в гражданской войне и встретив наконец ее где-то в Харькове, поклялся, что они никогда больше не разлучатся. Такое же обещание окончательно созрело во мне в тяжелые дни одиноких дум осенью в Одессе.

Но, прилетев в Москву 22 октября, я застал дом пустым: за два дня до этого Оля выгрузили уехать в Сибирь. Жизнь моя и работа пошли косо. Вернувшись в мае из Севастополя, я разлюбил Оля в Москву. Теперь, закончив "Морскую душу", мы собрались ехать вместе в Полярное для работы на Северном флоте.

Ребята выросли: один,сталинский стипендиат,в год войны стал инженером /ТАИ/,второй -ушел в прошлом году добровольцем и теперь он девятнадцатилетний начальник одного из радиостанций штаба Волховского фронта,представлен к правительственной награде. Как видите, им Оля не так теперь нужна, а мне - очень.

В коротком письме не об"яснишь, почему за 8 месяцев нашей разлуки зимой я написал лишь два листа,а за 4 месяца,когда она была с семьей рядом,-семь,и почему последние эти вещи лучшие и нужнее написанных без нее. Если я лишусь возможности говорить вместе с ней написанное мной, я теряю и верность формы, и охоту к работе,и,главное,- уверенность в себе,в том,что я делаю и пишу правильно. Очевидно, такова особенность моей писательской работы.

Прошу Вас отправить на новую серьезную работу вместе со мной и "неизменного друга"- душу и совесть моих писаний. Очевидно,сверх корреспонденции в СССР, мне придется писать и для Америки о наших боях и людях,выступать на митингах и т.д. Для этого надо быть в полно собранности сил -то-есть быть мне вместе с ней. Кроме того, ее знание языков обогатит мою работу и упростит ее.

Один я сюду, конечно, и писать и работать. Но работать и писать х о р о ш о - я могу только чувствуя рядом с собой живой разум и верное сердце моего испытанного неизменного друга.

Рассказывать все это в официальных инстанциях не хочется.Об этом пишу только Вам,а для резолюции Вашей прилагаю обыкновенное заявление.

Всегда Ваш всем умом и сердцем Леонид Соболев

Леонид Соболев

Москва
30.9.42.

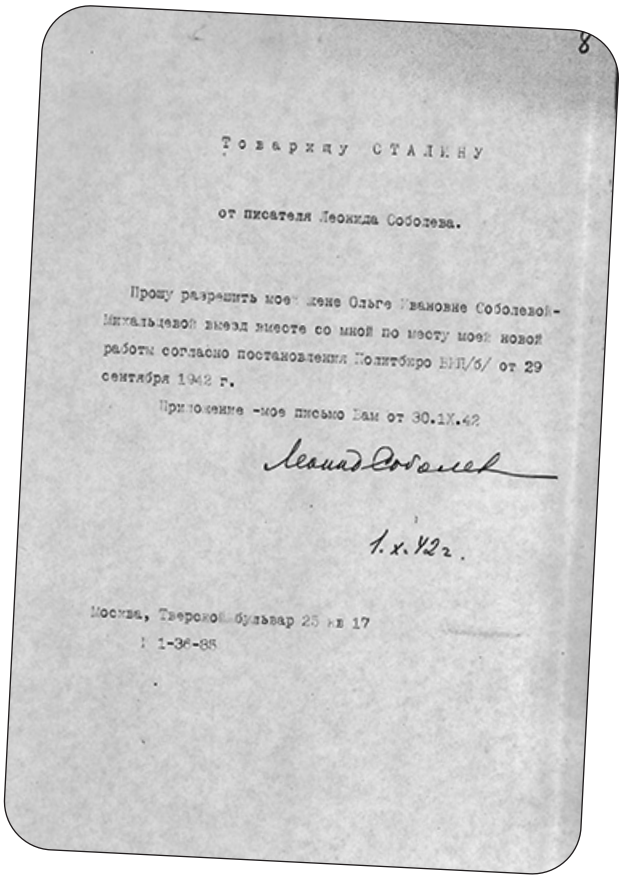
Тверской бульвар 26 кв 17
1-36-05

В отчаянии Соболев обратился к Сталину. Однако его письмо потом куда-то исчезло. Ни в одном архиве оно до сих пор не найдено. Пока удалось выяснить лишь реакцию вождя. Сталин ответил не лично Соболеву, а дал ряд указаний по его поводу секретарю Союза писателей Владимиру Ставскому. *«Тов. Ставский!* – подчеркнул Сталин. – *Обратите внимание на т. Соболева. Он, бесспорно, крупный талант (судя по его книге «Кап<итальный> рем<онт>»). Он, как видно из его письма, капризен и неровен (не признаёт «оглобли»). Но эти свойства, по-моему, присущи всем крупным литературным талантам (может быть, за немногими исключениями). Не надо обязывать его написать вторую книгу «Кап<итального> ремонта». Такая обязанность ни откуда не вытекает. Не надо обязывать его написать о колхозах или Магнитогорске. Нельзя писать о таких вещах по обязанности. Пусть пишет, что хочет и когда хочет. Словом, дайте ему перебеситься... И поберегите его. Привет! Сталин. 10.XII.35 г.».*

Я это обращение Сталина к Ставскому цитирую по копии, которая хранится в РГАНИ (ф. 3, оп. 34, д. 273, л. 7). Оригинал сталинского письма, как указано на копии, надо искать в книге № 881. Добавлю, что текст обращения Сталина Ставскому уже публиковался, в частности, в 2011 году в сборнике документов «Между молотом и наковальней. Союз советских писателей СССР» (в этом сборнике было указано, что оригинал автографа Сталина сохранился в РГАЛИ, ф. 1712, оп. 4, д. 30, лл. 1–2, а одна из машинописных копий осталась в Архиве Администрации Президента РФ (ф. 45, оп. 1, д. 1118, л. 149).

Окончательно в Москву Соболев перебрался лишь в 1938 году. К тому времени любовь Сталина к его творчеству ослабла. Не случайно, когда осенью 1938 года возникла идея одарить большую группу литераторов орденами, он оказался за бортом самых главных списков. Ему потом дали не орден Ленина и даже не Трудовое Красное Знамя, а всего лишь «Знак Почёта». Это, видимо, чтобы знал своё место.

Потом началась война. Соболев уехал на фронт в Одессу. Когда немцы подошли вплотную к Москве, жену писателя эвакуировали. Соболев очень тяжело переживал вынужденную разлуку с семьёй. Он потом напросился в Крым. С женой писатель вновь увиделся лишь в мае 1942 года. А через полгода, даже чуть раньше – 29 сентября в ЦК партии предложили ему новую работу.



Товарищу СТАЛИНУ

от писателя Леонида Соболева.

Прошу разрешить моей жене Ольге Ивановне Соболевой-Михальцевой выезд вместе со мной по месту моей новой работы согласно постановлению Политбюро ВКП/б/ от 29 сентября 1942 г.

Приложение -мое письмо Вам от 30.IX.42

Леонид Соболев

1.X.42 г.

Москва, Тверской бульвар 25 кв 17
Т 1-36-85

О пережитом с начала войны Соболев в конце сентября 1942 года рассказал лично Сталину. В его письме говорилось:

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

На романе «Капитальный ремонт» стоит надпись: «неизменному другу». На последней моей книге «Морская душа» – тоже.

Неизменный друг – моя жена, Ольга Ивановна Соболева-Михальцева. Сегодня, 30 сентября, дружбе нашей исполнилось 22 года. В этот день я привёз из типографии долгожданный подарок – вёрстку «Морской души», большой книги в 25 листов – 43 рассказа о флоте, результат девятилетней работы. Через час мне сообщили о подписанном Вами постановлении Политбюро в отношении меня.

Зинаида Гавриловна как-то рассказывала, что покойный Серго, расставшись с ней в гражданской войне и встретив наконец её где-то в Харькове, поклялся, что они никогда больше не разлучатся. Такое же обещание окончательно созрело во мне в тяжёлые дни одиноких дум осенью в Одессе.

Но, прилетев в Москву 22 октября, я застал дом пустым: за два дня до этого ОИ вынудили уехать в Сибирь. Жизнь моя и работа пошла косо. Вернувшись в мае из Севастополя, я раздобыл ОИ в Москву. Теперь, закончив «Морскую душу», мы собирались ехать вместе в Полярное для работы на Северном флоте.

Ребята выросли: один, сталинский стипендиат, в год войны стал инженером (ЦИАМ), второй – ушёл в прошлом году добровольцем и теперь он девятнадцатилетний начальник одной из радиостанций Штаба Волховского фронта, представлен к правительственной награде. Как видите, им ОИ не так теперь нужна, а мне – очень.

В коротком письме не объяснишь, почему за 8 месяцев нашей разлуки зимой я написал лишь два листа, а за 4 месяца, когда она была снова рядом, – семь, и почему последние эти вещи лучше и нужнее написанных без неё. Если я лишаюсь возможности проверять вместе с нею написанное мной, я теряю и верность формы, и охоту к работе, и, главное – уверенность в себе, в том, что я делаю и пишу правильно. Очевидно, такова особенность моей писательской работы.

Прошу Вас отправить на новую серьёзную работу вместе со мной и «неизменного друга» – душу и совесть моих писаний. Очевидно, сверх корреспонденции в СССР, мне придётся писать и для Америки о наших боях и людях, выступать на митингах и т.д. Для этого надо быть в полной собранности сил – то есть быть мне вместе с нею. Кроме того, её знание языков обогатит мою работу и упростит её.

Один я смогу, конечно, и писать и работать. Но работать и писать хорошо – я могу только чувствуя рядом с собой живой разум и верное сердце моего испытанного неизменного друга.

Раскрывать всё это в официальных инстанциях не хочется. Об этом пишу только Вам, а для резолюции Вашей прилагаю обыкновенное заявление.

Всегда Ваш всем умом и сердцем
Леонид Соболев
Тверской бульвар, 26, кв. 17
К 1-36-85»
(РГАНИ, ф. 3, оп. 34, д. 273, л. 9).

Жена Соболева считала, что её мужа в какой-то момент стали зажимать. Поэтому она в конце декабря 1942 года решила за поддержкой обратиться лично к Сталину. В своём письме она сообщила:

«Сохранить жизнь и трудоспособность Леонида Соболева – вопрос не личный – и, после долгих размышлений, я решилась обратиться к Вам, товарищ Сталин.

Пережив непосредственно Одессу и Севастополь, Леонид проделал за последние семь месяцев гигантскую работу: он подготовил к печати 63 1/2 листа, выпустил девять книг, в том числе известную Вам «Морскую Душу», большой журнал «Город славы», две полнометражные картины – «Черноморцы» и «69-ая параллель».

Эта работа поглощали всё время, все силы и, дополнительно, выматывала все нервы целым рядом производственных неувязок. Хотя бы в отношении «Морской Души», которую Гослитиздат мытарит полтора года: до сих пор нет тиража, нет и не предвидится. (Сигнальные экземпляры были выпущены по инициативе рабочих типографии, подаривших Соболеву в ночь на 7-е ноября десять книг.) Таким образом, оценки эта книга получить не может.

Вся же работа в целом была отмечена тем, что Соболева перевели из столовой высшего комсостава, которой он пользовался, возвращаясь с фронта, в рядовую, отвечающую его военному званию.

Нас никогда не занимали внешние знаки отличия: три нашивки, которые Леонид носил двадцать лет, забавляли, как признак нашей стойкой молодости, ордена... в отсутствии их была своеобразная оригинальная прелесть, лауреатство... но, по совести, всегда казалось, что «Капитальный ремонт» первая книга нового высокого советского стиля, и единственная, которая, будучи так лестно расценена прессой Европы и Америки, не могла быть (и не была) дословно выпущена ни одной капиталистической страной мира, и что вместе с «Морской Душой» несомненно переживёт нас. Неоднократно, при самых неожиданных обстоятельствах, мы убеждались в том, что Соболева знает и любит страна, и это было подлинной радостью. Мы жили устремлённо и полноценно.

Но неожиданно выяснилось, что внешние знаки, символ ценности художника, связаны с бытовыми возможностями, а таковые, в известном возрасте, влияют на жизнь и здоровье человека. Деньги сейчас, при полном отсутствии времени, почти потеряли для нас всякий смысл. До рынка не добраться, никого мы не «принимаем», «красных мебелей» и разных «чернобурых котиков» не приобретаем. Работаем с утра до поздней ночи, после чего пилим дрова и топим нашу печурку, живя вдвоём без домработницы, уютно и ласково. «Анекдотически не умеем устраиваться» – пусть, но пока Леонид был здоров, это было неважно, и, главное, не нужно.

Сейчас Леонид очень плох. У него полное нервное истощение, мучительные непрерывные головные боли, с головокружениями, доходящими до потери сознания (не от успехов, как видите), тягостные явления со зрением, бессонница, сердечные боли, подавленное настроение, – и это самое грустное. Он обычно такой жизнерадостный, ребячливый, непосредственный и доверчивый! Он начинает думать, что, может, он действительно работает хуже всех... И, закончив громадную работу, точно опустошённый, стоит перед вопросом, что же делать дальше...

Приласкайте его немного, товарищ Сталин, и прикажите выдать ему немного сладкого... он большой ребёнок – этот настоящий большой советский писатель...

И никогда не говорите ему, что я Вам об этом написала.

Ольга Михальцева-Соболева»

(РГАНИ, ф. 3, оп. 34, д. 273, л. 11).

Но у жены Соболева не было уверенности, что её обращение дойдёт лично до Сталина. Решив подстраховаться, она 17 декабря 1942 года направила письмо также помощнику вождя – Александру Поскрёбышеву. Михальцева-Соболева писала:

«Товарищ Поскрёбышев.

Первая настоятельная моя просьба к Вам – сохранить это письмо в секрете от

прочих. Очень горько, если оно сыграет роль заявления и пойдёт по учреждениям, даже при наличии благоприятной резолюции. Горько будет и стыдно, и тяжело. Особенно, если Леонид об этом когда-нибудь узнает.

Даже врачам, задававшим вопросы о наших бытовых условиях, я отвечала уклончиво. Никто не обязан считаться с особенностями того или иного характера, и если известно, что правительство отпускает писателям сверх карточек какие-то блага, то бесполезно вдумываться, почему получают их одни и ничего решительно сверх карточки не получает член Президиума СП Леонид Соболев.

Отсюда вторая просьба: чтобы не обижать нашего адмирала и его <нрзб> а, которые очень хорошо к нам относятся, но как военные люди не имеют права приравнивать капитана 2-го ранга Соболева к контр-адмиралам, сажая их за один стол, прикажите, если это возможно и удобно, просто прикрепить писателя Соболева куда-нибудь, чтобы поддержать надлежащим топливом этот несколько надорванный творческий организм. И пусть удерживают там всю нашу зарплату, ибо деньги нам нужны только, чтобы мы могли работать.

Третья просьба: прикажите Чагину (гослитиздат) выпустить тираж «Морской Души»: полтора месяца лежит в типографии напечатанная книга, занимая изрядное место, и не выпускается по примеру предыдущей книги Соболева – «Балтийцы в боях», которая была подписана к печати в сентябре 41-го года, а выпущена в октябре 42-го года, через 13 месяцев.

Когда на последнем заседании Президиума ССП Лебедев-Кумач, случайно познакомившийся с контрольным экземпляром «Морской Души», выдвинул её на Сталинскую премию, выяснилось, что кроме него никто из писателей не читал и даже не видел этой книги.

Тяжело обращаться к товарищу Сталине и тревожить его – может, всё Вы устроите сами... но, боюсь, промолчу, если будет неладно, товарищ Сталин мне же скажет: почему не сигнализировала вовремя. «Неизменный друг» называешься – это обязывает».

Ольга Михальцева-Соболева
Москва, Тверской бульвар, 26, кв. 17
т. К-136-85.
17 декабря 1942 г.»

(РГАНИ, ф. 3, оп. 34, д. 273, л. 11, об).

Поскрёбышев передал полученное письмо Щербакову. И уже 21 декабря 1942 года были даны первые поручения управляющему делами Совнаркома России Якову Чадаеву и издателям. Но часть вопросов тем не менее осталась нерешённой. Об этом жена Соболева сообщила во втором письме Поскрёбышеву. 3 февраля 1943 года она написала:

«Товарищ Поскрёбышев,

хотя всё чрезвычайно таинственно, но догадаться не трудно, откуда идут чудеса, и потому, прежде всего, Вам – громадное спасибо. А произошло всё это так:

17-го я завезла письмо,

21-го начали печатать «Морскую Душу»,

25-го вышел тираж!!

21-го Рогов вызвал Леонида, стал расспрашивать об его работе, самочувствии и бытовых условиях. Настоятельно было предложено выехать в дом отдыха ВМФ, где и были созданы, в пределах возможностей этого дома, максимально благоприятные условия для поправки здоровья.

23-го позвонили из ПУ НКВМФ и затребовали все 9 книг, выпущенные за последние семь месяцев, и перечень всех проделанных за время войны работ.

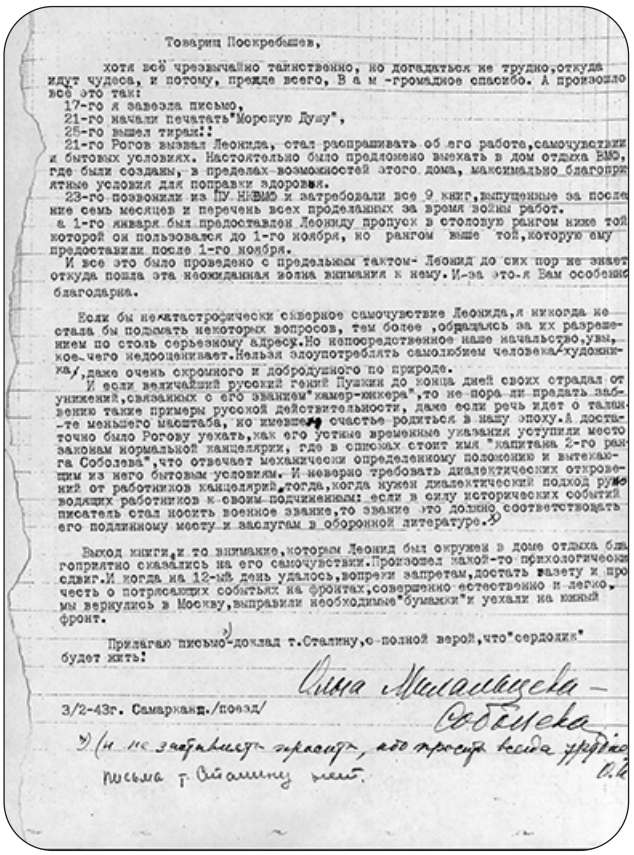
А 1-го января был предоставлен Леониду пропуск в столовую рангом ниже той, которой он пользовался до 1-го ноября, но рангом выше той, которую ему предоставили после 1-го ноября.

И всё это было проведено с предельным тактом – Леонид до сих пор не знает, откуда пошла эта неожиданная волна внимания к нему. И за это я Вам особенно благодарна.

Если бы не катастрофически скверное самочувствие Леонида, я никогда не стала бы подымать некоторых вопросов, тем более, обращаясь за их разрешением по столь серьёзному адресу. Но непосредственное

наше начальство, увы, кое-чего недооценивает. Нельзя злоупотреблять самолюбием человека-художника, даже очень скромного и добродушного по природе.

И если величайший русский гений Пушкин до конца дней своих страдал от унижений, связанных с его званием «камер-юнкера», то не пора ли предать забвению такие примеры русской действительности, даже если речь идёт о таланте меньшего масштаба, но имевшем счастье родиться в нашу эпоху. А достаточно было Рогову уехать, как его устные временные указания уступили место законам нормальной канцелярии, где в списках стоит имя «капитана 2-го ранга Соболева», что отвечает механически определённому положению и вытекающим из него бытовым условиям. И неверно требовать диалектический подход руководящих работников к свои подчинённым: если в силу исторических событий писатель стал носить военное звание, то звание это должно соответствовать его подлинному месту и заслугам в оборонной литературе.*



Товарищ Поскребышев,

хотя всё чрезвычайно таинственно, но догадаться не трудно, откуда идут чудеса, и потому, прежде всего, В а м -громадное спасибо. А произошло всё это так:

17-го я завезла письмо,
21-го начали печатать "Морскую Душу",
25-го вышел тираж!!
21-го Рогов вызвал Леонида, стал расспрашивать об его работе, самочувствии и бытовых условиях. Настоятельно было предложено выехать в дом отдыха НКВМФ, где были созданы, в пределах возможностей этого дома, максимально благоприятные условия для поправки здоровья.
23-го позвонили из ПУ НКВМФ и затребовали все 9 книг, выпущенные за последние семь месяцев и перечень всех проделанных за время войны работ.
а 1-го января был предоставлен Леониду пропуск в столовую рангом ниже той, которой он пользовался до 1-го ноября, но рангом выше той, которую ему предоставили после 1-го ноября.

И все это было проведено с предельным тактом- Леонид до сих пор не знает откуда пошла эта неожиданная волна внимания к нему. И-за это-я Вам особенно благодарна.

Если бы не катастрофически скверное самочувствие Леонида, я никогда не стала бы подымать некоторых вопросов, тем более, обращаясь за их разрешением по столь серьезному адресу. Но непосредственное наше начальство, увы, кое-чего недооценивает. Нельзя злоупотреблять самолюбием человека-художника, даже очень скромного и добродушного по природе.

И если величайший русский гений Пушкин до конца дней своих страдал от унижений, связанных с его званием "камер-юнкера", то не пора ли предать забвению такие примеры русской действительности, даже если речь идет о талан-те меньшего масштаба, но имевшем счастье родиться в нашу эпоху. А достаточно было Рогову уехать, как его устные временные указания уступили место законам нормальной канцелярии, где в списках стоит имя "капитана 2-го ранга Соболева", что отвечает механически определенному положению и вытекающим из него бытовым условиям. И неверно требовать диалектических откровений от работников канцелярий, тогда, когда нужен диалектический подход руководящих работников к своим подчиненным: если в силу исторических событий писатель стал носить военное звание, то звание это должно соответствовать его подлинному месту и заслугам в оборонной литературе.*)

Выход книги, и то внимание, которым Леонид был окружен в доме отдыха благоприятно сказались на его самочувствии. Произошел какой-то психологический сдвиг. И когда на 12-ый день удалось, вопреки запретам, достать газету и прочесть о потрясающих событиях на фронтах, совершенно естественно и легко, мы вернулись в Москву, выправили необходимые "бумажки" и уехали на южный фронт.

Прилагаю письмо*) -доклад т. Сталину, с полной верой, что "сердолик" будет жить!

Ольга Михальцева-Соболева

3/2-43г. Самарканд /поезд/

*) (и не заставлять просить, ибо просить всегда угодно. О.И.

Письма т. Сталину нет.

Ольга Михальцева-Соболева

3/2–43 г. Самарканд (поезд)

** и не заставлять просить, ибо просить всегда угодно. О.И.*

Письма т. Сталину нет».

(РГАНИ, ф. 3, оп. 34, д. 273, л. 12).

Правда, указанное приложение – письмо-доклад Сталину – в архиве не оказалось.

А дальше всё пошло как по маслу.

Уже 19 марта 1943 года советское правительство присудило Соболеву за сборник рассказов «Морская душа» Сталинскую премию второй степени. Писатель передал денежную часть в Фонд обороны, попросив построить на неё катер с названием «Морская душа» и зачислить судно в 4-й дивизион сторожевых катеров Черноморского флота. Одновременно Фадеев с Тихоновым сделали Соболева председателем приёмной комиссии Союза писателей. Тем самым его как бы официально ввели в ареопаг литературных генералов.

На этой почве у Соболева закружилась голова, и он в феврале 1945 года попытался выбить себе вторую Сталинскую премию – на этот раз за сборник газетных публикаций «Дорогами побед». В Союзе писателей Соболев заручился поддержкой Льва Субоцкого, Самуила Маршака, Осипа Резника и Василия Лебедева-Кумача. Ходатайство ему подписал Николай Тихонов. Пойдя на сделку с совестью, Тихонов в представлении отметил: *«Живой, образный, хороший литературный язык, меткость реалистического наблюдения и зарисовок придают корреспонденциям Леонида Соболева большую художественную силу»* (РГАЛИ, ф. 631, оп. 40, д. 510, л.

101). Но лукавство не прошло. Сталин представление Тихонова отклонил.

После войны тоже всё складывалось непросто. Желая помочь мужу, жена писателя – Ольга Михальцева 21 марта обратилась к Сталину. Она писала:

«Товарищ Сталин,

в жизни бывает, когда даже независимый и сильный человек нуждается в моральной поддержке. Оглянувшись вокруг на густо населённый наш огромный и такой крошечный мир, я поняла, что говорить мне сей час не с кем, слишком значительным представляется вопрос.

И мыслью обратилась к Вам.

Я ни о чём конкретном не прошу Вас, тем всё это, быть может, сложнее.

У меня ощущение, что в нашем доме идёт четвёртый акт пьесы, когда все концы сводятся с концами, и впереди лежит лишь неизбежная, закономерная, но всё же несколько гадательная развязка пятого акта.

И если от нас она зависит, то мне становится страшно от ответственности, которую я чувствую на себе. Отсюда тоскливая потребность разделить эту непосильную ответственность: ценность объекта перерастает границы личного.

Речь идёт о ЛЕОНИДЕ СОБОЛЕВЕ.

Однажды было у него уже такое тяжёлое физическое и душевное состояние, которое привело к необходимости решительных мер. Но тогда, три года тому назад, растущие успехи на фронте оказались более действительными, чем санаторный режим, и через 11 дней мы удрали из санатория на южный фронт, и всё обошлось.

Сейчас его положение несравнимо серьёзнее.

Мир застал нас в Германии. С армией мы вошли в Берлин, и оттуда проделали «по Европам» 20.000 километров на машине. Видели неповторимое и незабываемое. Леонид вернулся переполненный драгоценным творческим материалом и сел за стол.

Он просиживал за столом дни и ночи, но реальной работы не получалось. С его точки зрения, н и ч е г о не получалось. Он перестал совершенно спать. Нервное истощение дошло до предела. Лучшие врачи, по моему настоянию, смотрели его, говорили с ним. Организм, в основном, оказался здоровым, и я перестала тревожить его этими дополнительными раздражителями.

Леонид потерял волю к действию и становится в тягость самому себе.

Речь Черчилля взорвала его. Он зашагал по комнате. Ему захотелось ответить.

Но всё растущая неудовлетворённость своей работой убивает в нём веру в ценность и нужность этой работы. И вспыхнув, он тут же погас.

Мгновенную радость принесло известие, полученное от югославского посла о награждении орденом Братства. Югославию Леонид очень полюбил и от души провёл там громадную работу, – ряд предвыборных конференций по всей стране, когда в длительных беседах он рассказывал людям, почему мы победили в этой войне.

Возвращение с Тихого Океана сына, которого мы не видели два года, а до этого едва не потеряли, когда он шесть месяцев лежал полумёртвый в госпитале, внесло ещё одну радость.

Но успокаивая и даже подымая дух, всё это действует недолго, как наркотик на очень измученный, травмированный, тяжело больной организм.

Леонид потерял веру в качество того, что он делает, потерял веру в своё творческое «я», следовательно, в свою нужность, потерял интерес к жизни, стал, повторяю, в тягость самому себе.

Он, жизнерадостный, непосредственный, цельный, весёлый, большой ребёнок, – помрачнел.

Если бы не его исключительный, светлый талант, создавший единственную в своём роде, неувядаемую книгу «Капитальный Ремонт», первый том новых «Войны и Мира», которая может и должна быть дописана им, я никогда не посмела бы обращаться к Вам.

Сталкиваясь с самыми разнообразными людьми в самых близких и отдалённых уголках земли, я всякий раз убеждаюсь в том, какая подлинная ценность этой прекрасной советской книги. Её до сих пор по-

мнят, цитируют, перечитывают и любят.

Во время войны Леонид стал писать новый роман – «Зелёный Луч», о молодом человеке, командире флота. Он написал пять больших глав. Он любит этот роман, возвращается к нему, но роман почти не двигается.

С искренним запалом писал он «Дорогами Побед» – и, вернувшись, думал сразу продолжать их. Но и эта книга не двигается.

Мне кажется, что дело не в этих отдельных задуманных книгах: весь материал о последней войне войдёт сам собой в продолжение «Кап[итального] Р[емонта]». Он оживёт естественно, органически вплетённый в живую ткань развивающихся биографий героев, и Леонид дорастёт до подлинной оценки всего пережитого, вторично пережив это через жизнь своих героев.

Леонид сейчас созрел, как мыслитель и художник, и полон до краёв. Нужен маленький и верный толчок, чтобы это богатство вырвалось наружу сквозь мрачную броню недоверия к себе, прорвать которую самому мешает страшная усталость.

Какой должен быть этот толчок... взываю к Вашему великому уму и великому житейскому опыту.

Всем существом знаю, что Леонид может, продолжив «Капит. Ремонт», создать изумительную книгу о нашей эпохе, где на принципе его характерных «параллелей», встанут обе войны, империалистическая и отечественная.

Но развязка нашего пятого акта может быть и трагической. Был момент, когда, быть может, я прибегла к запрещённому приёму, чтобы предотвратить её: я сказала очень зло, что его имя, присоединённое к именам Есенина, Маяковского и Яхонтова, может вызвать слишком много ликований там, где злопыхательства и так хватает.

Он не ожидал такой постановки вопроса, – удар был неожиданный. Он отрезвел, на время.

Но я боюсь за него, очень боюсь.

ОЛЬГА ИВАНОВНА МИХАЛЬЦЕВА-СОБОЛЕВА

Москва. Тверской бульвар 25, кв. 17.
Т. К-136-85.
21 марта 1946 г.»

(РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 867. Л. 25, 25 об. Машинописный подлинник. Подпись – автограф. Пометка рукой Поскрёбышева: *«Сводка»*).

Соболев, видимо, рассчитывал на большие должности. Но Сталин к командным высотам его почему-то не допускал. Хрущёв тоже поначалу держал писателя в чёрном теле. Лишь летом 1953 года ему дали кафедру литературного мастерства в Литинституте. Но толкового преподавателя из него не получилось.

Перемены последовали лишь весной 1957 года. По одной из версий, Соболев якобы очаровал нового советского лидера своей страстной речью 19 мая на приёме руководителей партии с интеллигенцией в защиту коммунизма. Писатель тогда заявил: *«Если мы хотим писать о тех непорядках и недостатках, которые у нас есть в Советском Союзе, то, мне кажется, нельзя писать о них, не видя того, что есть. Если я писатель, то я вижу, что впереди светит большое солнце. Если я вижу, это солнце, я могу писать о любых недостатках, я могу выражаться любыми военно-морскими словами, если я вижу это солнце. Но если я этого солнца не вижу, если я пишу какую-то мелкотравчатую критику, которая будет подхвачена, то этого люди не поймут»* (Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени. Документы из личного фонда Н.С. Хрущёва. М., 2009. Том 2. С. 485).

В свою очередь Хрущёв в конце приёма, полемизируя с Маргаритой Алигер, подчеркнул: *«Вот Соболеву я верю <...> Вот беспартийный Соболев, которые по недоразумению не в партии, – я за него ручаюсь головой, а за Вас и одной руки не подниму»* (Указ. соч. С. 493).

Неудивительно, что Соболев был немедленно назначен руководителем одного из крупнейших издательств страны – «Советский писатель». Но Хрущёв будто посчитал, что этого мало. Якобы летом 1957 года он лично предложил романисту возглавить оргкомитет по созданию Союза писателей России.

Одновременно руководители Московской писательской организации Евгений Долматовский, В.Тевекелян и Г.Гайдовский подписали ходатайство в Киевской райвоенкомат Москвы с просьбой присвоить Соболеву очередное воинское звание капитана первого ранга (РГАЛИ, ф. 631, оп. 40, д. 510, л. 64).

Маленькое отступление. Когда я впервые в 2011 году высказал свои суждения о причинах возвышения Соболева, мне позвонил критик Александр Байгушев. Он многие мои выводы категорично опровергнул. По его мнению, всё обстояло проще. Соболев якобы лишь декларировал свою беспартийность. В реальности он ещё с 1930-х годов состоял в партийной разведке, которую курировал один из лидеров Коминтерна Отто Куусинен. Мол, не случайно писатель ещё до войны регулярно участвовал в дальних морских переходах с заходами в различные страны Европы. А план по созданию Союза писателей России родился, по словам Байгушева, прежде всего у Суслова, который боялся, что либералы могли взять реванш и окончательно прибрать к своим рукам Союз советских писателей. Поэтому в пику мнимым и явным ревизионистам партийный идеолог придумал новую структуру. Но чтобы не светиться самому, Суслов вроде бы перевёл все стрелки на другого секретаря ЦК – Поспелова, а затем и вовсе перепоручил это дело своим соратникам из Бюро ЦК КПСС по РСФСР. Затем он уже как куратор партийной разведки сделал ставку на давнего партийного разведчика Соболева, сумев своего ставленника подвести к Хрущёву. При этом Хрущёв, по словам Байгушева, о принадлежности Соболева к партийной разведке ничего не знал и якобы об истинных намерениях Суслова даже не догадывался. Но как документально подтвердить или опровергнуть версию Байгушева, я несколько лет не знал. Архивы на эту тему оставались закрытыми.

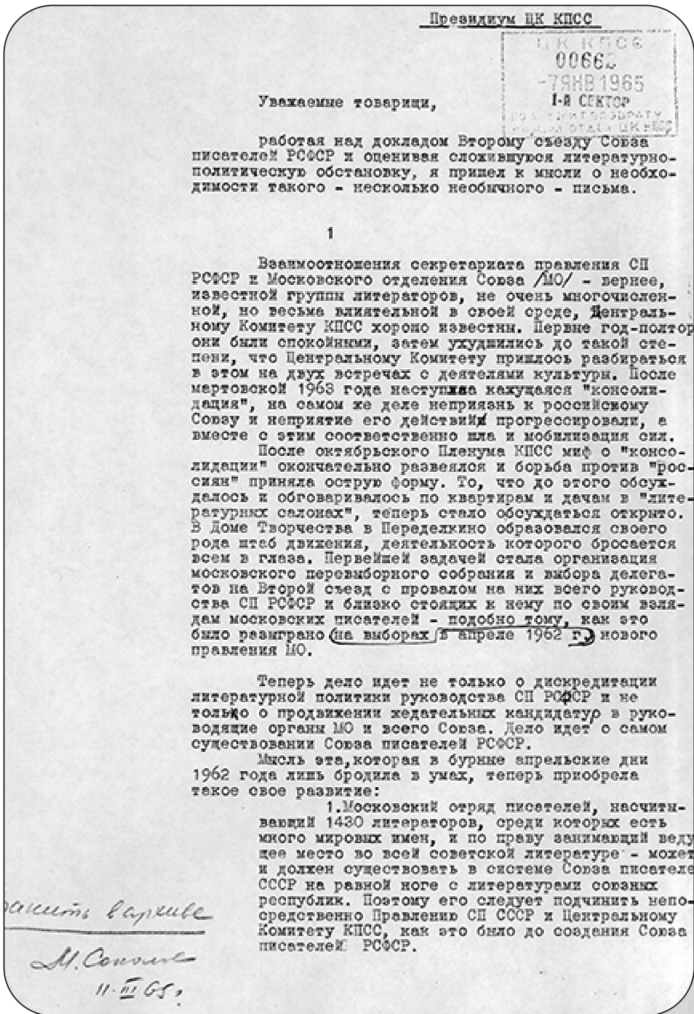
Что точно было известно? Во-первых, Соболев в отличие от большинства тогдашних литературных генералов имел весьмо неплохое образование. Он свободно владел английским языком, мог хорошо читать по-французски и понимал немецкий язык. Во-вторых, писатель имел свои принципы. Он был человеком идеи. В-третьих, Соболев обладал огромной работоспособностью и был лёгок на подъём. К числу же его недостатков я бы отнёс неровность его письма (в большого писателя создатель «Капитального ремонта» так и не вырос). Плохо оказалось и то, что писатель так и не смог избавиться от групповых пристрастий. И самое страшное: он сильно пил и нередко обращался к наркотикам.

Но вот в 2014 году Российский госархив новейшей истории открыл для исследователей ряд дел, касающихся создания Союза писателей России. И что выяснилось? Вообще-то на роль руководителя оргкомитета литературный генералитет поначалу выдвигал кандидатуру Константина Федина. Но против выступила часть партаппарата, ориентированная на Михаила Суслова. 29 июля 1957 года завотделом культуры ЦК КПСС Дмитрий Поликарпов и его заместитель Борис Рюриков доложили руководству:

«Отдел культуры ЦК КПСС считает, что предложенный Отделом науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР состав Оргкомитета Союза писателей РСФСР можно в основном принять, внеся, однако, следующие изменения:

1. Тов. Федина К.А. не следовало бы утверждать председателем Оргкомитета. Тов. Федин является секретарём Правления СП СССР, председателем Правления Московского Союза писателей. Следует также иметь в виду, что на III пленуме Союза писателей СССР и на московском собрании писателей т. Федин подвергался критике за либеральное отношение к имеющимся в Московской писательской организации серьёзным идейным недостаткам. Значительное количество писателей в Москве, Ленинграде и областях республики не поддержали бы кандидатуры т. Федина К.А. на пост председателя Оргкомитета.

2. Можно было бы рекомендовать на пост председателя Оргкомитета тов. Соболева Л.С., известного беспартийного писателя, стоящего на правильных



Президиум ЦК КПСС

ЦК КПСС 0066[illegible] -7ЯНВ1965 I-й СЕКТОР

Уважаемые товарищи,

работая над докладом Второму съезду Союза писателей РСФСР и оценивая сложившуюся литературно-политическую обстановку, я пришел к мысли о необходимости такого - несколько необычного - письма.

1

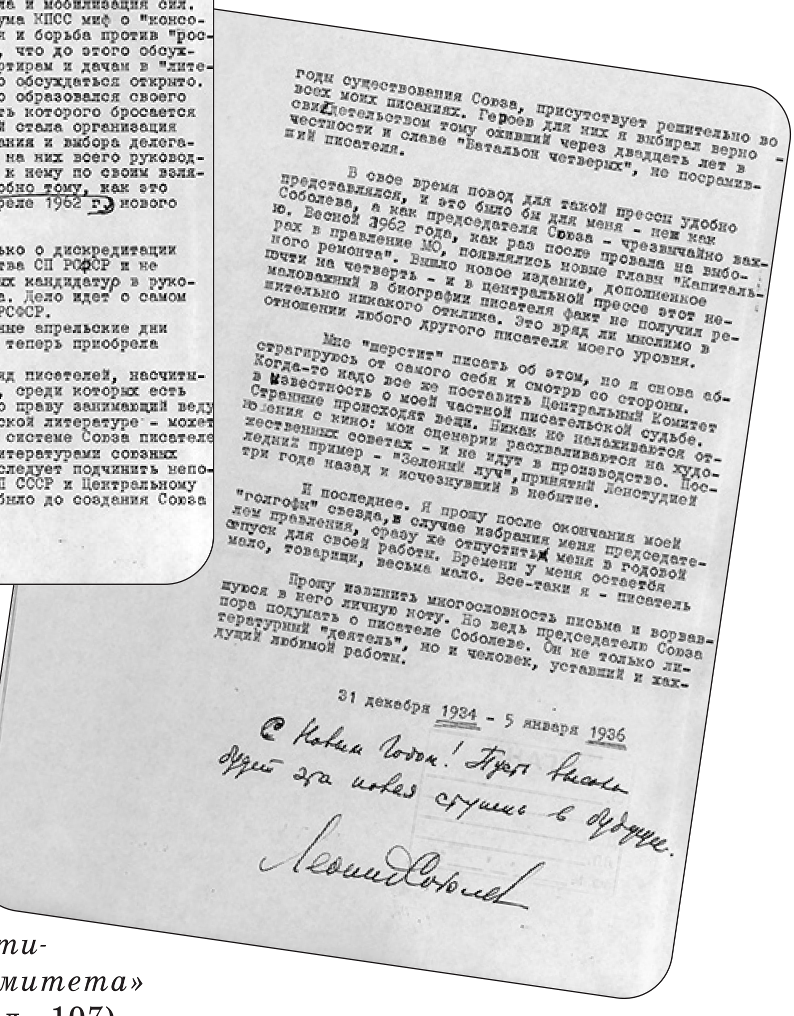
Взаимоотношения секретариата правления СП РСФСР и Московского отделения Союза /МО/ - вернее, известной группы литераторов, не очень многочисленной, но весьма влиятельной в своей среде, Центральному Комитету КПСС хорошо известны. Первые год-полтор[а] они были спокойными, затем ухудшились до такой степени, что Центральному Комитету пришлось разбираться в этом на двух встречах с деятелями культуры. После мартовской 1963 года наступила кажущаяся "консолидация", на самом же деле неприязнь к российскому Союзу и неприятие его действий прогрессировали, а вместе с этим соответственно шла и мобилизация сил.

После октябрьского Пленума КПСС миф о "консолидации" окончательно развеялся и борьба против "россиян" приняла острую форму. То, что до этого обсуждалось и обговаривалось по квартирам и дачам в "литературных салонах", теперь стало обсуждаться открыто. В Доме Творчества в Переделкино образовался своего рода штаб движения, деятельность которого бросается всем в глаза. Первейшей задачей стала организация московского перевыборного собрания и выбора делегатов на Второй съезд с провалом на них всего руководства СП РСФСР и близко стоящих к нему по своим взглядам московских писателей - подобно тому, как это было разыграно на выборах в апреле 1962 г. нового правления МО.

Теперь дело идет не только о дискредитации литературной политики руководства СП РСФСР и не только о продвижении желательных кандидатур в руководящие органы МО и всего Союза. Дело идет о самом существовании Союза писателей РСФСР.

Мысль эта, которая в бурные апрельские дни 1962 года лишь бродила в умах, теперь приобрела такое свое развитие:

1. Московский отряд писателей, насчитывающий 1430 литераторов, среди которых есть много мировых имен, и по праву занимающий ведущее место во всей советской литературе - может и должен существовать в системе Союза писателей СССР на равной ноге с литературами союзных республик. Поэтому его следует подчинить непосредственно Правлению СП СССР и Центральному Комитету КПСС, как это было до создания Союза писателей РСФСР.



годы существования Союза, присутствует решительно во всех моих писаниях. Героев для них я выбирал верно - свидетельством тому оживший через двадцать лет в чести и славе "Батальон четверых", не посрамивший писателя.

В свое время повод для такой прессы удобно представлялся, и это было бы для меня - нежели Соболева, а как председателя Союза - чрезвычайно важ[н]ю. Весной 1962 года, как раз после провала на выборах в правление МО, появились новые главы "Капитального ремонта". Вышло новое издание, дополненное почти на четверть - и в центральной прессе этот немаловажный в биографии писателя факт не получил решительно никакого отклика. Это вряд ли мыслимо в отношении любого другого писателя моего уровня.

Мне "шерстит" писать об этом, но я снова абстрагируюсь от самого себя и смотрю со стороны. Когда-то надо все же поставить Центральный Комитет в известность о моей частной писательской судьбе. Странные происходят вещи. Никак не налаживаются отношения с кино: мои сценарии расхваливаются на художественных советах - и не идут в производство. Последний пример - "Зеленый луч", принятый Ленстудией три года назад и исчезнувший в небытие.

И последнее. Я прошу после окончания моей "голгофы" съезда, в случае избрания меня председателем правления, сразу же отпустить меня в годовой отпуск для своей работы. Времени у меня остается мало, товарищи, весьма мало. Все-таки я - писатель.

Прошу извинить многословность письма и ворвавшуюся в него личную ноту. Но ведь председателю Союза пора подумать о писателе Соболеве. Он не только литературный "деятель", но и человек, уставший и жаждущий любимой работы.

31 декабря 1934 - 5 января 1936

позициях. Вопрос о заместителях председателя следовало бы рассмотреть совместно с тов. Соболевым, если будет принята его кандидатура. В частности, можно было бы рассмотреть кандидатуру секретаря Правления СП СССР тов. Маркова Г.М. на должность первого заместителя председателя Оргкомитета» (РГАНИ, ф. 13, оп. 1, д. 554, л. 107).

В конце 1957 года Соболев принял самое активное участие в создании новой писательской газеты «Литература и жизнь», продавив на должность главного редактора другого негласного партийного разведчика и неофициального помощника Михаила Суслова – Виктора Полторацкого. Но новый проект пошёл со скрипом. Уже летом 1958 года Полторацкий вынужден был прислать своему шефу жалобное письмо. Он писал:

«Дорогой Леонид Сергеевич!

Я восхищён энергичностью Вашей и других членов Бюро Оргкомитета, употребляемой на проведение предсъездовских собраний и семинаров. Предпринимаемые Вами хлопоты, поездки и выступления безусловно вызывают новый прилив сил и активности местных литературных организаций. Дело, которое Вы взяли в свои руки, грандиозно и очень полезно.

Но, меня крайне тревожит то обстоятельство, что основная предсъездовская трибуна, которую дала писателям РСФСР Партия – газета «Литература и жизнь», – как-то выпала из сферы внимания и Вашего личного, дорогой Леонид Сергеевич, и других членов Бюро Оргкомитета. Между тем, влияние её гораздо шире областных и даже межобластных собраний…

Редакция газеты, как Вы знаете, нача-

ла работу в ужаснейших, беспрецедентно-ужаснейших условиях. На первых порах газета была совершенно безликой и не отвечала тем высоким задачам, которые Вы декларировали в передовой статье первого номера. Ныне я смело могу сказать, что черты лица её если и не выявились во всех подробностях, то уже угадываются, проявляются характерными линиями.

Леонид Сергеевич, – подумайте, ценою каких усилий даётся нам это! Мы по-прежнему ютимся в шести чуланчиках (именно чуланчиках, а не комнатах!). Мы платим нашим работникам гроши по сравнению с тем, что получают работники редакции «Литературной газеты», каждый из которых выполняет работу в три раза меньшую чем любой из наших сотрудников (это явствует хотя бы из того, что штат «Литературной газеты» в три раза больше нашего, а объём и периодичность газет – одинаковы).

Меня крайне удивляет, что члены Бюро Оргкомитета (оговариваюсь – за исключением Вас и В.В. Архангельского) не используют свою газету как трибуну для предсъездовских выступлений.

Вам, конечно, известно, что Н.С. Хрущёв, на заседании где решался вопрос о создании газеты «Литература и жизнь», сказал: – «Пусть соревнуются с «Литературной газетой». Мы исполнены духа соревнования, но, дорогой Леонид Сергеевич, – ведь «Литературка»-то уже давно на ходу, а «Литература и жизнь» ещё никак не может отшвартоваться от организационных неурядиц. И Вы, товарищ адмирал, не проявили тут своего влияния и авторитета. Ведь нас (редакцию) по-прежнему теснит Б.Катаев. Неужели «Морская душа» не может поставить его «одинокий парус» так чтобы он вынес скорлупку «Юности» в другие воды и освободил фарватер для нас?..

Это, конечно, шутка, но – шутка с болью.

Нас, – коллектив редакции газеты и меня, её редактора, поддерживают и окрыляют письма читателей, поощрительные (хотя иногда и требовательные) отзывы отдела культуры ЦК. Но как недостаёт нам, как недостаёт! – Вашего дружеского и пусть сурового внимания, Вашей авторитетной помощи» (РГАЛИ, ф. 1572, оп. 1, д. 1, лл. 38–39).

Надо отметить, что с конца 50-х годов Соболев почти не писал. Он превратился в литературного вельможу. Всё писательское сообщество разделилось для него на два лагеря. В «своих» Соболев числил авторов журналов «Огонёк», «Москва» и «Октябрь». А в «чужаках» ходили прежде всего «новомирцы». Если кто напечатался у Твардовского, то в Союзе писателей России ему лучше было не появляться. Соболев мог запросто такому человеку без объяснений указать на дверь.

Деградации Соболева способствовали и частые запои. 21 октября 1961 года главный врач первой поликлиники четвёртого главка при Минздраве СССР И.С. Мироненко получил рапорт от дежурного врача неотложной помощи М.Ф. Саранской и дежурного невропатолога Е.И. Катамидзе.

«20.X.61 г. в 22 час. 30 мин., – доложили врачи, – *от жены б<оль>ного Соболева Л.С. (и/б 8974) поступил срочный визит в ОПНД: у б-ного «плохо с сердцем» на даче в Переделкино.*

На визит выехала врач неотложной помощи Саранская М.Ф. Больной находился в состоянии алкогольного опьянения в тёмной комнате. От осмотра отказался категорически, оттолкнул врача, грубил, не разрешил зажечь свет в комнате. Затем требовал у медсестры Бейлановой Л. инъекцию морфия.

Больному всё же с трудом было измерено кровяное давление (оно оказалось 130/70) и сделана инъекция платифиллина с кардиамином.

В связи с таким состоянием б-ного был вызван срочно дежурный невропатолог д-р Катамидзе Е.И. Больной продолжал грубить и оскорблять медицинский персонал.

При попытке успокоить б-ного и сделать ему инъекцию атропина с промедолом б-ной грубо оттолкнул медсестру со шприцом» (РГАЛИ, ф. 631, оп. 40, д. 510, л. 106).

27 октября 1961 года начальник четвёртого главка Министерства здравоохране-

ния СССР А.Марков вынужден был даже обратиться к министру культуры Е.Фурцевой с требованием «оградить медицинский персонал при исполнении им служебных обязанностей от подобных грубостей и оскорблений со стороны т. Соболева Л.С.» (РГАЛИ, ф. 631, оп. 40, д. 510, л. 105). Но Фурцева дипломатично рапорты врачей переслала Георгию Маркову в Союз писателей СССР. В сопроводительном письме она подчеркнула: *«Георгий Мокеевич! Я думаю, что это ближе к Вам. 13.IX.61»*. Марков в свою очередь дал поручение оргсекретарю Союза Константину Воронкову: *«Прошу переговорить»*.

Весной 1962 года Соболев получил весьма болезненный укол от Московской писательской организации. Его не выбрали в руководство столичной организации. Писатель после этого долго не мог прийти в себя.

В 1965 году должен был наконец состояться второй съезд писателей России, который до этого несколько раз откладывался. Либералы, недовольные деятельностью соболевской команды, создали в подмосковном Переделкине, в доме творчества некий штаб по выдвижению нового руководства. испугавшись возможного поражения на выборах, Соболев обратился с письмом сразу в Президиум ЦК КПСС.

Почти треть своего длиннющего письма (а оно состояло из семнадцати страниц текста, отпечатанного на машинке через один интервал) председатель Союза писателей России посвятил жёсткой критике двух журналов – «Юность» и «Новый мир».

Особое внимание Соболев уделил групповщине. При этом он признал, что подведомственная ему газета «Литература и жизнь» побороть эту болезнь не смогла. Она оказалась, по его словам, *«не очень пригодным оружием»* (РГАНИ, ф. 3, оп. 34, д. 194, л. 164).

Последнюю часть своего обращения к партруководству Соболев посвятил себе любимому. Он так и назвал эту главу: «О себе». Соболев писал:

«Всё-таки за эти семь с половиной лет, считая с Оргкомитета, я устал. Весьма устал. Совмещать трудную руководящую работу с писательской я не научился. А работать не только мечтаю, но обязан перед миллионами читателей.

Долги: окончание романа «Капитальный ремонт»

окончание повести «Цена времени»

цикл рассказов, погибающих в записных книжках времён войны

подготовка полного собрания сочинений.

А лет уже 66 с половиной. И силы не очень те.

Последние год-два, когда друзья и близкие настаивали на том, чтобы я нашёл способ оставить Союз и начать писать, я отвечал, что я – солдат, а война ещё не кончилась, но внутренно твёрдо решил, что после Второго съезда непременно оставлю мостик. Уже подготовил себе рабочее жильё в Ленинграде, в городе флота и романа.

Вот уже назначен был съезд. Но обстановка неожиданно изменилась. Обострилось всё, чем лихорадил Союз. Фронт придвинулся. Мы снова оказались на переднем крае. Более неудачного времени для проведения съезда нельзя было придумать – но он был назначен до всех перемен, взбудораживших литературных противников Союза.

И всё же решения своего я не менял: проведу съезд – и попрошу Центральный Комитет отпустить меня не для отдыха, для не менее важной для литературы работы.

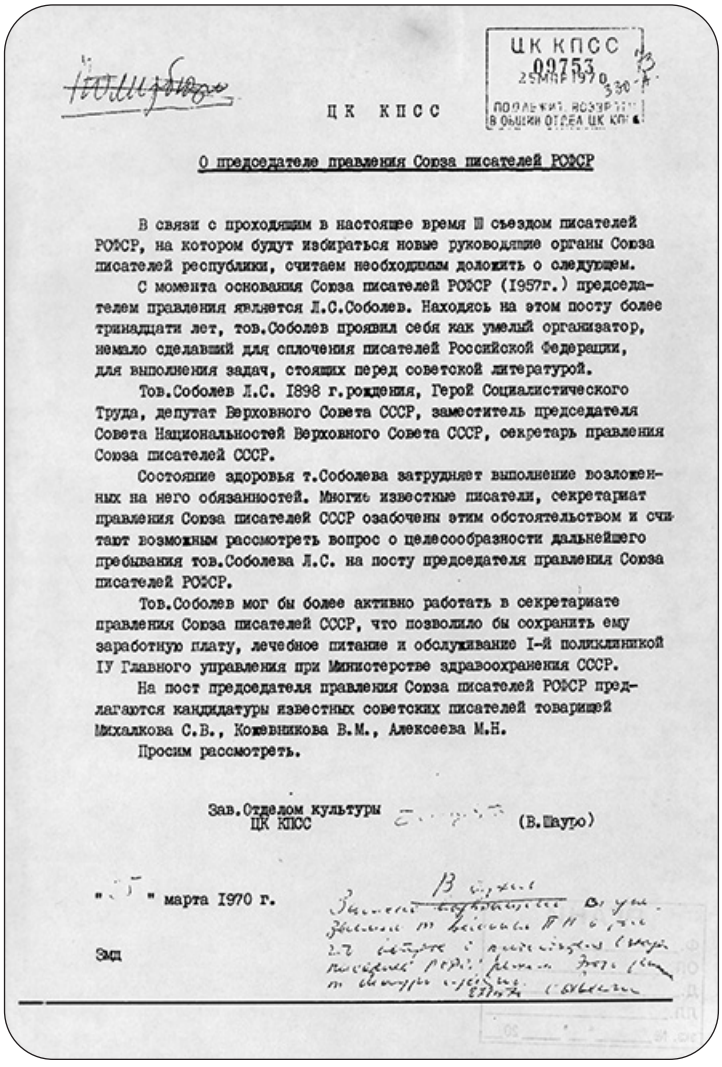
С этим я и начал настоящее письмо. Но за время его написания возникли новые обстоятельства, не ожидавшиеся мною.

В беседе с Л.Ф. Ильичёвым в ноябре я понял, что решение моё освободиться от Союза «нежелательно». Позже, в конце декабря, более резко сказал об этом мой давний соратник Д.А. Поликарпов: «политическая ошибка». Потом был долгий разговор в отделе Бюро ЦК по РСФСР с М.И. Халдеевым и З.П. Тумановой. А потом – серьёзные размышления под Новый год.

Они привели к тому, что мне следует отказаться от мысли оставить после съезда работу в правлении СП РСФСР.

Если я буду просить ЦК освободить меня от работы в правлении в качестве председателя, все недоброжелатели Сою-

за поймут мой уход, как безмолвное согласие ЦК КПСС с тем, что Соболев проводил в руководстве Союзом линию, ныне не одобряемую партией, и это будет принято как отказ от прежней линии в литературе. Примитивное же мышление политических обывателей поставит в прямую связь моё выдвижение Н.С. Хрущёвым и моё «падение» после его ухода.



ЦК КПСС

ЦК КПСС
09753
25 МАР 1970

О председателе правления Союза писателей РСФСР

В связи с проходящим в настоящее время III съездом писателей РСФСР, на котором будут избираться новые руководящие органы Союза писателей республики, считаем необходимым доложить о следующем.

С момента основания Союза писателей РСФСР (1957г.) председателем правления является Л.С.Соболев. Находясь на этом посту более тринадцати лет, тов.Соболев проявил себя как умелый организатор, немало сделавший для сплочения писателей Российской Федерации, для выполнения задач, стоящих перед советской литературой.

Тов.Соболев Л.С. 1898 г.рождения, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, заместитель председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР, секретарь правления Союза писателей СССР.

Состояние здоровья т.Соболева затрудняет выполнение возложенных на него обязанностей. Многие известные писатели, секретариат правления Союза писателей СССР озабочены этим обстоятельством и считают возможным рассмотреть вопрос о целесообразности дальнейшего пребывания тов.Соболева Л.С. на посту председателя правления Союза писателей РСФСР.

Тов.Соболев мог бы более активно работать в секретариате правления Союза писателей СССР, что позволило бы сохранить ему заработную плату, лечебное питание и обслуживание I-й поликлиникой IУ Главного управления при Министерстве здравоохранения СССР.

На пост председателя правления Союза писателей РСФСР предлагаются кандидатуры известных советских писателей товарищей Михалкова С.В., Кожевникова В.М., Алексеева М.Н.

Просим рассмотреть.

Зав.Отделом культуры ЦК КПСС (В.Шауро)

" " марта 1970 г.

Эмд

Абстрагируясь от собственной персоны, я отлично понимаю также, какой резонанс произведёт моё «отстранение» в зарубежных литературных кругах. Это будет расценено как «новая литературная политика», как победа «новой волны», – вне зависимости от кого, кто займёт моё место на мостике российского литературного корабля. Хочу я или не хочу, я на склоне жизни попал в фигуры большой политической идеологической схватки – и это я отчётливо понимаю, во всей тяжкости такого понимания и ответственности.

Следовательно, мне надо взять свою просьбу обратно – в том смысле, что я не буду отказываться от процедуры избрания на должность председателя Союза, хотя здесь видятся трудности немалые.

В частности – придётся согласиться на избрание делегатом съезда где-либо на российской периферии. До сих пор я решительно протестовал против такого варианта и настаивал выбираться в Москве – чем бы это ни кончилась. Мне было ясно, что иначе недруги расценят это как трусость. Провал ничего для меня не означал: для самолюбия это было бы только лестно – позор лёг бы не на меня, а на «лидеров» МО, а трибуны на съезде для доклада это меня не лишает.

Однако при новом решении оставаться – всё меняется: нельзя рисковать своей репутацией в глазах общественности и зарубежного внимания, ибо это репутация не отдельного писателя, а руководителя Союза.

Но вместе со мной на периферии должны избираться в делегаты и остальные секретари Союза. Иначе всё же получится, что я один «убоялся» и сбежал. А это – при всём понимании необходимости – всё-таки тяжело.

Я вынужден просить, в интересах дела, и о том, чтобы перед съездом общественному мнению напомнили, что я не только администратор, но и писатель.

Как ни трудно говорить о себе самом, но я вынужден сказать, что проводимая мной все эти годы ленинская установка партийности литературы не расходится с моей писательской практикой. В моих работах нет погрешностей «культа личности Сталина», все мои книги переиздаются без исправлений. В них отчётливо присутствует всегда концепция оптимистическая. Положительный образ, за который я так упорно боролся все годы существования Союза, присутствует решительно во всех моих писаниях. Героев для них я выбирал верно – свиде-

тельством тому оживший через двадцать лет в честности и славе «Батальон четверых», не посрамивший писателя.

В своё время повод для такой прессы удобно представлялся, и это было бы для меня – не как Соболева, а как председателя Союза – чрезвычайно важно. Весной 1962 года, как раз после провала на выборах в правление МО, появлялись новые главы «Капитального ремонта». Вышло новое издание, дополненное почти на четверть – и в центральной прессе этот немаловажный в биографии писателя факт не получил решительно никакого отклика. Это вряд ли мыслимо в отношении любого другого писателя моего уровня.

Мне «шерстит» писать об этом, но я снова абстрагируюсь от самого себя и смотрю со стороны. Когда-то надо всё же поставить Центральный Комитет в известность о моей частной писательской судьбе. Странные происходят вещи. Никак не налаживаются отношения с кино: мои сценарии расхваливаются на художественных советах – и не идут в производство. Последний пример – «Зелёный луч», принятий Ленстудией три года назад и исчезнувший в небытие.

И последнее, Я прошу после окончания моей «голгофы» съезда, в случае избрания меня председателем правления, сразу же отпустить меня в годовой отпуск для своей работы. Времени у меня остаётся мало, товарищи, весьма мало. Всё-таки я – писатель.

Прошу извинить многословность письма и ворвавшуюся в него личную ноту. Но ведь председателю Союза пора подумать о писателе Соболеве. Он не только литературный «деятель», но и человек, уставший и жаждущий любимой работы».

(РГАНИ, ф. 3, оп. 34, д. 194, лл. 170–172).

Но если Соболев изначально не собирался целый год тянуть лямку председателя Союза и выторговывал себе длиннющий творческий отпуск, то зачем же он так рвался на высокий пост? Неужели нельзя было подобрать достойную себе замену?

Практически одновременно в ЦК КПСС поступили письма от целого ряда писателей, недовольных Соболевым. Одно из них прислал Алексей Сурков. Обращаясь к секретарю ЦК Суслову, он писал:

«Дорогой Михаил Андреевич!

Простите, что я из больницы беспокою Вас этим письмом. Это касается предстоящего Российского писательского съезда. Меня, как литератора и коммуниста, волнуют два вопроса.

1. Как я узнал, предполагается (в изъятие из общего правила) не избирать делегатов на Всесоюзный съезд. Мне кажется – это неправильно. Нельзя будет объяснить, почему на всех съездах братских литератур будут выбирать делегатов, а на Российском не будут. Да и по существу – неужели это делается только из боязни, что кого-то могут забаллотировать? Мы же должны помнить, как это было унизительно, когда Л.Соболева выбирали в Союзе татарских писателей, а А.Софронова в Союзе бурятских. И практически – неужели придётся ещё раз созывать съезд для выборов делегатов? Мне кажется, что такое решение и тактически, и политически пользы не принесёт. Нельзя в угоду персональному самочувствию некоторых, не любимых литераторами людей, обострять отношения с большим коллективом, который надо консолидировать.

2. Как я узнал – предполагается будущее правление РСФСР вновь возглавить Л.С. Соболевым. Исходя из интересов будущей деятельности по подлинной консолидации сил российской литературы, мне думается, этого не следовало бы делать.

Л.С. Соболев в широкой среде большой русской литературы – фигура одиозная. Все помнят, что он стал неожиданно и для себя и для писателей председателем Оргкомитета (вместо намечавшегося К.А. Федина) и правления только потому, что его шумно поддерживал Н.С. Хрущёв. Все знают, что, долгие годы руководя организацией РСФСР, он нечего не сделал для создания нормальных отношений между правлением РСФСР и самим крупным в стране коллективом писателей Москвы, но много делал для обострения антагонизмов. Этим он снискал себе отчуждение и нелюбовь москвичей до такой степени,

что, боясь, как бы его не забаллотировали, организаторы подготовки съезда сочли за благо везти крупного русского писателя, председателя Союза, баллотироваться в Казань.

Мне кажется, что при таком «климате» оставление Л.С. Соболева председателем будет наводить людей на грустные размышления о демократии и мешать до зарезу нужному делу консолидации в самом значительном коллективе русских писателей, памятуя, что он объединяет не только шумную кучку демагогов, но и самых крупных и влиятельных литераторов.

Говорят, что Л.С. Соболев написал просьбу об освобождении его от председательской должности, но некоторые руководящие товарищи посчитали, что ему надо и впредь быть председателем, потому что нет достойной замены. Так ли это? Ведь Л.С. Соболеву под 70 лет. Председательство мешает ему быть пишущим писателем. Неужели же среди нескольких тысяч русских писателей не найдётся не менее творчески авторитетного, но более молодого и более тесно связанного с сегодняшними литературными кадрами человека, который бы возглавил самый многочисленный и самый политически сложный коллектив нашей многонациональной литературы?

Трудно назвать кандидатуру председателя такого, чтобы он был не иконой, а действующей единицей. Но если вместо председателя создать должность первого секретаря и тогда, думается, будет не трудно найти работоспособного, творчески и политически авторитетного человека в возрасте до 50 лет, вроде К.М. Симонова, С.С. Смирнова или другого литератора такого плана и масштаба. Может быть, это внесло бы новую струю в нашу, довольно медленно текущую литературно-общественную жизнь и помогло консолидации.

А Л.С. Соболева можно было бы достойно и с почётом перевести в президиум. По своему опыту бывшего первого секретаря я знаю, что от такой операции ни субъект, ни объект (литература) не умирают и жизнь продолжается.

Может быть, я не прав. Но, зная хорошо настроения в литературной среде, я всё-таки счёл себя обязанным написать это письмо.

С глубоким уважением – Ал. Сурков»

(РГАНИ, ф. 5, оп. 34, д. 124, лл. 72–73).

Однако руководство ЦК предпочтение отдало Соболеву, сделав всё, чтобы на втором съезде его вновь переизбрали на пост председателя Союза писателей России.

Сам съезд прошёл ни шатко ни валко и никого не зажёг. Почти все доклады и сообщения были пустые. *«Вчера,* – отметил 5 марта 1965 года в своём дневнике Лев Левицкий, – *в газетах доклад Соболева на съезде писателей. Мерзопакостный. Адвокатское красноречие при жиденьких мракобесных мыслишках. Защищает бездарные сочинения Алексеева и Баруздина, лягает статью Буртина, которая умна, точна, справедлива»* (Левицкий Л. Утешение цирюльника. СПб., 2005. С. 66).

После съезда Соболев пытался реабилитироваться хотя бы в глазах провинциальных писателей. Но и это у него не получилось. Подтверждение тому можно найти, в частности, в письме Виктора Астафьева. Как он в 1965 году ругал красноярского прозаика Алексея Черкасова. *«Он* [Черкасов. – *В.О.*], – негодовал Астафьев, – *один раз принародно лобызался с Соболевым, а в моих глазах мало чего стоит человек, лобызающийся с этим литбарином»* (Астафьев В.П. Нет мне ответа... Иркутск, 2009. С. 71). В другом письме, адресованном Александру Борщаговскому (оно было отправлено 23 октября 1965 года), Астафьев, делясь впечатлениями о читинском семинаре писателей, заметил: *«Вернулся я из Читы, где Соболев давал представление, названное мною «Его лебединая песня». Вся гнусь нашего времени, все литературные вывихи, всё шкурничество и дешёвое игранье в народность и партийность сосредоточились в этом человеке, как в сточной яме, беспросветной, вонючей, но сверху прикрытой зелёненькой травкой»* (Указ. соч. С. 73).

В конце марта 1970 года должен был

пройти третий съезд писателей России. Накануне открытия этого форума Соболев побывал на приёме у двух секретарей и членов Политбюро ЦК КПСС – Михаила Суслова и Андрея Кириленко. Влиятельные партийные руководители пообещали писателю свою поддержку и переизбрание на новый срок. Но во время съезда всё пришлось переиграть. 25 марта 1970 года заведующий отделом культуры ЦК КПСС Василий Шауро вынужден был срочно внести в ЦК новый документ. Он писал:

«В связи с проходящим в настоящие время III съездом писателей РСФСР, на котором будут избираться новые руководящие органы Союза писателей республики, считаем необходимым доложить о следующем.

С момента основания Союза писателей РСФСР (1957 г.) председателем правления является Л.С. Соболев. Находясь на этом посту более тринадцати лет, тов. Соболев проявил себя как умелый организатор, немало сделавший для сплочения писателей Российской Федерации, для выполнения задач, стоящих перед советской литературой.

Тов. Соболев Л.С. 1898 г. рождения, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, заместитель председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР, секретарь правления Союза писателей СССР.

Состояние здоровья т. Соболева затрудняет выполнение возложенных на него обязанностей. Многие известные писатели, секретариат правления Союза писателей СССР озабочены этим обстоятельством и считают возможным рассмотреть вопрос о целесообразности дальнейшего пребывания тов. Соболева Л.С. на посту председателя правления Союза писателей РСФСР.

Тов. Соболев мог бы более активно работать в секретариате правления Союза писателей СССР, что позволило бы сохранить ему заработную плату, лечебное питание и обслуживание 1-й поликлиникой IV Главного управления при Министерстве здравоохранения СССР.

На пост председателя правления Союза писателей РСФСР предлагаются кандидатуры известных советских писателей товарищей Михалкова С.В., Кожевникова В.М., Алексеева М.Н.

Просим рассмотреть»

(РГАНИ, ф. 5, оп. 62, д. 84, л. 73).

Что же произошло? Некоторые писатели и историки утверждали, что власть не простила Соболеву плохо проведённую годом ранее операцию по исключению Солженицына из Союза писателей. Другие всё сваливали на козни Сергея Михалкова. Но, думается, проблема заключалась не в интригах «дяди Стёпы». Судя по всему, Соболев в день открытия съезда – 24 марта на радостях сильно перебрал. Тем более с основным докладом пришлось выступать не ему, а Михаилу Алексееву. Он уверовал в своё переизбрание и, вероятно, не рассчитал свои силы. В пьяном угаре, видимо, возник скандал, понадобились допинги, наркотики. И это, скорей всего, и переполнило чашу терпения. Именно поэтому буквально утром следующего дня, 25 марта, появилась записка Шауро. А дальше путём интриг победила кандидатура Михалкова.

Соболев тяжело переживал свою вынужденную отставку. Видимо, на этой почве у него обострились старые болезни и обнаружились новые болячки. Он потом лёг в Кремлёвку. Врачи диагностировали рак желудка.

Развязка наступила в 1973 году. 17 февраля Соболев застрелился. Но народу правду никто не сказал. В газетах было напечатано сообщение ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР о том, что писатель якобы умер «после тяжёлой продолжительной болезни» («Литературная Россия». 1971. 19 февраля). Под некрологом подписалось всё советское руководство, начиная с Леонида Брежнева. Похоронили его со всеми почестями на Новодевичьем кладбище.

В постсоветское время проза Соболева оказалась невостребована. Читающая публика отказалась и от его переводов Ауэзова. Не случайно «Путь Абая» в 2007 году заново перевёл Анатолий Ким, открывший в этой эпопее множество новых смыслов и подтекстов.

ПОЭТ ПОШЁЛ В СТАРАТЕЛИ

...Как-то летом 1999 года я сидел в кабинете у своего давнего знакомого Владимира Егоровича Глотова, заведующего лабораторией нефти и газа СВКНИИ ДВО РАН, неспешно обсуждая вопросы гидрометеорологии страны в целом и водного баланса Магаданской области в частности. Не прошло и двух лет, как я покинул Теньку, и проблемы Колымской воднобалансовой стации, начальником которой я являлся в течение одиннадцати лет, передо мной стояли ещё очень остро. Зазвонил телефон. Глотов взял трубочку, о чём-то поговорил, а потом выдал:

– А вот сидит у меня начинающий поэт Сергей Сущанский, побеседуйте с ним.

И передаёт трубку мне. Блин, начинающий поэт – полтинник без малого! Ну, ладно. Собеседница назвалась Мариной Прасковой, предложила встретиться и записать для радио несколько моих стихотворений. Встреча состоялась, что-то записали, правда, вышла передача в эфир или нет – не знаю. Мы говорили о поэзии, и Марина обронила, что знакома с Пчёлкиным. Я попросил её показать Анатолию Александровичу мои стихи. И не смотря на занятость, поэт достаточно терпимо отнёсся к ним. А позже, в ноябре 1999 года мы встретились на литературной студии.

Во время одной из таких встреч я попросил у Анатолия Александровича подписать мне его книги и спросил, какая была необходимость скрывать своё имя под псевдонимом «Весьма Прытков». Ответ меня озадачил:

– Да, понимаешь, писалось легко, стихов было много. Какую газету ни откроешь – всё Пчёлкин, да Пчёлкин. Вот и решил разбавить!

Да, Пчёлкин был необычайно популярен и узнаваем среди магаданцев. Вот фрагмент из его дневников:

06.07.67 г. /Автобус 9^{00}/.

Провожает из Магадана Шумков. Прикидываюсь проходимцем. Шляпу надвигаю пониже, так что видна половина очков.

Выхожу из автобуса на 56-м. Пью пиво, искоса оглядываю перрон. Знакомых, кажется, нет. Подхожу к аэровокзалу, кто-то рассматривает. Оглядываюсь – Вологин. Улыбаюсь – нервы не выдержали, подхожу. Узнал – но моя шляпа его смущала.

Комары. Полбутылки портвейна. Где-то за забором, из горлышка, налету...

...Автобус отходит, облегчённо вздыхаю: кажется, дальше меня уж никто не узнает. Но, до самой Бурхалы кто-то да пялит глаза, то один, то другой, то одна, то другая. А на Стрелке присел на зава-

линку перекурить. Старик подошёл. Пьяный, запойный. Всё больше о международном положении толковали. Потом он сказал:

– Люблю корреспондентов и вообще тех, кто пишет. Ты ведь корреспондент?

– Нет, – говорю.

Не поверил, извинился, ушёл…

В своей последней книге Анатолий Александрович собрал произведения Весьма Прыткова в один большой раздел. Книга эта называется «Непогодь. Стихи перестроечных лет». Но как соотносится её название с творчеством Весьма Прыткова? Всё-таки, непогодь – это боль, тревога, раздумья. Что и представлено в первой части книги. А произведения Прыткова – это юмор, смех, *«наблюдёшки, побрехушки, пародырки и эпиграшки»*! И я подумал, что к произведениям Прыткова больше подошло бы название «Не, погодь!» Что в переводе – по Пчёлкину же! – с русского на русский, означает «Ну, погоди!» А иначе как объяснить фигу, нарисованную сыном поэта, и помещённую в книге, едкие стихи и эпиграммы в адрес известных и малоизвестных магаданских литераторов и не только литераторов? Смею предположить, что Пчёлкин выбирая название книги, мыслил аналогично.

Тогда, в июле 1967 года, поэт решился на авантюру – поступил рабочим в старательскую артель «Спутник» прииска Бурхала. Впечатления о первых днях в артели – продолжение дневниковых записей:

08.07.67 г.

…Ещё раз познакомились с Фейгиным. Его портрет нужно решать в чистых тонах, при полностью открытой диафрагме. Резкий передний план и дымка, пространство, свет – за спиной.

Пчёлкин – пожарный. Пос. Эгвекинот, 1973 г.

Среди умных руководителей, он отличается благородством.

…В артель меня принимают вместо глухого лотошника, старого пайщика, алкаша. Когда ему принесли протокол, написанный красными чернилами и зачитали его, старик улыбаясь и еле ворочая языком, сказал: «Кто-то знает литературу лучше меня. А я был 10 лет корректором. Книгу свою сам корректировал. Русский язык знал на 5».

Его увели на ужин. Без выпивки.

09.07.67 г. Воскресенье.

Заступаю в ночную смену. Отныне я – рабочий промшлюза, первый старатель среди поэтов, первый поэт среди здешних старателей.

14.07.67 г.

«Художественная» самодеятельность. Птичкин в роли бульдозера. Очень тяжёлый грунт.

Завяз Королёв. Тянули двумя тракторами. Откапывали трясину. Отсоединили нож – вынули. Промывку начали в пять утра.

Королёв /о комарах/: «Вот тварь, радио не слушает, газет не читает, метеосводку не знает, а вчера куда-то спряталась. Мороз-то только сейчас ударил!»

Дед: «У них своя метеостанция. С точностью до комариного фуя!»

А ещё бульдозер вытаскивают так: разрезают ленту и он сам выкатывается. Гусеницы тянут отдельно. Чаще всего это делают зимой. Обкайливают, обжигают, машину выкатывают, а потом – обутку.

С Людм. Вас. договорился относительно «Литературки», «Лит. России» и «Футбола». Привезёт ли Дронов альманах? Есть ли мне письма?..

Сгорела вторая пара верхонок.

Заяц. Второй раз на этой же дорожке. Теперь он бежал обратно. Предложил захватить ружьё – нельзя. Близко пионерлагерь...

Наша столовка. Подшучивают надо мной. А.П.

15.07.67 г.

Брат Каштанки. «Старик» на полигоне. С лисьей мордой, умными (мудрыми даже) глазами. Король тащил бочку с Дальнего. Слышит лай. Остановит, зовёт в кабину – не идёт. Лает и оглядывается. Король посмотрел – бочки нет, метров 400 уже отъехал...

Андреич – фронтовик. Глаз у него искусственный, правая нога на протезе. Пальцы правой руки исковерканы. На золоте 12 лет. Как-то я потерял или прозевал что-то.

– Замечтались? А я не забываю. Я всегда о золоте думаю /я всегда об ей думаю.../

... Съёмка плохая – 250 г с колоды за сутки. Моем отвал, перебутор. Первый раз эти пески давали по килограмму за смену.

Собираемся на Ныркovую. Постараюсь уехать.

16.07.67 г. Воскресенье.

Настоящее имя «Старика» – Банда! Это сука!

Ночь сегодня была сырой и холодной. Низкие облака, изморось.

...В 4 ужинали /завтракали или обедали/, в 5 начали мыть, в 6 у Короля закипел «чай» в радиаторе. Я начал съёмку. Всё перепутал, промок. Он не помогал. Часов в 8 говорит:

– Ну, загонял ты мотор сегодня!

– Что ж не подскажешь?

– А, ничего. Один раз помучаешься, на следующий всё запомнишь!

Потом он дал мне лоток. Сначала с чистым золотом. Потом – с грязью. Получилось примерно так:

1. Вот смотри. Это – золото. Не урони.

2. Вот лоток. В нём – золото. Его не видно, но оно есть. Найди и не урони.

В третий раз он скажет:

– Вот лоток, скребок, лопата. На этом ключе где-то есть золото. Где – не знаю. Найди его. Найди там, где его нет...

После работы в старательской артели у Анатолия Пчёлкина появились цикл стихов «Старательские тетради». Наверное, он очень любил эти стихи, ибо представлены они и в сборнике, который поэт готовил, но увидеть уже не успел. Сборник «Ветер века» был издан в Магадане в 2004 году к 65-летию поэта.

...К 1973 году в активе у Пчёлкина было уже четыре сборника стихов, в том числе книга «Тринадцать месяцев», выпущенная в Москве в издательстве «Молодая гвардия». И в 1973 году поэта принимают в члены союза писателей СССР. В Эгвекинот летят телеграммы, много телеграмм:

ЭГВЕКИНОТ МАГАДАНСКОЙ
ПРОЛЕТАРСКАЯ 1 КВ 28
ПЧЁЛКИНУ АНАТОЛИЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ
ХАБАРОВСКА 23/391 43 27 0921
=ДОРОГОЙ НАШ ПАПУЛЯ ПОЗДРАВЛЯЕМ НЕСЧЁТНО РАЗ РАДУЕМСЯ ВМЕСТЕ С ТОБОЙ ГОРДИМСЯ ТОБОЮ ЖЕЛАЕМ ТЕБЕ КРЕПЕНЬКОГО ЗДОРОВЬЯ И СИЛ ДЛЯ НОВЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СООБЩИЛИ БАБУШКЕ ЖДЁМ СКОРОЙ ВСТРЕЧИ С ТОБОЙ КРЕПЕНЬКО ЦЕЛУЕМ = ДЕНИСКА МАМА=

ЭГВЕКИНОТ МАГАДАНСКОЙ
ПРОЛЕТАРСКАЯ 1 КВ 28

ПЧЁЛКИНУ АНАТОЛИЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ
МАГАДАНА 5/88046 52 +7 0443=
ПРИМИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ СВОИХ ПОЧИТАТЕЛЕЙ ТЕПЕРЬ ТЫ ЧЛЕН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ПУСТЬ ТАЛАНТ ТВОЙ НЕ ЗНАЕТ ЗАКАТА СТИХАМИ ВСЕГДА БУДЕТ ЖИЗНЬ БОГАТА УСПЕХОВ ТЕБЕ ЗАЩИТЕ ДИПЛОМА ГОРДИМСЯ ТОБОЮ ДРУГ НАШЕГО ДОМА ЖДЁМ ОТ ТЕБЯ СТИХОВ И КНИГ МЫ НОВЫХ ОБНИМАЕМ И КРЕПКО ЦЕЛУЕМ СЕМЬЯ ШУМКОВЫХ =

ЭГВЕКИНОТ МГД
ПЧЁЛКИНУ АНАТОЛИЮ А
СИРЕНИКИ 148 29 16 0220
СИРЕНИКОВСКИЕ ЧИТАТЕЛИ ЗНАЮТ ЛЮБЯТ ВАШИ СТИХИ РАДЫ ВИДЕТЬ ВАС РЯДАХ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ШЛЁМ ПОЗДРАВЛЕНИЯ ПОЖЕЛАНИЯ НОВЫХ ПОЭТИЧЕСКИХ НАХОДОК ЖДЁМ ВСТРЕЧИ ЭСКИМОССКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ = БИБЛИОТЕКАРЬ ДОЛМАТОВА =

А что же Пчёлкин? В документе на фирменном бланке, выданном Анатолию Александровичу райгосинспектором Иультинской районной инспекции рыбоохраны «Охотскрыбвода» С. Пудинаком говорится, что:

СПРАВКА
Дана участковому инспектору Пчёлкину А.А. в том, что с 20 апреля 1973 г. он находится в отпуске в связи с выездом на экзаменационную сессию за V-й курс Литературного института им. Горького /г. Москва/.
18 апреля 1973 г.

Чуть позже, в июне 1973-го Пчёлкин пишет неведомому мне Николаевичу:

Николаич!

Вынужден задержаться. Тут такое творится – сердце стынет. А время идёт, сойдут лужи, просохнет земля, чёрта с два кому-нибудь что докажешь. Маловато, правда, осталось бланков – только на 5 протоколов, но и их надо добить.

На эти 4 акта срочно составляй постановления (в тех, которые ты мне дал, нет твоей подписи) и высылай адресатам.

Мои предложения:

1. *Механику Чумакову – 10 рублей*
2. *Володе Тихвинскому – 15 (парень больно хороший).*
3. *Лазаренко из ГРЭ – 15*
4. *Меншикову (УРС) – тоже 15 (можно б и больше, но наверстаем в следующий приезд.*

В понедельник буду прорываться на РМС и Полярнинскую автобазу. Сегодня был там, ничего Цветашов не сделал, надо врубить его на полста. Но никого не застал. Выходной.

Грязь непролазная. По Шмидту все ходят вплавь. Мне легче, на мне фуражка морская. Жаль, что рыбацких сапог нету.

Живу в аэропортовской гостинице «Полюс», комната 2. Депутатская. Спаренный люкс. Понадобится – звони. Вечером. Дежурной звони, позовут.

А сетей в магазине нет...

Наш будущий механик – парень отменный. Имеет права судоводителя, навигацию знает, на КЖ работал ещё во Владивостоке. Завтра заедет ко мне в гостиницу, познакомимся поближе. Но, в общем, знакомство уже состоялось и я, как видишь, уже вписал его в акт на Чумакова свидетелем.

...Был у инспекторши Амуррыбвода. Тётка она не плохая. Муж согласен сидеть с детьми, но не больше 3–4 дней. Остались они в раздумье, в понедельник дадут ответ.

Я бы, конечно, больше за то, чтобы сотрудничала она с нами в качестве общественника. Денежки ей нужны, а штрафников, прямо под носом, хоть пруд пруди. Об этом мы говорили, она подумает.

А пока работает в вечерней школе, ей это сподручно и ставка там лучше нашей.

Такие дела.

Во вторник – среду буду выбираться обратно. Если б тут транспорт хоть какой-нибудь был! Или, на худой конец, путеводитель по местным помойкам! Ведь ни хрена концов не найдёшь: где чья помойка. А с одного короба меня часовой штыком в грудь пинал. И главное – спрыгнуть некуда. Вперёд не пускает, взад не даёт, влево можно, но грязь, а справа – запретная зона, склады какие-то. Так я задом-таки до какой-то навозной кучи до-

тянулся и так по смежным помойкам на дорогу и вышел. Чуть отдышался – Свеколкин в машине из Рыркайпия прёт, привет из кабины машет. Знал бы он, каково мне было здороваться с ним, по спине ещё мурашки величиной с кулак бегали!..

Ну, всего доброго.

Ребятам привет. Пчёлкин. 16.06.73

Анатолий Александрович Пчёлкин... Абсолютное большинство магаданских читателей знает его как Поэта – с большой буквы. И я, ещё в годы работы на Колыме познакомился именно с поэтическим творчеством А.Пчёлкина. И вдруг, среди архивных бумаг, коих в писательской организации за время «правления» А.Пчёлкина скопилось огромное множество – папка, озаглавленная «Все острова обитаемы. Июнь 1965». Открываю папку – «Драма в 4-х актах»:

«...Все острова обитаемы. Каждый человек – обитаемый остров. Нужно ценить в нём это, по крайней мере – иметь ввиду. Борьба за человека в человеке, его мыслящее и индивидуальное начало...

...Вторая линия – легенда о необитаемых островах и воздушных замках. Улыбка по этому поводу. Человек не может (жить) сам по себе. Он в обществе. Он остров в море людей. Он остров на материке. Заселённом и заселённом густо, активно».

И хотя чувствуется, что поэт неоднократно возвращался к своему творению – на одном из листов рукописи стоит дата IV.76., – пьеса осталась незавершённой, это всё наброски, какие-то зарисовки для дальнейшей работы. И лишь в конце папки – четыре машинописных листочка:

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Площадка № 1 /слева, вверху/ – квартира Солдатовых. Горит керосиновая лампа. Иван уже одет, в телогрейке, в шапке, сидит за столом, допивает чай.

Площадка № 2 /справа, вверху/ – комната Андрея. Горят четыре свечи. Андрей пьёт кофе, ходит по комнате, читает стихи Пастернака.

Площадка № 3 /внизу, общая сцена/. Погружена во мрак.

Пурга. Её завывания слышно ещё до поднятия занавеса и сейчас продолжается несколько тише.

ПЛОЩАДКА 2.

АНДРЕЙ. Мело, мело по всей земле,
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.
Как летом роем мошкара
Летит на пламя,
Слетались хлопья со двора
К оконной раме.
Метель чертила на стекле
Кружки и стрелы.
Свеча горела на столе.
Свеча горела...

(*Задумывается, делает несколько глотков, бормочет тише, его почти совершенно не слышно...)*

ПЛОЩАДКА 1

(Иван поднимается, хочет идти, но неосторожно задевает стакан, тот падает, разбивается и тотчас же слышится голос жены).

КСАНА. Медведь! Последний стакан угрохал! (*Появляется на пороге кухни.*) С похмелья башка не соображает ... что ли? *(Последние слова она произносит совсем не воинственно. Иван подошёл к ней, смотрит. Молча. Молча. Совсем молча. А когда Ксана испуганно захлопала глазами и попятилась – сплюнул).*

ИВАН. Нэ вмэр, Даныло, так болячка задавыла!..

ПЛОЩАДКА 2

(Андрей погасил уже три свечи, он одет, подходит к четвёртой, продолжает читать стихи. Задумчиво. Мягко. Но подчёркнуто, так, что последние строки звучат как бы эпиграфом ко всему спектаклю).

АНДРЕЙ. ...Мело весь месяц в феврале
И то и дело
Свеча горела на столе,
Свеча горела...

(Тушит последнюю свечку.)

ПЛОЩАДКА 1

(Часы бьют девять. Ксана собирает осколки, плачет).

ПЛОЩАДКА 3

(Хлопает дверь. Входят несколько человек. Щёлкают выключателем – свет не загорается).

ГОЛОС 1. Что-то света всё утро нет.

ГОЛОС 2. А его и в посёлке нет.

ГОЛОС 3. Экономия, мальчики, экономия! Будни на улице, чего иллюминацию зря жечь? Всё равно все дороги ведут к коммунизму. *(Чиркает спичкой, осматривается, напевает)*

К коммунизму путь далёк,
Ыкономьте уголёк!..

ПЛОЩАДКА 1

КСАНА. На край света! За таким дураком! Тьфу! *(Тушит лампу, всхлипывает, уходит на кухню. Дверной проём освещён изнутри.)*

ПЛОЩАДКА 3

(Вспыхивает свет. На сцене трое рабочих. Входит Иван, он замёрз, потирает руки.)

ИВАН. Ну, что? Вьюги-козыри?!? Тёзка, включай калорифер, курить пора! *(Бросает рукавицы на «буржуйку», у которой уже колдует Иван Козлов. Козлов растапливает печь, Солдатов и двое рабочих закуривают, пританцовывая от холода.)*

ИВАН. Ну, шо, ребята? Рвать будем, чи как? *(Первый пожимает плечами, затягивается.)*

ВТОРОЙ. Может, будем, а может, нет. *(Кивает в сторону пурги.)* Если утихомирится...

ПЕРВЫЙ. Нам что? Скажут рвать – будем рвать... *(Второй в знак согласия пожимает плечами, затягивается.)*

КОЗЛОВ. А как же собрание? Ты что, инженера не слышал? *(Теперь пожимают плечами и затягиваются оба.)*

ВТОРОЙ. А нам инженер не платит и наряд не даёт.

Входит Чевычалов.

ЧЕВЫЧАЛОВ *(с порога)*. О! Да у вас, братцы мои, Ташкент! (Нараспев) «У Чёрного моря!..» *(Ивану)* Руководишь, Солдатик? Здравствуй.

ИВАН. Прывет, Леонид Иванович. Политинформацию провожу *(кивает в сторону двоих.)*

ЧЕВЫЧАЛОВ. Кирилла и Мефодия хочешь поссорить? Так это ж ни одному парторгу не под силу. *(Снимает бушлат.)* Ты чего не раздеваешься?

ИВАН. Машину пиду посмотрю. Она мою политику лучше понимает. *(Козлову)* А ты посыдь, Козлик, я мигом!

ДВОЕ отходят от печки, им уже жарко, они направляются

в разные концы сцены, садятся спиной друг к другу:

разыгрывают пантомиму...

...И ещё воспоминание. В декабре всё того же 1999 г. явился я на Парковую, 3 на очередное заседание литературной студии. По непонятным мне причинам, народ не собрался, заседание не состоялось. Пчёлкин сидел в кабинете за небольшим столиком и беседовал с незнакомой мне

дамой. Я поздоровался и дёрнулся уйти – дабы не мешать. Но Анатолий Александрович жестом остановил меня и пригласил присесть. Оказывается, под газеткой была разложена какая-никакая закуска, у стены прикрытая журналом, стояла початая бутылочка водочки. Пчёлкин плеснул и мне.

Беседа, в которой я участие не принимал и особо не вникал в звучавшие географические названия Чукотки, продолжилась. А потом Анатолий Александрович начал читать свои стихи – из неопубликованного. В том числе – «Однажды в Москве, в ЦДЛе (стихи из сундука забытого поэта)».

Эту вещь Пчёлкин включил в книгу «Непогодь». Всегда читаю её – с большим удовольствием. Читаю, перечитываю и вспоминаю короткие встречи с Анатолием Александровичем, которых всего-то было – по пальцам пересчитать...

Сергей СУЩАНСКИЙ

г. МАГАДАН

Георгий СИДОРОВ

В ПОИСКАХ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Георгий Сидоров окончил биолого-почвенный факультет Томского университета. После окончания более двадцати лет занимался научными исследованиями Приполярья, Восточной Сибири, Эвенкии, Якутии, Чукотки. Во всех своих путешествиях по северу Азии молодой исследователь натыкался на следы древнего пребывания в высоких широтах представителей белой европеоидной расы. О белых голубоглазых светловолосых людях, которые когда-то жили по всему северу Сибири, ему рассказывали северные народные сказители. Кроме всего прочего, местные жители не раз показывали любопытному русскому места, где когда-то стояли города и деревни белых людей «далёкого прошлого».

В результате своих изысканий Георгий Сидоров пришёл к выводу, что сравнительно недавно примерно 2–3 тысячи лет до н.э. весь север Азии контролировался предками современных европейских народов и что колыбелью белой расы является не Европа или Средняя Азия, как считают западные учёные, а гигантские просторы Сибири.

– Георгий Алексеевич, мы с вами встретились в северной столице, в Петербурге, на речке Охта, на борту катера. Далеко ли вы на нём собрались путешествовать?

– Катер хороший, класса «озеро – море». Он приобретён для того, чтобы ходить по рекам Восточной Сибири – Оби, Енисею, Нижней Тунгуске – и исследовать труднодоступные районы. Приполярный Урал и Восточная Сибирь сейчас требуют особого отношения. Дело в том, что геологам запрещено наносить на карты древние артефакты – гигантские мегалиты, руины городов, замков. А там много таких памятников с гигантскими стенами, вырезанными из мощных каменных блоков абсолютно правильной прямоугольной формы. Это серьёзные артефакты, память древней погибшей цивилизации. Пора бы за это взяться. Хватит верить западным учёным, что якобы Сибирь – это не историческая территория. Наоборот, самая историческая, какая только есть. Там везде руины – и надо разобраться, чьи они. Археологи этим не занимаются потому, что наложен жёсткий запрет. Если они находят монголоидный череп, громко заявляют – «тут жили тюрки или самодийцы». А как найдут черепа европеоидной расы, начинают их прятать. Потому везде политика. Определёнными мировыми финансовыми кругами дана установка, что Сибирь должна принадлежать им, они хотят её прибрать. Значит, нужно внушить всему миру, что белой расы, а русские – это её коренное ядро, не было в Сибири вообще. То есть будто Сибирь – не наша земля, а палеозиатских народов, что русские пришли, эту землю у них отобрали и теперь хозяйствуют здесь не по праву. На самом деле, по праву. Эта гигантская территория, начиная от Кольского полуострова и даже, может быть, от Средней Скандинавии, кончая Камчаткой, и на юге Среднекитайской равниной – это земля наша, она нам по праву принадлежит. И даже Северная Америка, потому что по всей её территории лежат кости нашего народа. Антропология и генетика это подтверждают.

– Вы о какой древней цивилизации говорите? О той, которую называют гиперборейской?

– Тут вопрос серьёзный, требует специальных исследований. Как сказал Кант, «подлинная история – это всё-таки мифология». И если верить мифологии всех народов белой расы, получается, что гигантская северная территория с шельфами, которые сейчас ушли под воду, была занята племенами, вернее, родами белой расы. Это была какая-то особая цивилизация, о которой мы плохо знаем, но данные можно найти в Ватикане. У меня есть карта, вернее кусок карты, которая была украдена из Ватикана. На ней северные очертания Евразии совершенно другие, а вся карта Сибири покрыта городами и дорогами. Правда, эта карта переписана и название городов – на латинице. Это абсолютно рабочая карта, я её проверил следующим образом. Сейчас наша экспедиция идёт к острову Белый, там, следуя скандинавской саге, стоял храм Даждьбога – бога Солнца, разорённый викингами в середине 10 века. Я взял этот кусок карты и нашёл на ней остров Белый – смотрю, там обозначен храм! Так что карта хорошая, я думаю, она списана с другой, более древней карты, сделанной ещё до Великого потопа, до гибели всей древней цивилизации. Вот найти бы подлинник!

– Как давно существовала эта цивилизация?

– Я описал в своей первой книге, как в деревне Ржавчик Кемеровской области под слоями угля было найдено древнее захоронение. Сколько там всего было саркофагов, никто не знает. Но местные жители помнили, когда подняли первый артефакт – ящик из чёрного мрамора – открыли его, там оказалась девушка, идеально сохранившаяся: рост 1, 80 м, идеально сложенная, с русыми волосами. У неё была полупрозрачная одежда, а сверху она была залита жидкостью. Мне всё это рассказала одна старушка в поезде, с которой я ехал. Рассказала, что нашли и подняли саркофаг местные шахтёры, там был её сын. А потом кому надо

сообщили, приехали ребята из спецслужб, всё оцепили, что-то ещё копали. Потом прилетело несколько самолётов, всё сложили и увезли. Все люди, которые занимались этим делом, друг за другом вымерли – и её сын в том числе. Я думал, что это какая-то местная легенда. Написал об этом в книге, а потом, очевидно по моей наводке, люди заинтересовались – и президентский канал отправился на поиски этого артефакта. Оказалось, всё правда, все фамилии, которые я назвал, подтвердились. Потом вышла передача. Но к чему я это говорю? Дело в том, что эти саркофаги были подняты с глубины, соответствующей докембрийскому периоду, потому что каменноугольный период карбона лёг сверху. По самым скромным подсчётам это 60 миллионов лет назад. Куда это всё делось – неясно, видимо, ушло в какие-то схроны масонов и иллюминатов. Итак, получается, что белая раса присутствует на Земле в течение многих миллионов лет. Но если это началось до кембрия, а в то время, если верить нашим учёным, не было кислорода на Земле, а было много углекислого газа и азота, по получается, что те люди могли жить без кислорода, следовательно, они не были земными, они пришли из космоса, скорее всего, это была исследовательская космическая база. А почему они оказались в этих в этих саркофагах, залитых жидкостью, это вопрос, на который мы не можем ответить. Возможно, придёт время, когда эти люди встанут и спросят – зачем вы нас тронули? Или кто-то ещё за них спросит с тех, кто это сделал. А так, скорее всего, и будет потому, что там такая мощная цивилизация, что не с нашими скромными познаниями вмешиваться в их замыслы. О чём это ещё говорит? Что теория Дарвина – это искусственная теория. Дарвин придумал то, что человек произошёл от обезьяны и что все расы практически одинаковы. Это всё сказки, хотя эволюционный процесс идёт, это правда.

– Вернёмся к вашим экспедициям. После одной из них вы назвали самым загадочным регионом Горную Шорию. Как вы узнали о нём?

– Дело вот в чём, Горная Шория – это место, которое до 1972 года было полностью закрыто от нашего народа. Очевидно, это началось после смерти Сталина, территорию объявили местом, где американцы будут якобы добывать золото для себя. Там местных жителей нет, это высокие горы, иногда туда лишь забредали охотники. В конце правления Хрущёва там начали строить лагеря для заключённых, этими лагерями всю территорию покрыли. Во время перестройки лагеря эти стали распускать – денег на содержание не хватало. Первыми туда зашли геологи, поднялись в горы – и остолбенели, увидев эти руины. Глаза смотрят, а сознание не воспринимает. На тысячу с лишним метров стоят двадцатиметровой высоты стены, сложенные из огромных глыб правильной формы, весом не менее двух тысячи тонн каждая. Мегалитическая кладка с замками, всё сделано намертво. Люди почесали репу, объяснить ничего не смогли, сфотографировали место, прислали мне потому, что читали про мои исследования Среднего Приобья. И вот мы приехали туда по этой наводке. Как поднялись вверх, у нас ноги подкосились. Огромные сооружения, но со следами катастрофы. Целые глыбы, каменные обелиски разбросаны по ровной платформе со следами сильных ударов. Там такие силы работали, что трудно вообразить.

Видны удары сверхмощного оружия. Взрывной волной часть стены вырвана и улетела метров на пятьсот, разбросав огромные камни. На другой части стены заметны следы попадания мощных каких-то ракет или чего-то подобного, и видно, что наверху гранит горел – он до сих пор белый, там целые ямы выгоревшего гранита. Знаете, уж насколько у меня нервная система ко всему привычная, там я испытал шок. Мы ночь первую не спали, не могли поверить, что находимся в России. Ведь подобные артефакты находятся либо в Египте, либо в Америке, либо в Индии. А вскоре там обнаружился очень сильный поток энергии из-под земли. Деревья растут на голых камнях, корни в воздухе, на камне вообще нет почвы. Как это объяснить? А дерево живое, благоухает. Это натолкнуло нас на мысль, что здесь были какие-то древнейшие энергоцентрали северной цивилизации, построенные в горах. Ведь когда-то Никола Тёсла говорил, что можно перебрасывать энергию из одной точки пространства в другую на любые расстояния без проводов. Может быть, там были каменные устройства по перебросу сейсмической энергии от ядра земли к поверхности? И эта энергия до сих пор течёт, никуда не уходит, поэтому там всё живое. Мы увидели там одну сотую часть всего, что там есть. И сейчас надо дальше вести исследования.

– Вы выходите с какими-то записками, докладами на госорганы, пытаетесь достучаться до власти?

– Вы знаете, если я буду пытаться достучаться до власти, всё моё время туда и уйдёт. Я предпочитаю работать в том направлении, в котором работаю. А наши находки сами сделают своё дело. Они лучше прошибут стены, чем я своей головой. Сейчас нам написал Майкл Кремо, археолог-исследователь из Америки, он тоже хочет к нам присоединиться.

Майкл Кремо был у нас с докладом в Тюменском университете, но дальше Тюмени его не пустили. Кремо доказывает, что цивилизации на земле – не тысячи, а миллионы лет. Он рассказывает о том, что на территории США нашёл отпечатки обуви людей, которые ходили по этим местам около 60 млн. лет назад. Но что самое сенсационное – он сказал, что на этой обуви есть надпись кириллицей и показал эту подошву. И ему дали аккуратно понять, что ему в России делать нечего. Вы понимаете, какая мощь масонов в науке? А говорят, что эту информацию не принимает сознание. Да всё принимает! Это просто отговорки. Есть просто установка, что русский народ обречён на вымирание. Поэтому говорить о его древности нельзя, это ломает все представления. Есть гаплогруппа R1a1, которая должна погибнуть, потому что это опасная группа для тех, кто управляет планетой.

– Гаплогруппа – это такой генетический код народа?

– У каждого биологически самобытного народа есть своя гаплогруппа. Фактически – это генетический маркер, потому что гаплогруппа в силу её наследственной неизменности через Y-хромосому одинакова у всех мужчин одного народа.

Так вот, гаплогруппа R1a1 – это северная гаплогруппа, в России 80–90% населения имеют эту гаплогруппу. А на территории Западной Европы в Скандинавии 24%, в Германии 22%. Хотя по крови, по

расе они близки к нам, но они уже изменились. Генетика изменилась. Скандинавский тип – белые волосы, высокий рост, но нос уже курносый, от финно-угорской генетики. Это открытие сделали американские генетики. Об этом я написал в книги «Сияние вышних богов и кромешники». По мнению генетиков, расселение всего многообразия белой расы по планете идёт из Восточной Европы. И русский народ является коренным народом, который дал различные направления расселения – в Индию, в Иран, в Европу. И это написали американцы! А Вы читали еврейские работы по русскому языку? Это надо читать, они умницы! Они прямо говорят, если хотите, чтобы ваши дети были умными, развивались по-настоящему, не учите ни английский, ни иврит – учите русский язык, это образный язык, он строит мозги, строит сознание. А после можно уже на любой язык перейти. Израильские учёные написали просто гимн русскому языку. Ещё расскажу об открытии, которое сделали немцы. В Скандинавии и в Германии заметили закономерность, что если в их школы приходят учиться русские дети, то буквально через три месяца общения норвежские, датские, шведские, немецкие дети переходят на русский язык. Они свободно разговаривают, учась у наших детей русскому языку. Наши дети их языки усваивают с трудом, усваивают ровно так, как позволяет их сознание и память. В остальных науках наши дети более образованные. Наши дети просто академики по сравнению с их детьми. Зато западные на огромных скоростях усваивают русский язык. И этим вопросом занялись немецкие учёные, которые исследовали зонированные связи в головном мозге. Оказалось, нейроны головного мозга общаются между собой на частотах русского языка! Это не наш язык, это – космический, образный язык. Часть языка мы сохранили, не весь, конечно. Вот почему так страшно, что сейчас на Украине творится – создаётся какой-то другой этнос западной Украины, ломается генетика. Вы понимаете, нейроны общаются на одной частоте, а им вкладывают другую частоту искусственного языка. Это же страшно – миллионы людей свели с ума, создав искусственное направление в языке. Все языки, оказывается, начиная с латинского, искусственно созданные. Это надо понять и принять.

– Как называется ваша новая книга?

– «Рок возомнивших себя Богами». Там затронуто много тем. О том, как зародилась враждебная землянам сила, и кто ею управляет. О том, что Библия – это ветхозаветный проект, мощное психотропное оружие, которое нацелено на разрушение человеческого сознания, а первой жертвой библейского проекта стали несчастные евреи. Эта книга написана ещё для того, чтобы реабилитировать великого Сталина, который сделал для России просто невероятные вещи, о которых ещё и не все знают. Он спас наш алфавит, если бы не он, у нас была бы латиница. Я показал, как стратегически точно они с Берией решили охранять страну, понимая, что любая осаждённая крепость – а Советский Союз был такой крепостью – падёт, потому что найдутся те, кто продаст её. Они решили перенести военные действия на территорию врага и создали мощнейшие спецслужбы. Интересная деталь – людей тщательно отбирали, брали только славян определённого роста, цвета глаз и волос, без единого пятна на коже, чтобы дегенеративного комплекса не было. Этих людей готовили и переправляли за границу, чтобы каждый подонок, каждый иллюминат, который собирается атаковать нашу страну, умирал, чтобы враги знали, что ходят под прицелом. Это была серьёзная скрытая война. И сейчас, если мы ходим выжить, надо делать то же самое. Путин, наверное, уже об этом думает. Троянский конь всегда будет, нужно, чтобы война была в лагере у врагов. В этой книге я описал устройство общества Золотого века, как оно работало. Первый слой такого общества – слой общинных тружеников. В России он был в виде артельщиков, ведь до прихода большевиков у нас уже был создан артельный социализм. И Сталин создавал такие социалистические хозяйства, при этом заботился об образовании своего народа. Обычно подонки не хотят давать образование, ведь дураками проще управлять. А Сталин дал всем доступ к высшему образованию. Второе слой – управленцы. И у нас был свободный переход от тружеников к управленцам. А в Индии всё наоборот – там в одной касте родился, в ней и умрёшь. Верхний слой – философы, хранители закона, хранители знаний и воспитатели детей. Вот структура общества «Золотого Века». Наверху стоял царь или император, он был управленец. Ему давали возможность работать 12 лет, и каждые два года он отчитывался перед хранителями закона, перед народом. В этот момент он терял всякую власть и, если его признавали «эффективным» он продолжал дальше работать. То есть обратная связь была. А хранители закона были старейшими и мудрейшими, они уже прожили свою жизнь и им материальный план был неинтересен. Главное для них было служение и связь с творцом. Я ничего не выдумывал, я всё взял у Платона. И показал, что «Золотой Век» у нас ещё можно построить.

Беседу вела Т. ТРУБНИКОВА

НА НАШИ ИЗДАНИЯ ВЫ МОЖЕТЕ ПОДПИСАТЬСЯ ПО КАТАЛОГУ "РОСПЕЧАТИ":
"МИР СЕВЕРА"
ИНДЕКС - 47303. ПЕРИОДИЧНОСТЬ - РАЗ В ДВА МЕСЯЦА.

"ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ"
ИНДЕКС - 50232